ПИОНЕР 1

1984

«ПРИЕЗД В КАШИНО». **Рисунок Н. Н. Жукова.**

«...И дети, подрастающие пролетарии, должны помогать революции.»

В. И. ЛЕНИН

ОТРЯД ГОВОРИТ С ОТРЯДОМ

ВСЕХ! ВСЕХ! КТО С ЧЕСТЬЮ НОСИЛ, КТО С ГОРДОСТЬЮ НОСИТ ПИОНЕРСКИЙ ГАЛСТУК, КТО ВЕРЕН КРАСНОМУ ГАЛСТУКУ ВСЮ ЖИЗНЬ — поздравляем с 60-летием присвоения имени В. И. Ленина Всесоюзной пионерской организации.

Всесоюзный пионерский сбор-поиск «ВЕРНОСТЬ КРАСНОМУ ГАЛСТУКУ» продолжается!

НЕПОВТОРИМАЯ СУДЬБА

Наш добрый друг «Пионер»! Пишут тебе члены штаба «Искатель» музея истории областной пионерской организации города Омска. Мы, конечно, хотим участвовать во Всесоюзном пионерском сборе «Верность красному галстуку». Наш музей всякий раз помогает нам испытывать чувство радости и гордости за нашу пионерскую организацию. Каждый документ нашего музея — это неповторимая человеческая судьба. Вот, к примеру, юная Баграш Суханова из аула Карагунак Таврического района. Она погибла от руки кулаков. Но память о ней жива. Пионерские отряды и дружины носят ее имя. А вот совершенно прекрасная страничка из истории пионеров военных лет. 179 тысяч рублей собрали пионеры и октябрята на танк «Малютка». Этот танк участвовал в Сталинградской битве. Его механиком-водителем была женщина — Екатерина Алексеевна Петлюк. В 1975 году она встретилась в нашем музее с Адой Александровной Занегиной, той самой Адой, с письма которой и начался сбор денег на танк. Вот это письмо военных лет: «Я — Ада Занегина. Мне 6 лет. Пишу попечатному. Гитлер выгнал нас из города Сычевки Смоленской области. Маленькая я, а знаю, что надо разбить Гитлера, и тогда мы поедем домой. Мама отдала деньги на танк. Я собрала на куклу 122 руб. 25 коп., а теперь отдаю на танк...»

В нашем музее есть рассказ о тимуровской команде военных лет села Горьковское, о юннатских делах, о первых пионерах и лучших отрядах. И каждый документ, каждый галстук — это рассказ о верности пионерскому делу.

Сколько времени проходит, пока мальчишка или девчонка выучится быть не просто экскурсоводом, но и консультантом, который может ответить на любой вопрос. Думаете, волнуешься только первый раз, когда ведешь экскурсию? Нет, конечно. Видишь глаза, которые ждут от тебя знания и совета, и волнение возвращается вновь.

Наш музей имеет много наград, бронзовую медаль ВДНХ. Но самая большая награда всем поколениям наших пионеров — это верность красному галстуку, которая передается от старших к младшим и живет вечно.

По поручению штаба «Искатель» Наташа ДОВГАЛЮК и Света ПЛЯСЕЦКАЯ, г. Омск.

Красный галстук в нашей семье

В эти торжественные дни юбилея — 60 лет с именем В. И. Ленина — мне хочется рассказать вам о красном галстуке в нашей семье. О маме моей, Капитолине Ивановне Беловой, в нашем городе говорят, что она вечная пионерка.

Родилась моя мама в год рождения пионерской организации, хотя это, может быть, и случайность. Не случайно то, что она была пионеркой-активисткой, и в 1936 году ее наградили поездкой в «Артек». Мама всегда с восторгом вспоминает это лето. Именно тогда она решила, что хочет всю свою жизнь связать с пионерской организацией, с воспитанием детей. Она поступила в Горьковский педагогический институт, но ее учебу прервала война. Мама пошла на завод. После войны семья переехала в Днепропетровск, и мама стала старшей пионервожатой 63-й школы. И одновременно заканчивала Запорожский пединститут. В 1950 году она одной из первых вожатых города была награждена медалью «За трудовую доблесть». Мама работала педагогом, организатором внеклассной и внешкольной работы, директором городского Дворца пионеров и долгие годы директором Дома пионеров Амур-Нижеднепровского района г. Днепропетровска. Самая дорогая у мамы награда — это значок ЦС ВПО имени В. И. Ленина «За активную работу с пионерами».

Я не случайно говорю, что вся жизнь моей мамы прошла в красном галстуке. И не случайно в городском музее пионерской славы ей посвящен целый стенд. И когда проходят пионерские парады, конференции и встречи с пионерами, моя мама

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

ЯНВАРЬ 1

Москва 1984 г.
Издательство «Правда»

вместе со своими сверстниками по пионерскому детству стоит в своем пионерском галстуке, который хранит все эти годы. А рядом с ней — ее пионеры.

Мамина жизнь и ее работа определили и мою судьбу. С трех лет я росла в пионерских лагерях, присутствовала на парадах и сборах и очень рано выучилась трубить в горн и отбивать барабанную дробь. Я, как и мама, стала педагогом, тоже люблю пионерское лето и лагерь, как и мама, работаю в Доме пионеров методистом и руководителем районного пионерского штаба «Пламя». Для меня, как и для мамы, дорога награда «За активную работу с пионерами». И мне, как и маме, хочется все, что я знаю и умею в пионерском деле, передать сегодняшнему поколению юных ленинцев. Я думаю, что многие пионеры прошлых лет, которые не носят уже галстука, все же имеют сердце, преданное пионерскому делу. И верность галстуку несут через всю жизнь.

ВОЛКОВА Людмила Александровна,
г. Днепропетровск.

ЗАБЫТЬ НЕЛЬЗЯ

Пионерские годы забыть нельзя. Самыми счастливыми людьми оказываются те, кто активно участвует в жизни своего отряда. В подтверждение этих слов расскажу о своих товарищах. Сколько радости было для всех нас и для Ирины Кулаковой, когда по ее предложению мы поставили спектакль для октябрят по сказке «Золушка»! Мы всегда поддерживали любую инициативу. В поход, так в поход, спортивные состязания — мы готовы. Поездка на Мамаев курган — всем отрядом. Фестиваль «Пятнадцать республик, пятнадцать сестер» — прекрасно!

Мы были правофланговым отрядом, и немалая доля в этом деле наших старших товарищей. Помню, с каким увлечением рассказывал нам мой отец, как они боролись за имя Саши Филиппова. Мы тогда еще только вступили в пионеры. А потом и мы боролись тоже за имя Саши Филиппова для нашего отряда. И тоже получили его. Нам удалось отыскать брата героя, который погиб шестнадцатилетним. Нам не забыть волнующие минуты встречи — ни из одной книжки не смогли бы мы узнать столько о жизни и подвиге человека, с чьим именем шагал Маршем наш отряд.

Страна Пионерия сдружила нас. Теперь мы комсомольцы, но друзьями остались навсегда. И хотим продолжить эстафету — передать младшим, потом нашим детям пионерское наше дело и верность красному галстуку!

Светлана ЧУМАК, г. Волжский,
Волгоградская обл.

Самое прекрасное время

Многое в моей жизни связано с пионерией. Иногда мне кажется, что я навсегда останусь пионеркой, потому что это самое прекрасное время. Уже полгода я комсомолка. Но продолжаю работать с пионерами. Комитет комсомола поручил мне помогать отрядным вожатым, и я возглавляю теперь пионерский сектор в комитете комсомола.

В восьмом классе мне и радостно и грустно. Радостно, что я комсомолка, старшеклассница. Грустно, что уже позади пионерский мой отряд, пионерские лагеря, «Артек», где мне посчастливилось побывать. Хочется, чтобы пионерские годы не были только прекрасным воспоминанием, хочется сохранить их навсегда.

Погода у нас сейчас немного испортилась. Пришла осень, идет дождь. Немного грустно. За лето я подготовила много интересного для моих младших товарищей. А в свободное время я пишу стихи. Вот такие.

Грозы, слезы, рифмы, строки —
Все смешалось в этом мире,
Шум дождя я тихий слышу,
Шум листвы берез, калины...

* * *

Когда ручей побежал за лес,
Когда вода зажурчала в степи,
Только тогда я поняла,
Что такое родная земля.
Когда лен за деревней цветет,
Белых чаек не слышен полет,
И меня не зовут берега,
Для которых я тоже чужа...
Пусть везде есть заря, облака,
Но милей Костромская земля!

Рита СМИРНОВА,
г. Кострома.

ПОЙТЕ, ГОРНЫ! БЕЙТЕ, БАРАБАНЫ! ВСТАВАЙТЕ В ПИОНЕРСКИЕ ШЕРЕНГИ, ЮНЫЕ ЛЕНИНЦЫ ВСЕХ ПОКОЛЕНИЙ!

У НАС БОЛЬШОЙ, СВЕТЛЫЙ ПРАЗДНИК! 60 ЛЕТ ШАГАЮТ ПИОНЕРСКИЕ КОЛОННЫ С ИМЕНЕМ ЛЕНИНА.

ИМЯ ЛЕНИНА — В СЕРДЦЕ КАЖДОМ! ВЕРНОСТЬ ПАРТИИ — ДЕЛОМ ДОКАЖЕМ!

Под влиянием революционных событий в России в октябре 1917 года произошла революция в Германии. Она началась восстанием военных моряков в городе Киле 3 ноября 1918 года. Из Киля революционные события, как огонь по сухому хворосту, перекинулись в Гамбург, Бремен, Любек и другие северные города. Восстаниями рабочих забурлил горняцкий Рур. На юге страны появилась Баварская Советская республика.

В декабре того же 1918 года была образована Коммунистическая партия Германии. Но в январе 1919 года были зверски убиты вожди германского рабочего класса Карл Либкнехт и Роза Люксембург. Силы компартии были еще невелики и раздроблены. Это и привело Ноябрьскую революцию 1918 года в Германии к жестокому поражению.

Только в декабре 1920 года, когда революция практически шла на убыль, компартия объединилась с Независимой Социал-демократической партией Германии. Инициатором этого объединения была гамбургская организация независимых социал-демократов во главе с Эрнстом Тельманом.

Летом 1921 года в Москве проходил III конгресс Коммунистического Интернационала. В составе немецкой делегации был будущий председатель Коммунистической партии Германии, вождь немецких трудящихся Эрнст Тельман.

Юрий КАЧАЕВ,
Эдуард ШАРАПОВ

ТЭДДИ ИЗ ГАМБУРГА

РАССКАЗ

Рисунки В. ДУДКИНА.

Уже под вечер со стороны моря дохнуло грозой. Вначале налетел тугой и влажный ветер. Придорожные тополя зашумели, выворачивая светлые ладошки листьев. Ветер промчался дальше, и на проселочной дороге закружились пыльные волчки.

Потом упали первые пробные капли, исклевали полотно дороги, и оно стало похоже на заклепанную корабельную обшивку. Спустя какой-то миг хлынул теплый июньский дождь. Деревья плескались в нем, словно исполинские рыбы.

Гроза утихла так же внезапно, как и началась. Острее запахло умытыми травами, снова запели птицы, а земля подернулась прозрачным парным туманом.

— Как хорошо-то! — Эрнст вдохнул полной грудью, снял пиджак и накинул на плечи своей спутнице.— Вы озябли, Зина. Вторые сутки со мной мучаетесь, еще простудиться не хватало.

— Что вы, мне совсем не холодно. Но все равно спасибо.— Девушка благодарно посмотрела на Тельмана и добавила.— Теперь уж недалеко и до места.

Они свернули на какую-то тропинку и углубились в лес. Кусты то и дело обдавали их дождевой водой.

Тельман шел за Зиной, машинально отводя от лица ветки, и мысли его были в Гамбурге, с женой и маленькой Ирмой. Как они там без него? Роза, конечно, волнуется и ждет его возвращения. А он еще идет по литовским лесам, избегая встреч с людьми. Идет на восток, в Советскую Россию, чтобы поспеть к открытию III конгресса Коммунистического Интернационала.

Вчера он нелегально перешел германо-литовскую границу. В назначенном месте его должен был ждать проводник. Эрнст знал, что это будет женщина, литовская коммунистка. Знал и ее имя: товарищ Зина. И все-таки он немного растерялся при встрече: уж очень молоденькой оказалась его проводница. Она сидела под дубом и беззаботно плела венок из полевых цветов. Венок и был паролем.

— А мне он не подойдет? — произнес Эрнст условные слова.

— Давайте примерим,— серьезно ответила девушка и внимательно посмотрела в лицо незнакомцу. Русые, уже немного редеющие волосы обрамляли высокий чистый лоб. Прямой нос, плотно сжатые губы и по-детски доверчивые светло-голубые глаза. Поднявшись, она с улыбкой надела венок на голову Эрнста.— Все в порядке, товарищ, можно идти.

Он поднял небольшую дорожную сумку Зины, и они отправились в путь. Девушка хорошо знала немецкий, и за разговорами Эрнст не заметил, как подошли к реке. За излучиной ниже по течению дремал какой-то небольшой городок. Закатное солнце играло в окнах домов и на шпиле костела. Зина решительно направилась туда.

— Зачем? — удивился Эрнст.

— А что делать? Там мост.

— Не понимаю. Это же лишний риск. Не лучше ли просто переплыть реку?

— Не лучше.— Зина потупилась.— Я совсем не умею плавать.

— Ничего. Безвыходных положений не бывает,— сказал Эрнст.— Идемте вон к той косе.

На песчаной отмели, заросшей тальником, он разделся, сложил свою и Зинину одежду в сумку и переправил ее на другой берег.

— Ну вот, половина дела позади.— Он ободряюще подмигнул Зине.— Теперь очередь за вами. Идите сюда и не бойтесь.

Держа девушку за локти, Эрнст пятился все глубже в воду.

— Смелее... Вот так... Здесь еще мелко. А теперь держите меня за плечи, только покрепче. И отталкивайтесь от воды ногами.

Эрнст плыл уверенно, словно совсем не чувствуя тяжести.

— Не бойтесь,— говорил он, мерно работая руками.— Я ведь на Эльбе вырос. А кроме того, бывший моряк. Ну подумайте сами, может ли моряк, хотя и бывший, утонуть в такой смешной речушке?.. А вот и берег, а вот оно и дно, уважаемый товарищ Зина... Вставайте...

Ночевали они на прибрежном лугу, зарывшись в стог сена. Ночь стояла звездная и такая тихая, что хотелось говорить вполголоса.

— Как я вам завидую,— сказала Зина.

— Мне? Почему же?

— А я всегда завидую сильным и храбрым людям. Потому что сама трусиха. Я так боялась идти в воду.

— Это вы-то? Бросьте на себя наговаривать. Разве трусы работают в подполье?

Зина засмеялась.

— И все-таки вы счастливее меня. Скоро окажетесь в Москве... Скажите, вам не приходилось встречаться с Лениным?

— Пока нет. Но теперь есть надежда...

— А что, по-вашему, главное для революционера?

— Верность,— подумав, ответил Тельман.— Да, верность, которая проверяется всей жизнью. И даже самой смертью. Важно только знать, ради чего идешь на гибель. Тогда и умирать не страшно.

— А что же страшно?

— Страшнее всего — предать товарищей, которые тебе верили.

Зина кивнула:

— Да. Мой отец умер под пытками, но никого не выдал.

— Он был солдатом революции, Зина. И товарищей по оружию любил больше собственной жизни.

— Любил товарищей,— едва слышно повторила девушка.— Но ведь он и нас с мамой любил, уж я-то знаю.

— Понимаю, что вы хотите сказать. Но тут нет противоречия. Любовь к вам светила ему сквозь все страдания и помогла победить...

...Это было вчера. И сегодняшний день уже погасал в неумолчном звоне кузнечиков, в засыпающем шорохе летнего разнотравья.

Впереди за деревьями послышался конский топот, забулькали удила. Эрнст и Зина бросились в сторону и затаились. Мимо, шагах в двадцати от них, проехали двое верховых в форме литовских пограничников. Они о чем-то негромко переговаривались, привычно покачиваясь в седлах.

Эрнст проводил всадников взглядом и поежился: за воротник сползла студеная струйка воды. На цветке колокольчика перед самым лицом сидел большой рыжий муравей и как будто изучал незнакомца.

— Чего уставился? — шепотом, с улыбкой спросил Эрнст.— Давай топай своей дорогой...

Неожиданная встреча с пограничниками заставила глубже уйти в лес. Вскоре стало совсем темно, и непонятно было, как Зина находит нужное направление. Наконец они вышли к лесному озеру. Пройдя немного вдоль берега, Зина остановилась и крякнула по-утиному. Из темноты возникла еле различимая фигура, послышалась литовская речь.

— Товарищ Эрнст, идите сюда,— позвала Зина.

Прощаясь с ней, Тельман задержал в своей ладони холодную руку девушки:

— Будьте счастливы, Зина. И помните: мы с вами обязаны дожить до светлых дней, когда сможем открыто, не таясь, ходить по родной земле.

— И вам всего доброго. Привет Москве.— Зина на мгновение прижалась щекой к его лицу.

Длинноусый старик в надвинутой на глаза шляпе провел Эрнста к лодке, усадил и взмахнул веслом. Без единого всплеска лодка пошла к противоположному берегу, где уже начиналась Советская Россия.

По черному стеклу озера впереди лодки, отражаясь, скользила крупная зеленоватая звезда.

Небо над Красной площадью круглилось, словно огромный парус. И под ним, под этим синим парусом, невесомо плыли островерхие башни Кремля. Солнце слепяще вспыхивало на золотых куполах соборов, высвечивало диковинную резьбу луковиц на Василии Блаженном и заливало светоносными волнами гранитную брусчатку.

В это утро Тельману не сиделось в гостинице, и он спозаранку отправился бродить по городу. Ему хотелось побыть одному и хоть как-то упорядочить свои впечатления от этих дней, прожитых в Москве, от многочисленных встреч с товарищами, от жарких словесных схваток между делегатами конгресса.

Тельман до мельчайших подробностей вспомнил выступление Ленина на утреннем заседании 1 июля. Во время ожесточенных перепалок между делегатами Эрнст вдруг потерял Ленина из виду. За столом президиума его не было. Оказалось, что он, готовясь к выступлению, уже сидит на ступеньках левее и чуть позади трибуны, положив на колени блокнот. Внимательно слушая очередного оратора, Ленин делал какие-то пометки и, задумываясь, изредка подносил к губам карандаш. Лицо Ильича, казалось, передавало отношение к каждому сказанному слову. Оно то хмурилось, то светлело, то принимало выражение холодного гнева, а иногда на нем мелькала едва заметная усмешка.

Особенно выразительными и живыми были глаза. «Говорящими» назвал их кто-то из товарищей Тельмана.

Свое выступление Ленин начал, резко подавшись вперед:

— Мы победили в России потому, что имели за собой прочное большинство не только в рабочем классе, но и в армии, и в крестьянстве. У вас этого еще нет.

И он продолжал, подчеркивая каждую мысль рубящими движениями руки:

— Необходимо научиться вести настоящую революционную борьбу. Германские рабочие уже приступили к этому. Сотни тысяч пролетариев геройски сражались в этой стране. Всякого, выступающего против **этой борьбы,** необходимо немедленно исключить. Но после этого не следует заниматься пустым разглагольствованием, а необходимо немедленно же начать учиться, учиться на совершенных ошибках тому, как лучше организовать борьбу. Мы не должны скрывать наши ошибки перед врагом. Кто этого боится, тот не революционер. Наоборот, если мы открыто заявим рабочим: «Да, мы совершили ошибки», то это значит, что впредь они не будут повторяться, и что мы лучше сумеем выбрать момент. Если же во время самой борьбы на нашей стороне окажется большинство трудящихся,— не только большинство рабочих, но большинство всех эксплуатируемых и угнетенных,— тогда мы действительно победим.

Последние слова прозвучали под гром аплодисментов. И Тельман подумал, что слова эти — пророческие. Пролетарскую Россию не смогут одолеть ни интервенция, ни разруха. Сейчас самым опасным врагом был голод. Русские газеты пестрели заголовками «О борьбе с голодом». Советская власть

прилагала все силы, чтобы спасти народ от вымирания, и в первую очередь — детей. Для этого школы превращались в столовые, в каждом крупном селе, при каждой фабрике открывались ясли; детские дома и приюты принимали десятки тысяч сирот и беспризорников...

Тельман прошел вдоль Кремлевской стены, мимо памятника делегату II конгресса Джону Риду, умершему в прошлом году. Памятник был высечен из громадной гранитной глыбы. Несколько дней назад на его торжественном открытии присутствовали и немецкие коммунисты. Даже в эти тяжкие дни революционная Россия не забывала почтить память своих друзей. И это поражало Эрнста. Но еще более поразительной казалась ему бурлящая духовная жизнь русских людей — оборванных, разутых, изнуренных недоеданием. Их косил тиф; в Ростове, Воронеже, Орле, Астрахани и даже под Москвой, в Орехово-Зуеве, появилась страшная азиатская гостья — холера. Почти вся Западная Россия лежала в развалинах, а в Сибири японские войска занимали один город за другим.

Но никакие грозы и черные ветры не могли загасить пламя революции. Ее живое дыхание слышалось повсюду — и особенно в молодом советском искусстве.

После открытия памятника Риду делегаты отправились смотреть «Мистерию-буфф». Спектакль шел в цирке на немецком языке. Это было красочное грандиозное представление, в котором участвовало триста пятьдесят актеров!

Пьеса выглядела незаконченной, как сама революция. Вся она находилась в движении, в готовности обрасти новыми событиями. А стихи Маяковского были хлесткими, как лозунги, грубыми, как голоса улицы, и звучали, как клич боевой трубы...

И снова мысли Тельмана вернулись к Ленину. Вспомнилась встреча с ним на совещании немецких, польских, венгерских и итальянских коммунистов.

Эрнста удивило, что с польскими и итальянскими товарищами Ленин свободно беседует на их родном языке. В перерыве он вдруг подошел к Эрнсту.

— А вы, товарищ Тельман, сами откуда родом? Случайно не северянин?

— Я гамбуржец.

— Гамбуржец! Так я и подумал, когда слушал ваше выступление. У вас, знаете ли, своеобразный говор, а в речи попадаются английские слова.— Ленин засунул большие пальцы рук за жилетку.— И можно догадаться, почему: так говорят люди, долгое время работавшие в крупном порту. Верно?

— Совершенно верно. У меня даже кличка английского происхождения. Друзья еще с юности зовут меня Тэдди[1].

— Какой же вы медвежонок? Я бы сказал, настоящий белый медведь.— Ленин одобрительным взглядом окинул рослую, плечистую фигуру Тельмана.— А скажите, товарищ Тэдди, почему вы, независимый социал-демократ, вступили в компартию?

— Лично я собирался сделать это давно. Но мне хотелось, чтобы с коммунистами объединилась вся наша гамбургская организация, в полном составе. В то время это было очень важно. Вот представьте себе паровой котел...

— Котел? — с любопытством переспросил Ленин.

— Ну да. Если в пароходной топке мало жару, а уголь в ближнем отсеке кончился, что должен делать кочегар? Он должен срочно подбросить в топку хоть одну большую лопату, а потом уж

---

[1] Тэдди — по-английски «медвежонок».

подносить остальной уголь. Вот этой лопатой и была для партии наша организация независимых социал-демократов.

— Принцип пароходной топки.— Ленин весело покрутил головой и засмеялся.— Великолепный принцип — хотя бы добрую лопату, да вовремя, чтобы пламя не погасло. Вы тогда подали пример всем социал-демократам.

Лицо Ленина стало озабоченным. Пытливо, вприщур глядя на Эрнста, он спросил:

— А как ваши товарищи относятся к тому, что сейчас на Западе опять судят военных преступников?

Эрнст поморщился.

— Клоунада,— сказал он.— Конечно, наших генералов нужно судить за зверства во время войны. Но разве возмущают Англию и Францию зверства тех же генералов и правительства над собственным народом? Разве осудят их за массовые расстрелы немецких рабочих, за убийство Карла Либкнехта и Розы Люксембург?

При упоминании этих имен лицо Ленина сразу осунулось, а глаза сузились и потемнели.

— Вы знаете,— сказал он тихо,— их гибель для всех нас была тяжким ударом. А для меня лично тяжким вдвойне. Мне кажется, я постарел тогда на много лет. Убийцы рассчитали верно: они обезглавили немецкий рабочий класс. Но я не сомневаюсь — скоро придут новые вожди. Это уже будут люди вашего поколения, но с таким же чистым и бесстрашным сердцем.

Тельман покачал светловолосой головой:

— Трудно сказать, сможет ли кто-нибудь заменить Розу и Карла.

— Революция всегда рождает героев, когда в них является нужда,— возразил Ленин.— В этом ее сила и непобедимость. Уж вы, батенька, мне поверьте.

(Мог ли знать тогда Эрнст Тельман, что всего четыре года спустя он сам встанет во главе немецкого пролетариата и будет пользоваться его непреходящей любовью?)

— Что же касается суда над военными преступниками,— продолжал Ленин, возвращаясь к прежней теме,— то я бы поставил вопрос несколько иначе: а судьи кто? Французские и английские министры три года проливали кровь русских рабочих и крестьян, морили их блокадой, нападали с моря и с воздуха, подкупали и вооружали изменников. Разве требуют «гуманные» англичане предать суду Деникина? Не-ет, они назначили ему баснословное жалованье. А «рыцари»-французы? Врангель проживает у них в роскошном замке и ждет не дождется, когда вновь понадобятся его услуги. Так что получается по русской пословице: ворон ворону глаз не выклюет. И если уж говорить о суде, то о суде народов — справедливом и беспощадном!..

Тельман пересек Красную площадь и пошел к Большому театру, где проходили заседания конгресса. У входа с обеих сторон стояли часовые, молодые парни с худыми строгими лицами. Делегаты отдавали свои пропуска, и красноармейцы накалывали их на трехгранные штыки винтовок. Часовые чем-то неуловимо были похожи друг на друга.

«Чем? — спросил себя Тельман.— Не одеждой и не обмотками на ногах, нет». И вдруг понял: они похожи выражением глаз, суровых и решительных. В этих глазах светилось сознание правоты и силы. В них жила убежденность и готовность сражаться за свое дело до конца.

Уже пройдя в двери, Эрнст оглянулся и еще раз посмотрел на часовых.

«Нам бы побольше таких ребят,— невольно поду-

мал он.— Возможно, тогда и мы сумели бы выстоять. Прав Ленин, тысячу раз прав: всякая революция лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться».

На родину Эрнст возвращался морем, через Петроград. У него был виленский[1] адрес Зины, и он заранее послал весточку, что постарается заглянуть хотя бы ненадолго.

Пароход пришел в порт ранним утром. Погода стояла безветренная, и гавань напоминала исполинский лист фольги, усеянный разноцветными парусами яхт и рыболовецких ботов.

Пассажирам объявили, что они могут сойти на берег, но обязаны вернуться ровно через полчаса.

«Не успеть, вот досада»,— подумал Эрнст, сбегая по трапу с чемоданом в руке. И в тот же миг увидел среди встречающих Зину. На голове у нее был венок из полевых цветов.

— Откуда вы узнали? — Он бросился к девушке.— Кто вам сказал, когда придет пароход?

— Да никто,— засмеялась она,— Просто я прихожу сюда третий день подряд. И жду парохода под красным флагом.

— Зина, у нас мало времени. Мне нужно кое-что передать вам. Где это сделать?

— Я поняла, пойдемте.— Зина взяла его под руку, и они свернули в сторону доков. Рабочий день еще не начался, и здесь было безлюдно.

— Я привез стенограммы конгресса, вот.— Эрнст протянул чемодан.— Есть и для вас подарок.

Он достал из чемодана небольшой продолговатый сверток.

— Что это?

— Сейчас покажу.— Эрнст снял обертку. Под ней оказалась свернутая в трубку плотная ткань. Он развернул ее, и Зина увидела цветной портрет.

— Ленин,— удивленно молвила она.

— Да. Портрет мне подарили работницы Глуховской мануфактуры. Они выткали его своими руками для делегатов конгресса.

— Но ведь дареное не дарят!

— Зина, я очень хитрый товарищ и выпросил для себя еще один.— Серо-голубые глаза Эрнста искрились весельем.

— Вы какой-то другой,— сказала девушка, и он подтвердил:

— Да, вы правы. Я помолодел на десять лет, и сейчас мне снова двадцать пять. Все это время я дышал другим воздухом и сейчас чувствую себя... чувствую, что могу свернуть горы.

— А что за человек Ленин? Вы говорили с ним?

— И слышал, и говорил. Но какой он человек, честное слово, объяснить не сумею. Прежде всего — это ум, широкий и прозорливый. Потом — чуткость и восприимчивость, способность переживать чужую боль. И, конечно, личное обаяние. Зина! После двухминутного разговора я готов был поверить, будто знаю его давным-давно, еще по Гамбургу. Вы удивляетесь, но я говорю правду.

Низким бархатным голосом протрубил гудок.

— Кажется, это мой,— сказал Эрнст и виновато развел руками.

— Спасибо вам.— Девушка заглянула ему в глаза.— Может, судьба сведет нас еще раз.

Он кивнул, побежал к пароходу, потом обернулся и крикнул:

— Сведет непременно! Только не судьба, а наша работа! До встречи, Зина!

---

[1] Столица Литвы Вильнюс называлась тогда Вильна.

23 января исполняется 60 лет со дня присвоения пионерской организации имени В. И. Ленина

Владимира Дмитриевича ЧЕРНЫШЕВА, рабочего московского завода «Красный пролетарий», Героя Социалистического Труда, кавалера двух орденов Ленина и ордена «Знак Почета», мы спросили: чему научили вас пионерские годы?

ГЛАВНОЕ В ЧЕЛОВЕКЕ— ЧЕСТНОСТЬ

Пионерские годы были для меня самыми радостными. Только что окончилась война, и мы были счастливы. Строгали деревянные сабли, делились на группы, выбирали командиров и сражались до темноты. Еще очень любили играть в чехарду. Как это ни смешно, чехарда помогла мне, когда пришло время идти в армию: проходящим отбор в школу сержантов приказали прыгать через коня. Не прыгнешь—экзамен не прошел. Я прыгнул.

В начале четвертого класса двоюродный брат Алексей забрал меня из Москвы на два года к себе в часть на Дальний Восток. Он был офицером, жил в казарме. Подъем и зарядка—вместе с солдатами. Стирать, штопать, прибираться приходилось самому. В нашем классе учились в основном дети офицеров. Все старались походить на отцов, боялись подвести их. Ценились среди ребят самостоятельность и военная собранность. Никаких прогулов не было. Если человек заболевал, он сообщал об этом в школу через товарищей. Ведь дорога к школе шла через тайгу—нетрудно и заблудиться.

Как-то дежурный по классу доложил учителю, что один человек отсутствует по неизвестной причине. Это выглядело как сигнал «SOS». Сразу же отправили группу мальчишек домой к неявившемуся. Дома его не оказалось. И тогда весь пионерский отряд вышел на поиски в лес. Нашли.

Особенно страшным считалось врать. Однажды мы с другом решили купить моторчик для велосипеда, а денег не было. Зато у нас с братом имелась общая копилка—футляр от снаряда. И вот я тайком туда залез. Брат заметил, что в копилке денег поубавилось, но я решительно заявил, что это ему показалось, и он успокоился.

Вроде бы все хорошо, а меня совесть грызет, не могу в глаза брату смотреть. Стыдно. Пришел к нему и признался во всем. На душе сразу полегчало. Этот случай мне запомнился на всю жизнь. Я считаю, честность—самое главное в человеке.

Сейчас я работаю с «личным клеймом». Это значит, что детали, которые я обрабатываю, на контроле не проверяются. Представляете, как честно надо работать! Станки мы выпускаем точные, многие—с числовым программным управлением. Почти все—со Знаком качества.

Бывает так—«запорет» рабочий деталь, а сказать боится. «Ничего,—думает,—не заметят». И отправляется брак в следующий цех. В итоге соберут станок, а он не работает. Значит, надо полностью его разбирать и собирать заново. А на это может уйти целые две недели!

Спортивная закалка, самостоятельность, честность—без этого взрослому человеку никак нельзя. И все эти качества можно и нужно воспитывать уже в пионерском возрасте.

К 80-летию со дня рождения А. П. Гайдара

Лия СИМОНОВА,
лауреат премии
Союза журналистов СССР

Пропавшее письмо

Фотографии В. КРУПСКОГО.

Полвека без малого пролежало письмо в Курском областном партийном архиве.

Письмо пропало в дни войны. Сгорело в огне костра, испепелявшего детские книги. Или растоптано было фашистскими сапогами на полу детской библиотеки. Или разодрано в клочья, чтобы слово писателя никогда больше не вернулось к детям, как и он сам, настигнутый вражеской пулей.

Те, кто оставался в Орле в пору гитлеровского разбоя, помнят, как целый день полыхал костер, как грабили библиотеку. Но никто не видел, как погибло письмо А. П. Гайдара к орловским пионерам. И это оставляло надежду, что письмо найдется еще каким-нибудь чудом. Очень хотелось, чтобы нашлось. И его искали.

Тут, пожалуй, придется объяснить, когда и зачем это письмо было написано.

В самом начале 1935 года в Орле проходили читательские конференции по книгам Гайдара. В Детгизе вышла как раз его «Военная тайна». Нравились ребятам и другие гайдаровские повести — «Школа», «Р. В. С.», «Дальние страны». И вот три библиотеки — имени Н. К. Крупской, А. С. Пушкина и И. С. Тургенева — в дни зимних каникул собрали своих читателей на большой литературный утренник. Тут и родилась мысль — написать Гайдару письмо, позвать его в гости. Письмо получилось длинным, не очень складным, но искренним.

«Дорогой товарищ Гайдар!

Во время зимних каникул мы проводили в Центральной библиотеке литературное утро, посвященное Вашим произведениям. Это вызвало у нас сильное желание написать Вам письмо. Нам захотелось сказать Вам, что мы очень любим Ваши произведения.

Мы зачитываемся Вашей книгой «Школа» и недавно обсуждали «Военную тайну». Эту книгу мы очень любим. Она волнует нас, но мы хотели бы знать, что стало потом с Ганиным и Наткой, осталась ли Натка на пионерработе. Хотели мы также узнать подробнее про мать Альки, хотели бы, чтобы больше раскрылась тайна, чтобы заглавие стало яснее, и хотели, чтобы по этой книге был составлен кинофильм. Нравится нам то, что Вы современную жизнь и советских детей описываете. Шлем Вам горячую благодарность за хорошие книжки и с нетерпением ждем Ваших новых произведений. Пишите нам книги, которые научили бы нас защищать нашу любимую Родину, наше счастливое детство и юность, о том, как нам стало жить лучше и веселее. А еще мы очень просим Вас приехать в г. Орел. Мы никогда не видели ни одного живого писателя, портретов даже нет в продаже. Дети больших городов Москвы, Ленинграда счастливее нас. Они встреча-

ются с писателями, беседуют с ними, а мы не имеем этой возможности. А чем мы хуже их? Мы не меньше читаем, любим и ценим Вас и Ваши произведения. У нас в Орле больше 15 тысяч школьников, и Ваш приезд был бы для нас праздником. Мы сумели бы организовать Вам должную встречу и прием. Такие приезды писателей к нам в район очень сблизили бы нас, детей, с нашими писателями. Мы любим, но еще мало знаем писателей. Вы, писатели, беседуете только с детьми столицы и мало знаете нас. После этого приезда Ваше имя станет еще более известным и любимым детьми по всей нашей области. С нетерпением ждем Вашего приезда и Вашего ответного письма, и уверены, что Вы не останетесь глухими к нашему обращению. Напишите также подробно, как надо организовать приезд и что надо для этого сделать.

С горячим приветом актив библиотек им. Крупской, им. Пушкина, им. Тургенева.

Библиотека им. Крупской: М. Скороходова, Лагович, В. Полякова, К. Белоусова, Н. Коняшина, Б. Фурман, И. Самохин, Титов, В. Касков, Р. Агранович, В. А. Лаевская, Ю. Поляков, Е. Брагин, Егорушкин, Давыдова, Знакоменская, А. Владиштейн, Комаров.

Библиотека имени Пушкина: М. Соколов, Г. Дубровский, А. Белоусов, И. Уланов, В. Романовский, Н. Четвериков, В. Калашников, Владимирова, Кирсанова, Ужевская.

Библиотека им. Тургенева: Малыгин, Тюрин, Сорокин, Андриянов».

Ответ пришел скоро. А слух о том, что Гайдар прислал ребятам письмо, пролетел по городу еще быстрее. И снова все собрались в Центральной библиотеке имени Н. К. Крупской. И читали все вместе, и все вместе радовались.

А чуть позже пришел в орловские библиотеки № 3—4 журнала «Детская литература» за 1936 год. И там, к немалому удивлению юных читателей, они увидели свое письмо к А. П. Гайдару. И рядом еще один ответ писателя, уже более краткий.

«Дорогие товарищи!

Был, конечно, рад получить ваше письмо.

В первом номере журнала «Пионер» вы прочтете мой последний рассказ «Голубая чашка», а осенью вы уже, вероятно, будете читать мою повесть «Талисман», над которой я сейчас крепко работаю.

В Орел вы меня пока лучше не зовите, потому что эта поездка оторвала бы меня от работы. Чем смотреть на меня, вы лучше скорее посмотрите на мою новую книжку. Книги у меня все разные, а сам я всегда одинаковый.

Я послал вам длинное письмо с ответом на все ваши вопросы в адрес вашей центральной библиотеки.

Шлю дружеский привет.

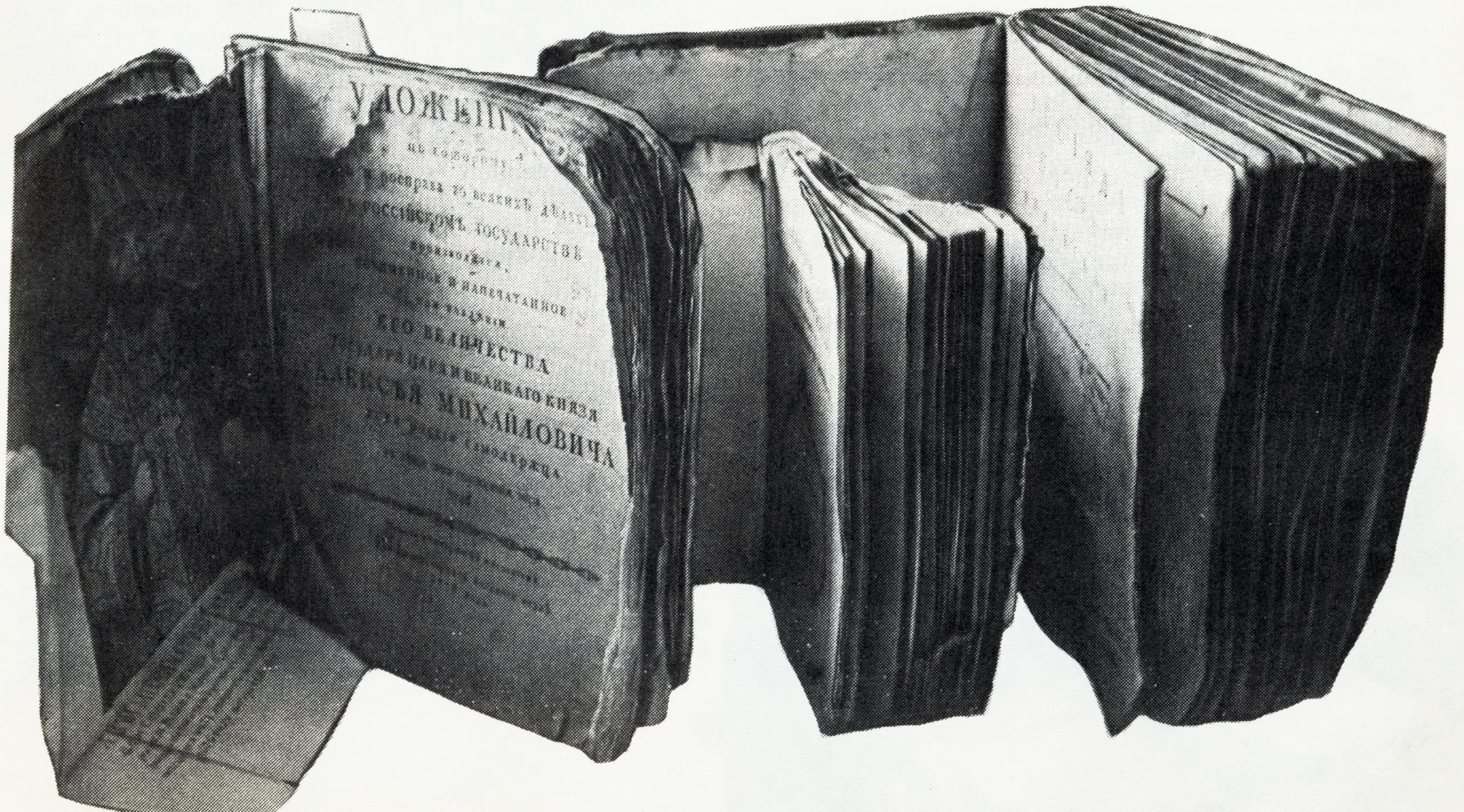
Арк. Гайдар».

Память человеческая — хрупкий инструмент. Время истончает, приглушает его струны. И, вполне вероятно, сохранились бы для истории только два этих письма, сбереженных на страницах журнала. Если бы не последняя строка гайдаровского ответа. Посмотрите внимательно: «Я ПОСЛАЛ ВАМ ДЛИННОЕ ПИСЬМО... В АДРЕС ВАШЕЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ...»

Эта строка не позволяла забыть, что было еще «ДЛИННОЕ» письмо.

Все пути поиска так или иначе вели в Орел, а в Орле — к Евгении Онуфриевне Яковлевой. Яковлева с 1930 года работала в библиотеке имени Н. К. Крупской и на все конференции, вечера и спектакли обязательно приходила. И все помнили, что «ДЛИННОЕ» письмо хранилось в папке у Евгении Онуфриевны. Да и сама она этого вовсе не отрицала. Только сокрушалась, что «все погибло во время войны». Она об этом даже написала. И мы можем прочитать ее воспоминание в книге «Библиотеки Орловщины к 40-летию Октября», которая вышла в Орловском книжном издательстве в 1958 году: «Сразу же после конференции ребята отправили Аркадию Петровичу

Старожилы Орла помнят пламя фашистского костра, испепелявшего детские книги. И сейчас еще в библиотеке имени Н. К. Крупской хранятся обгоревшие книги, которые удалось спасти.



письмо. Завязалась переписка писателя с орловскими ребятами, длившаяся около двух лет. Аркадий Петрович прислал в Орел свой портрет, на котором написал: «Дорогим активным моим читателям Орловской детской библиотеки на добрую память от их друга, верного А. П. Гайдара». К сожалению, ни портрет, ни письма Гайдара не уцелели — все погибло во время войны. Погибла и сама библиотека: все книги, оборудование, инвентарь, документы».

Евгения Онуфриевна в дни войны оставалась работать в библиотеке. Но как было спросить у нее, почему среди кошмара оккупации не уберегла она портрет и письма Гайдара?

Может, и казалось это странным, но никто из орловских библиотекарей даже в памяти не сохранил гайдаровского слова. А исследователям жизни и творчества писателя хотелось узнать хотя бы смысл сказанного. Серьезные люди, исследователи, предполагали, что именно это «ДЛИННОЕ» письмо добавит и прояснит еще что-то в понимании сложного и интересного времени в писательской судьбе А. П. Гайдара.

Как вы знаете уже, написано письмо было в начале 1936 года. В первом номере журнала «Пионер» печаталась «Голубая чашка».

Этот номер не был похож на прежние. Вместо 24 страниц он вышел на 128 страницах! Такого праздника редакция и писатели ждали несколько лет. И вот право открыть праздник получил А. П. Гайдар. Его «Голубая чашка» отворяла дверь в новый, «толстый» «Пионер».

Войти первым на страницы любого, даже самого обычного номера журнала почетно для всякого писателя и журналиста. Только очень хорошее, лучшее литературное произведение может повести за собой все другие и сразу же создать у читателя настроение радости от общения с журналом.

Аркадий Петрович и «Пионер» дружили. И все в «Пионере» радовались такой прекрасной «Голубой чашке». Но чтобы по-настоящему понять эту радость, следует рассказать о том, что случилось незадолго до этого.

В 1934 году «Пионер» печатал «Синие звезды». В «Синих звездах» Аркадий Петрович рассказывал о том, как мальчишка Кирюшка, у которого во время аварии на заводе убило отца, отправляется с кузнецом Матвеем в деревню — помогать подняться колхозу. А жизнь в колхозе совсем непростая. То кто-то собьет замок на колхозном амбаре, то из кузницы гвозди стянут, то в председателевой бане мелькнет какая-то незнакомая фигура, то незнакомые люди останавливают подводу, возвращающуюся с ярмарки... Кулак Костюх и другие деревенские богатеи высланы из деревни, но, может, кто-то из них вернулся и прячется? И исподтишка мешает налаживать хозяйство...

Ведет обо всем этом писатель неторопливый рассказ, а «Пионер» номер за номером его печатает. И вдруг... в тринадцатом номере (журнал выходил тогда два раза в месяц) повествование, можно сказать, на полуслове прерывается. И редакция, никогда такого не случалось, вроде бы перед читателем за это извиняется. «Арк. Гайдар,— сообщает редакция,— занят сейчас переделкой третьей и последней части,— поэтому она будет напечатана позже. Ребята, писатель ждет ваших пожеланий и советов. Как должна закончиться повесть? Что будет с Фигураном? Кто открыл дверь в церкви? Что за незнакомец встречался с Сулиным? Арк. Гайдар и редакция ждут ваших писем».

Что же такое случилось с Гайдаром и его повестью? А случилось вот что. Поехал он в Курскую область, в совхоз «Ивня», где в то время жил его сын Тимур с матерью — Лией Лазаревной Соломянской. Она редактировала в Ивне газету политотдела МТС. Познакомился Аркадий Петрович в совхозе и в МТС с людьми, послушал их рассказы, сам поглядел, как живут на селе, написал даже несколько материалов для политотдельской газеты. И понял: все тут в колхозной деревне гораздо сложнее, чем казалось ему из города. И не только в том дело, что кулаки своим вредительством мешают коллективному хозяйству. Не дают колхозам окрепнуть в полную силу еще и всякие организационные трудности, и нехватка техники, и неумение с ней справляться, и незнание, как работать на земле не по отдельности, а всем вместе.

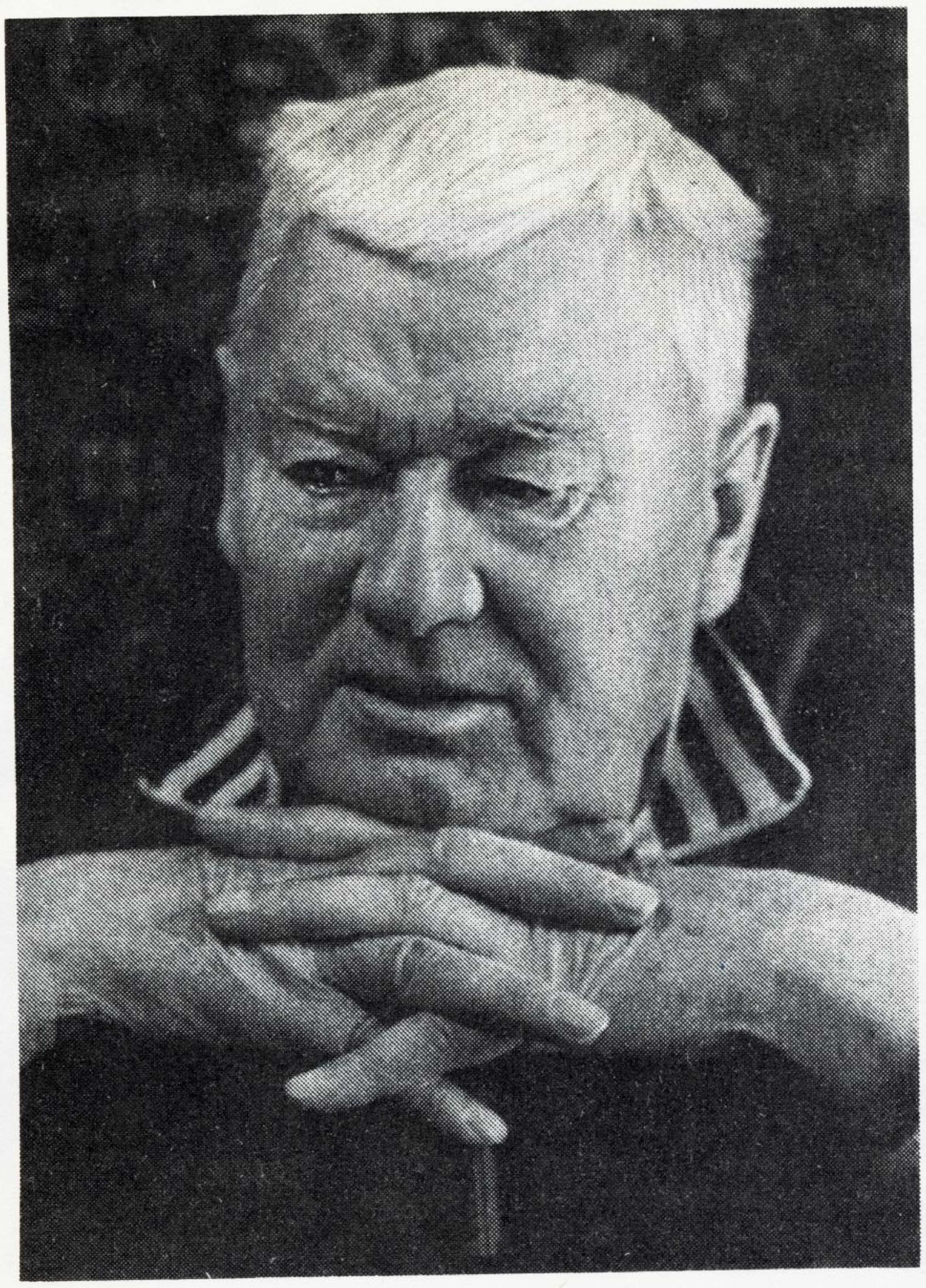
И вот Аркадий Петрович в дневнике делает запись: «Надо писать смелее, а я все чего-то побаиваюсь». Чуть позже еще одну: «Синие звезды» должны быть закрыты тучами». И еще: «Очень устал...»

Размышляя о том времени, надо помнить, что только что, в январе 1934 года, прошел XVII съезд партии и на нем говорилось об успехах первой пятилетки, о создании фундамента социализма. По стране развернулось стахановское движение. Главным делом на селе стало организационное укрепление коллективного хозяйства.

Аркадий Петрович эти события, разумеется, обдумывал и осмысливал. И вот мы видим, что в письме к своему другу Ивану Игнатьевичу Халтурину, уже из Арзамаса, Аркадий Петрович пишет так: «Жан, устрашай Боба Ивантера! (Так все друзья называли главного редактора «Пионера» Бениамина Абрамовича Ивантера.— *Л. С.*) — «Синие звезды» загораются уже иным светом. Кирюша больше не сын своего убитого отца — это только так сначала кажется. Костюх ниоткуда не бежал. И вообще никаких кулацко-вредительских сенсаций. Довольно плакать! Это пусть Гитлер плачет, а мы возьмем посмеемся, похохочем... хотя и не до истерики».

Аркадий Петрович, конечно, понимал, в какое неловкое положение поставил редакцию и своего доброго товарища Боба Ивантера, но писать даже в

Кто сказал, что чудес не бывает? Письмо А. П. Гайдара нашлось. Вот оно. Р. П. Сазонова и И. Ф. Константинов, сотрудник и директор Курского областного партийного архива, изучают его.



Смотрит Ф. Д. Алексеев весело и даже хитро. И говорит с улыбкой: «Что ж тут удивительного, что поместил письмо детского писателя в партийный архив? Разве слово командира краснозвездной гвардии не партийное слово?»

чем-то неправдивую вещь он себе позволить не мог! А Ивантер, хотя и сильно сердился первое время, потом все же Гайдара простил. Ивантер и сам не любил неправды и знал, что только очень сильные и мужественные люди способны вовремя увидеть и оценить свою ошибку. И удержать себя от следующего неверного шага.

Гайдар умел принимать решения стремительно, но значит ли это, что они так легко давались ему самому? Он уезжает в свой родной Арзамас, потому что там он чувствует себя дома, а дома, как говорит пословица, и стены помогают. В Заречном, под Арзамасом, летом 1935 года он принимается писать новую вещь: «про хорошую жизнь». Поначалу он так ее и называет «Хорошая жизнь» (позже «Голубая чашка»). И такое радостное рабочее у него настроение. И так складно все у него получается. И появляется уверенность, что на этот раз напишется настоящее. Но тут, как гром среди ясного неба, приходит известие. В Москве, в детской секции Союза писателей, несмотря на то, что его теперь в городе нет, должно состояться обсуждение повести «Военная тайна». Что за пожар? Почему так поспешно? Аркадий Петрович сразу почувствовал, что ждут его неприятности, от которых не сбежишь и не скроешься.

Многим литераторам «Военная тайна» не нравилась. Некоторые писатели и критики, которые были уверены, что у них изысканный литературный вкус, считали, что у Гайдара такого прекрасного вкуса нет. Было и такое мнение, что в детскую литературу незачем тащить разговоры о политике, изменениях в устройстве общества, о сложностях в судьбах людей, о борьбе за лучшее будущее. Кое-кому не ко двору пришелся сам писатель, можно сказать, прямо с фронта ворвавшийся в литературу. И его упрекали в том, что не умеет строить сюжет, что герои его плакатны, а образы взрослых и вовсе не удаются, что язык его произведений неряшлив.

Обвиняли в наивности, сентиментальности, подражании другим и даже в плохих иллюстрациях в книге.

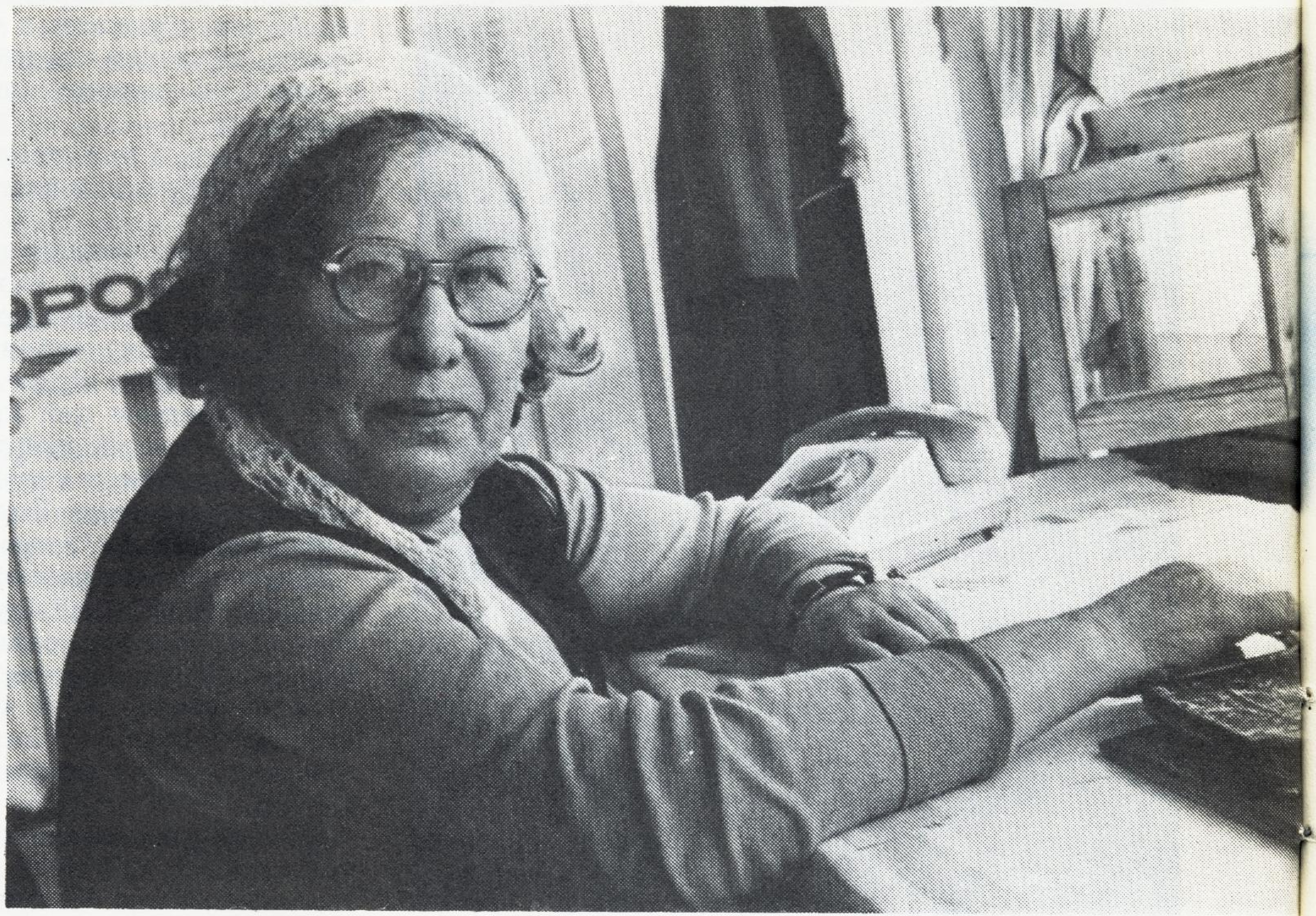
А Гайдару «Военная тайна» нравилась. В дневнике 1934 года мы находим несколько записей. 19 апреля: «Сегодня просматривал «Военную тайну». Может получиться хорошая книга». 13 июля: «Военная тайна» будет хорошей книгой». 27 августа: «Последние дни крепко работал. Наконец-то кончаю «Военную тайну». Эта повесть моя будет за гордую Советскую страну. За славных товарищей, которые в тюрьмах. За крепкую дружбу. За любовь к нашим детям. И просто за любовь».

Несложно вообразить, как чувствовал себя Аркадий Петрович на обсуждении в Союзе писателей. Рассказывают, что один раз он даже не выдержал. Когда очередной оратор сказал, что он присоединяется к такому-то и такому-то, Аркадий Петрович неожиданно поднялся и будто бы крикнул: «Послушайте, нельзя же ко всем присоединяться...»

Немало расстроенный, вернулся Гайдар в Заречное, надеясь, наверное, все же приняться за работу. Но дискуссия по «Военной тайне» не утихла. Напротив, она перекочевала теперь на страницы газет и журналов. И больше всего досталось писателю в журнале «Детская литература», где критические статьи печатались целых полгода.

Трудные это были полгода для А. П. Гайдара. Прочтите внимательно письмо Аркадия Петровича к заместителю заведующего редакционным сектором Детиздата И. П. Магидовичу: «Прочел случайно статью Роскина. Статья, по справедливости сказать, несколько путаная. Между прочим, никакого клада в «Военной тайне» никто не ищет. Кроме того, непонятно — худо ли, хорошо ли то, что я пишу просто. Очень туманен абзац о «словесном мастерстве Гайдара, при помощи скромных словесных средств». Или «изобразительные средства Гайдара не отличаются ни изощренностью, ни богатством»,— а несколькими абзацами ниже: «Простота Гайдара на фоне книг, демонстрирующих формализм, изощренность, действует как освежающий прием!» Тут что-то напутано. Приеду — тогда сам растолкует, а пока не понял». Но Роскин только начинал дискуссию на страницах «Детской литературы» и был наиболее доброжелательным критиком. Он писал, что «Военная тайна» «представляет интерес как для детского, так и для взрослого читателя», что «есть в творчестве Гайдара нечто, что придает его детским книгам жизненную значительность, ту большую серьезность, без которой нет подлинного искусства».

Позже, в январе 1936 года, на первом совещании по детской литературе в ЦК ВЛКСМ, заведующий отделом культурно-просветительной работы ЦК ВКП(б) А. С. Щербаков скажет: «Примером такой непринципиальной дискуссии явилась дискуссия о книге Гайдара «Военная тайна». Но Аркадию Петровичу всю эту «непринципиальную» дискуссию пришлось пережить. И нервное напряжение не прошло даром — Аркадий Петрович попадает в больницу. Но и в больнице он не перестает думать о «Военной тайне». Своему близкому другу, писатель-



Имя Гайдара, словно волшебный пропуск, открывает для меня двери домов и учреждений, и люди, улыбаясь приветливо, стараются помочь. Помогла поиску и сотрудник горсправки Орла З. С. Кочанова.

нице Анне Яковлевне Трофимовой, он пишет из больницы так: «Днем лежал и читал. Настроение совсем не плохое, особенно когда стану думать про хорошую жизнь. Отчего-то я немного волнуюсь — а от чего и сам не знаю... я прямо со страхом прислушиваюсь и присматриваюсь — не притаилась ли где-нибудь какая-нибудь неожиданная беда... или пожар, или назначат в Детгиз нового заведующего вроде Смирнова. Очень-очень хотелось бы, чтобы ничего не случилось хотя бы три месяца... Милая Нюруська! Попроси в библиотеке на несколько дней мне «Военную тайну» — скажи, что я лежу в больнице и мне нужно. От нечего делать я перечту — сделаю для себя несколько заметок — ко второму изданию. Это легко и голову не утомит нисколько».

Эти строки написаны 1 октября 1935 года. Заметьте, именно в это время и чуть позже проходили читательские конференции по «Военной тайне» в трех орловских библиотеках. И не только в орловских.

По всей стране юные гайдаровские читатели обсуждали только что вышедшую в Детгизе книгу. И она им нравилась, даже очень нравилась. Как полюбились и все другие повести и рассказы. И даже самые рьяные взрослые ругатели Гайдара не могли этого не заметить и не признать.

А Гайдару мнение тех, для кого, собственно, он и писал свои книги, было особенно важно. И мы с вами можем не только догадываться об этом. Мы можем увидеть это в письме Аркадия Петровича к редактору Детиздата Софье Дмитриевне Разумовской. «Посылаю вам протокол обсуждения «Военной тайны», который мне прислали из Ростова — это они без меня читали еще неправленную мною оставленную им рукопись. Не правда ли, здорово?!»

В Ростове побывал Аркадий Петрович в марте 1935 года, отзывы о «Военной тайне» от ростовских пионеров получил еще до дискуссии. А вот письмо из Орла пришло уже после. И оно, конечно же, было особенно дорого.

В архиве Центральной библиотеки имени Н. К. Крупской до сих пор сохраняется отчет ее бывшего директора товарища Емельяновой, составленный 12 декабря 1943 года для Библиотечного Управления Наркомпроса РСФСР. В отчете сказано, что в дни фашистского хозяйничанья библиотека «была разгромлена и частично разграблена... Расположившиеся в библиотеке солдаты немецкой воинской части разбросали, порвали, выбросили часть фондов книгохранилища и полностью — фонды детской библиотеки, находившейся в одном здании с Областной библиотекой». И это подтверждают рассказы старожилов о костре из детских книг на улице 7 ноября, откуда был вход в детское отделение библиотеки. На что же надеяться в поисках?

Но, может быть, письмо было опубликовано в газете «Орловская правда»? Опубликовал же журнал «Детская литература» короткий ответ! «Орловская правда» три раза дает сообщения о работе детского отделения Центральной библиотеки и о диспуте по книге А. П. Гайдара «Военная тайна». Если вам интересно, можете и вы познакомиться с этими газетными информациями.

11 декабря 1935 года. «Диспут о книге Гайдара. 30 ноября в детском отделении центральной библиотеки состоялся диспут о книге Гайдара «Военная тайна»... На диспут пришло около 100 детей. Игорь Казаков — ученик 5 класса 1-й школы, Гильман Наум — ученик 4 класса 17-й школы, Калмыков Петя (6-й класс, 32-я школа), Фарфель Яша (1-я школа), Макаров (6-й класс, 4-я школа), Аронов (6-й класс, 6-я школа) и ряд других поделились своими мнениями о книге. Выступления в основном сводились к тому, что книга Гайдара — ценная и полезная... Этот первый детский диспут показал, что наше юное поколение умеет серьезно и хорошо разбираться в прочитанном. Такие диспуты нам нужны. Они помогают нашим детям развиваться, углублять свои знания, приобретать умение пра-

вильно излагать свои мысли, дают богатый материал для изучения детских требований к художественной литературе. Родительница Калинина».

12 декабря. «Конкурс на лучшего читателя. Детское отделение Центральной библиотеки проводит конкурс на лучшего читателя среди детей старшего возраста. Цель конкурса... В условия конкурса входит...» и 28 декабря. «Литературный утренник. Детское отделение Центральной библиотеки во время каникул развертывает массовую работу с книгой среди пионеров и школьников. Организуется литературный утренник, посвященный творчеству Гайдара...»

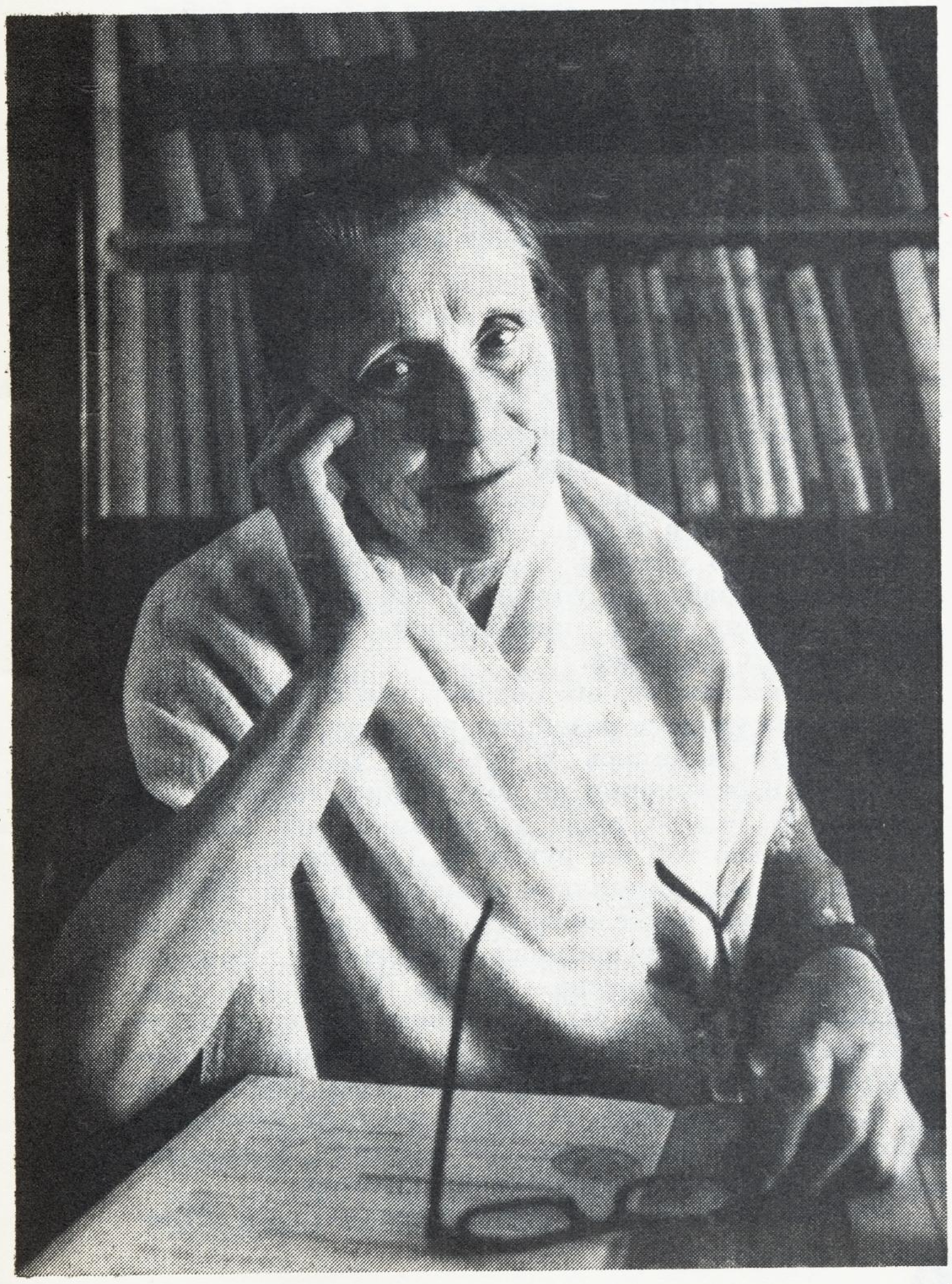
Но письмо Аркадия Петровича, как ни жаль, «Орловская правда» не публикует. Что же можно еще придумать, чтобы узнать, о чем писал Гайдар пионерам? Попытаться разыскать тех бывших пионеров, которые участвовали в диспуте, в литературном утреннике, были авторами послания Гайдару? Под письмом писателю есть немало подписей. Несколько фамилий называет статья родительницы Калининой в газете. Но легко ли найти этих людей после войны, спустя годы?

Журнал «Детская литература» в 10-м номере 1966 года опубликовал рассказ орловской писательницы Натальи Сердюковой под названием «Хранящим память». Никто из тех, кто мог что-то помнить о переписке с А. П. Гайдаром, не откликнулся. В 1973 году через газету «Орловская правда» к корреспондентам писателя обратился краевед, исследователь жизни и творчества Гайдара Борис Иванович Осыков. Снова неудача. И снова попытка получить отклик — выступление в «Орловской правде» год спустя старейшего орловского журналиста Анатолия Николаевича Яновского. И опять бесполезно.

Всесоюзный штаб Тимура при редакции журнала «Пионер» несколько раз давал задания тимуровцам уже не только в Орле, но и в других городах и селах поискать авторов письма к Гайдару — могли же люди разъехаться по стране. Но не получалось и у тимуровцев выполнить такое сложное задание.

И вот, заканчивая свою многолетнюю работу над последним Собранием сочинений А. П. Гайдара, писатель Борис Николаевич Камов приехал во Всесоюзный штаб Тимура, в редакцию журнала «Пионер», очень расстроенный, и горестно сказал: «Ну, все. Больше искать негде. Как в воду кануло». И в комментарии к последнему изданию кратко потом написал: «Письмо утрачено».

Старейший в Орле библиотекарь Валентина Ивановна Володичева была одним из авторов письма к А. П. Гайдару.



А письмо все же нашлось. Самым чудесным, самым неожиданным случаем.

Летом прошлого, 1983 года я отдыхала в Курской области, неподалеку от Льгова, в санатории «Марьино». Гуляла по старому парку среди вековых деревьев, каталась на лодке по прудам, под сводами легких красивых мостиков, читала хорошие книжки... Но не забывала, что поручено мне «Пионером» и Всесоюзным штабом Тимура во что бы то ни стало съездить в город Льгов, где родился А. П. Гайдар. Хотелось нам узнать, как во Льгове готовятся к юбилею писателя. Много ли добрых и полезных дел у тимуровцев? Строится ли новое здание музея на деньги, собранные земляками Аркадия Петровича? Чем порадует посетителей новая экспозиция музея?

И так счастливо все совпало для меня, что приехала я во Льгов как раз в тот самый день и в тот час вошла в гайдаровский музей, когда там раздался телефонный звонок из Курска. Звонила сотрудница Курского областного партийного архива Раиса Петровна Сазонова: сказать, что в партийном архиве обнаружили письмо А. П. Гайдара. Подумайте только, какое сообщение!

То ли это — пропавшее — письмо или еще какое, по телефону не определишь. И ясно, что надо немедленно ехать в Курск. Незачем тут рассказывать, что я чувствовала да как до Курска добиралась, потому что важно только то, что нашлось именно «ДЛИННОЕ» письмо Гайдара к орловским пионерам. И пусть себе говорят, что чудес на свете не бывает, вот оно, перед вами. Читайте.

«Здравствуйте, ребята!

Письмо ваше получил. Был очень рад. На днях, вероятно, выйдет из печати первый номер нового большого журнала «Пионер» — там вы прочтете мой последний рассказ «Голубая чашка». Напишите — понравился он вам или нет.

«Военная тайна» скоро выйдет в новом издании с другими рисунками. В тексте я тоже кое-что изменил. И теперь книга стала понятней. К сожалению, я приехать к вам в ближайшее время не могу.

Я сейчас очень много работаю над новой повестью, которая будет не раньше, чем через 3—4 месяца.

При разборе «Голубой чашки» обратите внимание на язык. В этом рассказе мне удалось достичь большей кратости, ясности и выразительности языка, чем в некоторых моих прошлых книгах.

Вообще над языком надо работать упорно и настойчиво. На одном таланте — далеко не уедешь. Это касается и всех вас. Письмо ваше ко мне написано толково и вполне грамотно.

А вот недавно я получил письмо из Пензы, так там написано: «Мы с удовольствием читаем дорогие Ваши книги, увлеченные их сюжетом». Во-первых, «дорогие» — два смысла. Во-вторых, книги получаются, увлеченные своим собственным сюжетом.

Пишут это ребята 5 и 6 кл.

Родной русский язык мы должны знать в совершенстве.

Жму ваши руки, желаю хорошей учебы.

ваш Арк. Гайдар».

Полвека без малого пролежало это письмо в Курском областном партийном архиве. И никому даже в голову не пришло, что там можно его искать. Никто не вспомнил, что с 1934 года по 1937 год Орел считался одним из районов Курской области. Да и как можно было предположить, что письмо детского писателя к детям сохраняет партийный архив?

Никакое событие, даже самый малый факт истории, невозможно по-настоящему понять, если не увидеть среди других событий и фактов, не осмыслить во времени.

За годы первой пятилетки наша страна справилась с очень важной, сложной задачей — полной ликвидацией неграмотности. Люди жадно потянулись к образованию, в библиотеки. Они хотели получить интересную книгу, а еще и совет: что и как читать. И во второй пятилетке страна уже заботилась о том, чтобы хороших книг выпускалось больше, строились новые здания библиотек, а все библиотекари любили и знали свою работу.

В Москве в эти годы устраивали разные совещания, курсы, конференции, на которые съезжались библиотекари со всей страны.

Побывали в Москве и библиотекари Орловщины, как и все, встречались с Н. К. Крупской.

Старейший в Орле библиотекарь Валентина Ивановна Володичева (она принимала участие в составлении письма пионеров к А. П. Гайдару) до сих пор сохраняет фотографию, где снята рядом с Надеждой Константиновной, в кругу своих коллег. Валентина Ивановна помнит, что Н. К. Крупская говорила о главной для библиотекарей задаче — нести книгу, а вместе с ней просвещение и культуру в массы. Еще о том, что обучить людей грамоте — это только половина дела, а другая, более значительная,— научить владеть достижениями мировой культуры, науки, литературы.

Это потом, много позже, школы, Дворцы пионеров, Дома культуры станут собирать пионеров и школьников в кружки, на конференции, на вечера и утренники, а в то время, когда писалось письмо орловских ребят к А. П. Гайдару, библиотеки были единственным огоньком, к которому слетались в свободное от учения и работы время ребята и взрослые. А Гайдар был почти единственным писателем, который в своих книгах рассказывал о жизни сверстников — современников юных читателей.

Теперь, когда мы вспомнили все это, не правда ли, мы уже совершенно по-иному видим и оцениваем то далекое событие — диспут на литературном утреннике и письмо к А. П. Гайдару. Легче теперь нам будет представить себе, и как случилось, что ответ писателя оказался в Курском областном партийном архиве.

На папке, где хранилось письмо, написано: «Культпросветотдел». Такие отделы — культурно-просветительной работы — в то время, о котором мы уже многое знаем, появились во всех комитетах партии. Собирались в эту папку, как на ней же обозначено: «Материалы по сектору библиотек, Облоно, бибколлектора, Когиза и облбиблиотеки». Тут и по сей день хранятся отчеты библиотек, справки о том, как они использовали выделенные им деньги, протоколы совещаний библиотечных работников, докладные записки сотрудников облоно и всякие иные документы. И почти на всех пометки и подпись инструктора Ф. Алексеева.

Перед письмом А. П. Гайдара в папке лежит докладная записка заведующему облоно товарищу Семисалову все от того же инструктора Ф. Алексеева. Инструктор беспокоится о том, что «орловская городская центральная библиотека имеет совершенно недостаточное помещение детской библиотеки», и предлагает передать детской библиотеке помещение типографии, которое она сдает в аренду.

А вот вслед за письмом писателя идет записка:

«г. Орел

ЦРБ г. Орел **(ЦРБ — центральная районная библиотека.—** *Л. С.)*

детское отделение

Гайдар — выслал письмо детям

см. журнал № 3—4=36 г.

«Детская литература»

Высланы два портрета детизд. ЦК ком. **(Детиздат с августа 1935 года переходит в ведение ЦК комсомола.—** *Л. С.)*

Гайдара и Барто».

Записка не подписана. За ней по порядковому номеру следуют отчеты о работе детского отделения и всей Центральной библиотеки Орла. В первом отчете упоминается читательская конференция по книгам А. П. Гайдара и переписка с писателем. Все это адресуется в облоно, вероятно, для того, чтобы окончательно убедить товарища Семисалова, что библиотека работает отменно и совершенно необходимо помочь ей с помещением. Так действует инструктор Алексеев.

Надо сказать, что его подпись нам с сотрудниками архива удалось разобрать не сразу. А потом мы еще долго копались в бумагах, рассматривали заметки и резолюции на документах, сличали почерки. И только тогда установили, что записка написана все той же рукой Ф. Алексеева.

Тут уж мы принялись отыскивать его Личное дело, что тоже вовсе не просто через столько лет. Но все же Личное дело нашлось, и мы узнали, что зовут инструктора Алексеева — Федор Данилович. Сын бедняка, он и сам был батраком. Когда пришла Советская власть, избирали его секретарем комсомольской ячейки в деревне Матвеевка, секретарем и членом сельсовета. А потом послали учиться в Воронежский педагогический институт, и получил Федор Данилович образование учителя.

Можно ли надеяться почти полвека спустя встре-

Виктор Романовский, тоже один из авторов письма к Гайдару, погиб в боях под Москвой. Красные следопыты помогли установить, что похоронен он в братской могиле под Истрой, в селе Рождественно.

титься с этим человеком? И все же мы его нашли. Нашли! Он и теперь живет в Курске, и ему без малого восемьдесят лет. Ну, конечно, чувствует он себя не всегда хорошо, но принял меня радушно, и проговорили мы до позднего вечера.

Как и другие его товарищи из Курска и Орла, Федор Данилович побывал в свое время в Москве и встречался с Н. К. Крупской. Надежда Константиновна радовалась, что так хорошо, победно идет борьба с неграмотностью, говорила о просвещении, образовании народа. Расспрашивала о «библиотечном походе», просила библиотекам помогать. Сказала, что собирается написать письмо земляку Федора Даниловича, заведующему отделом народного образования Щигровского района, поблагодарить, что в этом районе полностью избавились от неграмотности. Поручила Алексееву разыскать в Фатежском районе одного из распространителей «Искры», поинтересоваться, не осталось ли у него писем Владимира Ильича Ленина или самой Надежды Константиновны, и тогда уж переслать их в Москву.

Теперь Федор Данилович вспоминает, что человека того, распространителя «Искры», уже не было в живых, а вторую половину поручения он выполнял, сколько мог. Библиотекам, особенно детским, помогал постоянно.

Когда из Орла вернулся, хлопотал о помещении для детского отделения Центральной орловской библиотеки. Послал детям портреты двух писателей — Гайдара и Барто. Жаловались они Аркадию Петровичу, что в их городе портреты писателей не продаются. И он выпросил в облоно. Директора же орловского литературного музея имени И. С. Тургенева попросил, чтобы кто-нибудь из орловских ребятишек, в свою очередь, переписал для него письмо Гайдара. Подумал, что правильно будет сохранить такое письмо.

В первый момент от радости, что письмо нашлось, мы с работниками архива приняли это письмо за подлинник, за автограф писателя. Но теперь, даже без экспертизы, нет сомнений, что это копия. Точная копия, сохранившая содержание «ДЛИННОГО» письма. Не удалось фашистам убить гайдаровское слово, обратить его в пепел. Его спас и сохранил для нас инструктор обкома партии Федор Данилович Алексеев. И за это ему низкий поклон.

Понимание важности, значимости письма Гайдара к детям не было случайным для Алексеева. По делам службы он много разъезжал по области и немало других интересных для истории и литературы документов и реликвий нашел и спас. В начале тридцатых годов все думали о восстановлении хозяйства и не успели еще привести в порядок архивы музеев и библиотек. В орловском краеведческом музее натолкнулся однажды Федор Данилович на портрет А. С. Пушкина с дарственной надписью Чаадаеву. В Москве, куда Алексеев послал свою находку, экспертиза признала подлинность руки поэта. Портрет оставили в Пушкинском музее, а Алексееву предложили вознаграждение. Но разве мог он принять эти деньги? Он попросил, чтобы перевели их краеведческому музею, где портрет был обнаружен. В Белгороде, который в ту пору тоже значился одним из районов Курской области, Федор Данилович увидел большую папку писем главного инженера броненосца «Орел», участвовавшего в Цусимском бою. Вымолил разрешение и переслал письма писателю А. С. Новикову-Прибою, автору известной эпопеи «Цусима». Потом дружил с писателем, неожиданно даже встретился с ним на фронте. И сейчас, несмотря на свой преклонный возраст, Федор Данилович переписывается с поэтом Александром Жаровым, с ученым и путешественником Туром Хейердалом. Такой вот человек!

Смотрит он на меня весело и даже хитро и говорит с улыбкой: «Что ж тут удивительного, что поместил письмо детского писателя детям в партийный архив? Он-то сам, помните, как о себе говорил? Мы, мол, хитрые люди, только прикидываемся

Виктор Михайлович Калашников и Николай Владимирович Пятницкий рассказывают сегодняшним пионерам, как они в свои пионерские годы участвовали в конференции по книгам А. П. Гайдара, как писали ему письмо.

«Гайдар — это наше детство», — сказал первый секретарь Орловского обкома комсомола Е. Г. Волнов (вы видите его на фотографии в центре). «Гайдар — это на всю жизнь», — говорит секретарь обкома комсомола Л. В. Ставцева (на снимке она крайняя справа). Вместе с другими секретарями обкома комсомола они обсуждают, как лучше пионерам и комсомольцам вести операцию «Поиск краснозвездных гвардейцев Гайдара».

детскими писателями, а на самом деле растим краснозвездную крепкую гвардию... Разве слово командира такой гвардии не партийное слово? Кстати, на фронте те мальчишки и девчонки, читатели Гайдара, нас не подводили...»

Интересная все же судьба у этого письма, которое считали пропавшим. Оно погибло в дни войны. Можно сказать, восстало из пепла. Его копия почти полвека пролежала в архиве! Заметьте, в партийном архиве! Вместе с Курским областным партийным архивом, когда фашисты подошли к городу, было эвакуировано в далекий город Уральск. Там, в Уральске, мешки, в которые упаковали все архивные материалы, едва удалось спасти — лопнули трубы отопления в тесном подвале-хранилище. Вода успела коснуться некоторых папок, частично уничтожила кое-какие документы. Но гайдаровское письмо осталось невредимым. И благополучно вернулось в Курск. Но не принялись бы теперь в архиве улучшать да совершенствовать обработку материалов, не стали бы просматривать каждый листочек в отдельности, может, и не отыскалось бы письмо?

Давайте прочтем его еще раз. Нет, не зря «охотились» за ним долгие годы.

Видите, в начале 1936 года главное для Гайдара — его рассказ «Голубая чашка». Это несомненно. У писателя есть все основания думать, что «Голубая чашка» получилась хорошо. «Пионер» открывает ею свой первый «толстый» номер. А в «Пионере» хоть и друзья, но в делах литературных люди придирчивые и требовательные.

Но все же Аркадию Петровичу хочется знать, понравился ли его рассказ ребятам. «Напишите, — просит он у орловских пионеров, — понравился он вам или нет».

И хотя, по всему видно, живет Аркадий Петрович уже иными интересами и думает о новой повести, «Военную тайну» все же не забывает. «Военная тайна» и теперь ему дорога. Он принялся за нее еще в Хабаровске, когда работал в «Тихоокеанской звезде» разъездным корреспондентом. Вблизи японской границы неизбежность войны чувствовалась особенно остро. Газеты сообщали о документах, которые разоблачали военные планы Японии против нашей страны. Приходили известия о разных провокациях, которые в любую минуту войну могли вызвать. В дневнике писателя мы находим тревожные записи: «В 11 часов вечера пришла телеграмма. Убит русским эмигрантом Горгуловым президент Франции Думер. Тардье (французский политический деятель. — *Л. С.*) обвиняет III Интернационал. Переверстываем 4-ю полосу». ... «Убит японский премьер-министр Янукая...» «За последние дни в Хабаровске спокойнее. Немного улеглись толки о возможности войны. А все-таки тревожно. Все чего-то ждут». И среди этих строк: «Надо начать книгу «Такой человек» (это первоначальное название «Военной тайны»). И тут же, рядом, о сыне Тимуре он пишет такие слова: «Милый мой славный маленький командир».

Вдумайтесь в эти слова. Они не случайны. Раз-

мышляя о войне, Гайдар думает о сыне и в мыслях видит его «славным маленьким командиром».

Смотрите, как в другом своем письме к детям, пионерам Ростова-на-Дону, он раскрывает замысел своей повести. Он пишет: «Конечно, лучше, чтобы Алька остался жив. Конечно, лучше, чтобы Чапаев остался жив. Конечно, неизмеримо лучше, если бы остались живы и здоровы тысячи и десятки тысяч больших, маленьких, известных и безызвестных героев. Но этого в жизни не бывает. Далеко не все так легко, беззаботно и просто достается, как хотя бы фальшивые и надуманные победы «Красных дьяволят»... Почему «Военная тайна»? ...Дело не только в вооружении, в орудиях, танках и бомбовозах. Всего этого немало и у капиталистов. Дело в том, что наша армия знает, за что она борется. Дело в том, что она окружена огромной любовью не только трудящихся Советской страны, но и любовью миллионов лучших пролетариев капиталистических стран... Да то, что в помощь Красной Армии подрастает такое поколение, которое поражений знать не будет».

Бойцу и командиру гражданской войны, Аркадию Петровичу Гайдару хотелось, конечно, чтобы поднималось новое поколение командиров, которое «поражений знать не будет». Но будет знать и понимать, что война предстоит трудная и жестокая и, чтобы на ней не растеряться, надо хорошо себя к войне готовить.

Аркадий Петрович беспокоится, правильно ли поняли его юные читатели. И уже орловским пионерам сообщает, что в ответ на все их «хотелось бы» в тексте «кое-что изменил» и книга «стала понятней». И выйдет она «в новом издании с другими рисунками».

Если внимательно прислушаться к этим строкам, то можно услышать в них и отголоски той давней «взрослой» дискуссии. И понять, что, хоть и была она «непринципиальной» и во многом предвзятой, Аркадий Петрович не остался глух и невнимателен к критике. Как всякий умный и талантливый человек.

Никогда прежде не говорил Аркадий Петрович о языке художественных произведений, тем более своих книг. Впервые пишет он о том, что над словом надо работать «упорно и настойчиво», что на «одном таланте далеко не уедешь». И радуется, что в «Голубой чашке» ему «удалось достичь большей кратости, ясности и выразительности».

Мы знаем, что Аркадий Петрович в самом конце 1935 года ездил в Ленинград к Самуилу Яковлевичу Маршаку, мнение которого для всех, кто занимался детской литературой, было едва ли не самым значительным. Показывал свою «Голубую чашку», и оба писателя вместе работали над рукописью.

В том, как тщательно искал писатель для «Голубой чашки» самые точные и верные слова, можно убедиться, и посмотрев черновик рассказа — он хранится в Государственном литературном музее в Москве. И если сопоставить все эти факты, то видишь, что с «Голубой чашки» в писательском пути Гайдара начинается новый этап. Приходит более совершенное писательское мастерство.

Очень хорошо сказал об этом на страницах журнала «Детская литература» писатель и исследователь литературы Виктор Борисович Шкловский: «Начиная с «Голубой чашки» у Гайдара появляется новый голос и новое литературное умение». Найденное письмо рассказало нам и о том, что Гайдар немало бился за этот свой новый голос и новое литературное умение.

Если хорошенько поразмыслить, письмо дает основание предположить, что журнал «Детская литература», как и «Пионер», тоже радуется успеху Гайдара. После дискуссии и болезни Аркадия Петровича журнал, наверное, чувствовал себя неловко перед писателем. И вот он спешит в №№ 3—4 за 1936 год, в рубрике «Письма детей», поместить письмо орловских пионеров — читателей трех библиотек. В нем — восторженные отзывы о «Военной тайне» и других книгах писателя. Помните: «Мы зачитываемся вашей книгой «Школа» и недавно обсуждали «Военную тайну». Эту книгу мы очень любим... Шлем вам горячую благодарность за хорошие книжки и с нетерпением ждем ваших новых произведений...»

Теперь, когда мы многое знаем, мы и эти строки слышим уже совсем по-иному, правда ведь?! И понимаем, что Гайдар отвечает в журнале «Детская литература» коротко, потому что более подробно написал в **«ДЛИННОМ»** письме, а его-то напечатать никак невозможно: оно еще в январе отправлено в Орел.

Конечно, по прошествии стольких лет мы с вами можем только догадываться обо всем этом. И я пытаюсь проверить свои размышления мнением тех людей, которые еще в то время работали в детской литературе. В том же номере журнала «Детская литература», где печаталось письмо Гайдара орловским пионерам, выступают со статьями критики и исследователи литературы Евгения Александровна Таратута и Борис Александрович Бегак. Они оба поддерживают меня в моих предположениях. Они тоже считают, что журнал «Детская литература» в такой вот форме извинялся перед писателем.

До сих пор было известно только два письма А. П. Гайдара к пионерам — ростовским и орловским. Сейчас мы с вами познакомились еще с одним письмом орловским пионерам. Но вспомните, Евгения Онуфриевна Яковлева утверждала, что переписка велась два года. Может быть, существовали еще какие-то, пока неизвестные нам письма?

Теперь отыщите в так называемом **«ДЛИННОМ»** письме строки о пятиклассниках и шестиклассниках из Пензы. Стоит ли удивляться, если найдется когда-нибудь ответ Аркадия Петровича к пензенцам? Мы знаем уже, что в поисках надежды терять нельзя.

Немало интересного рассказало нам пропавшее и отыскавшееся письмо. Но, наверное, можно узнать еще больше, если познакомиться с теми, кто писал Гайдару, переписывался с ним. Почему бы и мне не попытаться поискать бывших орловских пионеров — корреспондентов писателя?

И вот мой путь снова лежит в Орел. Теперь, когда «Комсомольская правда» сообщила: «Найдено письмо Аркадия Гайдара орловским пионерам»,— а «Орловский комсомолец» повторил это известие, в городе не встретишь человека, который не слышал бы о находке. Или остался бы к ней равнодушен.

Имя Гайдара, словно волшебный пропуск, открывает для меня двери домов и учреждений, и люди, улыбаясь приветливо, стараются помочь. И оставляют другие важные дела и даже в выходной день приходят на работу, понимая, что долго задерживаться в Орле я не могу.

Если, как любил говорить Гайдар, **КРЕПКО** подумать, то нет в этом ничего удивительного. Книги Гайдара приходят в нашу жизнь в детстве и остаются с нами навсегда. Даже старея, мы все еще

находимся в плену обаяния личности этого человека и верим ему не меньше, чем в детстве. Мы знаем, что все слова, обращенные к нам, он подтвердил и оправдал жизнью.

Совсем разные люди: старожилы города, библиотекари, секретари обкома комсомола, комсомольские и пионерские работники, тимуровцы и красные следопыты, работники горсправки и журналисты — все объединяют свои усилия. И волнуются и хлопочут. И очень может быть, что именно это общее волнение и чувство благодарности писателю еще раз совершают чудо, оборачиваются удачей.

В десятый или, может быть, даже в сотый раз рассматривая подписи под письмом к А. П. Гайдару орловских пионеров, кто-то неожиданно говорит, что фамилия Калашникова ему знакома. Кто-то другой, задумавшись, отыскивает в своей памяти воспоминание о хорошем зубном враче Калашникове. Тогда еще кто-то подсказывает, что некий Калашников Виктор Михайлович многие годы ведет шахматный кружок в городском Доме пионеров. И кто-то советует спросить у Валентины Ивановны Володичевой, не помнит ли она среди юных читателей библиотеки имени А. С. Пушкина Виктора Калашникова, чья подпись красуется под известным уже письмом. Потом встреча с Володичевой, телефонная книга, горсправка, адресный стол и так далее и так далее... И, наконец, мы знакомимся с зубным врачом и мастером спорта по шахматам Виктором Михайловичем Калашниковым. И слышим от него историю «трех мушкетеров», грустную и героическую.

Среди читателей детского отделения библиотеки имени А. С. Пушкина слыла неразлучной троица — Виктор Романовский, Николай Четвериков и Виктор Калашников. Три мушкетера, а рядом верный д'Артаньян — младший брат Николая, Владимир. Жили дружно и весело. Читали, играли в шахматы, побеждали в спортивных состязаниях, учились танцевать, а Виктор Романовский еще писал стихи, и печатала их даже «Пионерская правда».

Книги Гайдара были такие неожиданные, а писатель так здорово вел разговор, что оторваться от его книг было невозможно. Эти книги объединяли ребят и делали их сильнее. Так говорит теперь Виктор Михайлович, размышляя о прошлом.

Хотелось увидеть писателя. Хотелось спросить у него, как стать таким смелым и сильным, как Алька из «Военной тайны», которого до смерти было жаль. Хотелось узнать, как он сам стал в пятнадцать лет командиром. И верилось, что Гайдар еще как-нибудь все же приедет, и все объяснит, и про них тоже напишет.

А потом началась война, и «военную тайну» они постигали на фронте, куда отправились почти все недавние мальчишки и многие девчонки. Виктор Романовский погиб в первые же месяцы войны под Москвой. Красные следопыты помогли установить, что сражался он в 36-й орловской отдельной стрелковой бригаде и похоронен под Истрой, в селе Рождественно. Смертельно ранен был под Житомиром в сорок третьем Николай Четвериков, а его брат Владимир пал храброй смертью под белорусской деревней Хатовня. Из «трех мушкетеров» остался после войны жив только Виктор Михайлович, у которого были больные ноги. Перед самой войной ему сделали операцию, и передвигался он только на костылях.

По цепочке, от воспоминаний одного к размышлениям другого, разыскала я в Орле еще один адрес и один телефон. Адрес московского журналиста Якова Михайловича Фарфеля — помните, имя Яши Фарфеля названо среди выступавших на диспуте в заметке «родительницы Калининой», которую 11 декабря 1935 года напечатала «Орловская правда»? А телефон глазного врача из Перми Софьи Александровны Ужевской. Ужевская, как и Калашников, подписала письмо Гайдару.

Яков Михайлович волнуется не меньше, а, может, и больше, чем тогда, в детстве, на литературном утреннике в Центральной библиотеке имени Н. К. Крупской. Как любили они свою библиотеку! Как ждали книг Гайдара, которые передавали по цепочке и зачитывали чуть ли не до дыр! Как соревновались за право выступать на диспуте! «Военная тайна» мальчишкам их поколения нравилась особенно. Приближение войны чувствовали все. А. Гайдар был командиром Красной Армии, и уж кто-кто, а он-то знал «военную тайну» и мог научить, как стать бесстрашным перед врагом. В их отряде, а потом и во всей пионерской дружине 1-й орловской школы проводили вечер интернациональной дружбы. Приезжали политэмигранты из Болгарии, Венгрии и Румынии, которые жили в то время в Орле. Рассказывали о борьбе коммунистов в других странах. Читали куски из «Военной тайны», говорили о судьбе Альки и его матери, погибшей в застенках румынской тюрьмы. А потом все вместе пели: «На битву вставайте! Вставайте, вставайте! ...Товарищи в тюрьмах, в застенках холодных, вы с нами, вы с нами, хоть нет вас в колоннах!»

С войны почти никто из тех мальчишек не вернулся. Погиб еще в финскую Борис Добрин, самый близкий друг,— он тоже выступал на диспуте. И Яков Михайлович прошел всю войну...

Мне помнится, писатель, исследователь жизни и творчества Гайдара Борис Николаевич Камов рассказал как-то, что один молодой боец прислал жене Аркадия Петровича, Доре Матвеевне Гайдар, прямо с передовой письмо. В нем было стихотворение,

Панораму Орла трудно представить себе без памятника писателю Н. С. Лескову.

которое мне хочется здесь привести хотя бы по памяти:

Я строки твои, как большие стихи, пронесу.
Врагу твоя кровь ни за что не достанется даром.
Ведь если я пролил когда-то по Альке слезу,
То ливень свинцовый прольется врагу за Гайдара...

Яков Михайлович Фарфель тоже говорит со мной о том, что он и его друзья, мальчишками ушедшие на фронт, несли в себе поэзию гайдаровских книг. И, хотя звучит это слишком красиво и немного выспренно, это правда.

Ну вот, а несколько дней назад я получила большое письмо от Софьи Александровны Ужевской. Она пишет: «Помню новенькие, еще пахнущие краской книги Гайдара... Я читала их запоем, забыв про все на свете и про домашние дела, за что мне частенько попадало от мамы. Я приходила в библиотеку и просила еще и еще книги А. П. Гайдара... На диспуты приходило много ребят, все дети зачитывались книгами Гайдара, старались походить на его героев. Особенно нравился сам писатель — такой молодой, он участвовал уже в гражданской войне и в революции, был командиром отряда и даже полка... Всем хотелось увидеть такого замечательного живого писателя, поговорить с ним. И вот собрался большой общегородской диспут читателей трех библиотек... Мне особенно запомнилось, что в своем письме к нам Гайдар призывал изучать русский язык, быть грамотными. Письмо Гайдара нам читала библиотекарь, а потом одно из писем, напечатанное в газете или журнале (мы с вами уже знаем, что в журнале «Детская литература».— *Л. С.*), было выставлено на стенде в библиотеке. Мы подходили, перечитывали его, были очень рады, что нам написал настоящий, наш любимый писатель. И эта любовь к книгам и к самому А. П. Гайдару осталась на всю жизнь...»

Летом прошлого года, когда я побывала в Орле, там в областном комитете комсомола по просьбе Всесоюзного штаба Тимура собрались и взрослые и ребята и договорились начать новую тимуровскую операцию «Поиск краснозвездных гвардейцев Гайдара». Возглавили эту операцию штаб Тимура при городском Доме пионеров, детская библиотека имени А. П. Гайдара и газета «Орловский комсомолец».

И вот я получила свежий номер «Орловского комсомольца». Там сообщение: нашелся еще один человек, принимавший участие в письме к Гайдару. Это Николай Владимирович Пятницкий, инженер завода «Ремстанок». Сейчас Николай Владимирович уже на пенсии, но он помнит тот восторг, с которым читали ответ писателя, помнит, как хотелось подражать героям его книг. Он берег эти книги для своих детей, а теперь и для внучки.

Я верю, найдутся и другие бывшие орловские пионеры — читатели трех библиотек.

Зачем мы ищем их? Зачем мы так долго искали пропавшее письмо Гайдара?

Мы хотим лучше понять жизнь и книги писателя, который стал частицей нашего детства, нашего сердца. Нам нужно понять себя.

23 января исполняется 60 лет со дня присвоения пионерской организации имени В. И. Ленина

60 ЛЕТ С ИМЕНЕМ ЛЕНИНА

Мы спросили Дмитрия Игоревича ШПАРО, кандидата физико-математических наук, мастера спорта, начальника экспедиции газеты «Комсомольская правда» к Северному полюсу: когда вы начали готовиться к путешествию на Северный полюс и ходили ли вы в походы в пионерском детстве?

ПОХОД УЧИТ МУЖЕСТВУ

Помню, в свой первый поход я пошел в седьмом классе. Группа собралась из ребят старших классов, и получилось, что среди них я оказался самым маленьким. А ходили мы далеко, на Селигер. Я, конечно, и раньше знал, что такой дальний поход — дело нешуточное, но по-настоящему понял это, когда взвалил на плечи тяжеленный, битком набитый рюкзак. В самом деле, не так-то просто шагать, не отставая от других, шутить вместе со всеми, подпевать, когда ноша — хоть и своя — тянет и тянет вниз. Но хныкать и показывать, что трудно, мне, мальчишке, было неловко.

И тогда я решил, что самое главное в походе — это выдержка и терпение.

Как оказалось потом, в походе от человека требуется гораздо больше. Нужна ловкость, чтобы перебраться через речушку по бревну, нужна сила воли, чтобы заставить себя подняться после привала, внимательность и быстрая реакция, потому что от всяких неожиданностей здесь никто не застрахован.

С нами в походе было три учителя. Помню, с учительницей химии произошел тогда такой случай.

Дело было на берегу реки. Она что-то оттирала бензином, и вдруг — как это получилось, никто и не заметил — одежда на ней вспыхнула. Шум поднялся, началась суматоха, и все кричали только одно: «Прыгайте! Прыгайте в воду!» Но учительница сделала по-другому. Как? Любители походов, наверное, уже догадались. Бросилась на землю, и пламя вскоре потухло. Действительно, этот способ, если поразмыслить как следует, надежнее. Но тогда не было времени долго рассуждать и задумываться: решение пришлось принимать мгновенно.

После этого я еще не раз ходил в походы — и в школе, и в университете. Но те знания и умения, которые я приобрел в своем первом походе, выручали во многих ситуациях.

Конечно, в детстве я и не думал, что когда-нибудь буду пробиваться с друзьями по льдам к Северному полюсу. Но уже тогда я понимал, что любые походы — это испытание характера. Походы помогают человеку стать мужественным, сильным и целеустремленным.

Книги писателя Анатолия Маркуши
не залеживаются
на полках библиотек.
«Вам — взлет!», «Мужчинам до 16»,
«Азбука мужества», «Нет»,
«Облака под ногами»...
Перечислять придется долго:
пятьдесят четыре книги написал
Анатолий Маркович Маркуша.
Они переведены
на четырнадцать языков
и выходили девяносто девять раз.
А если сосчитать общий их тираж,
получится
десять миллионов экземпляров!
Анатолий Маркуша
любит писать про летчиков.
Конечно, не случайно.
Он и сам летчик.
И впервые поднялся в небо
еще в 1938 году.
Книги Маркуши любят читать
мальчики
и нисколько не меньше девочки.
Их с благодарностью
вспоминают старшие братья
и сестры нынешних ребят,
их папы и мамы.

Анатолий МАРКУША

БОЛЬШИЕ НЕПРИЯТНОСТИ

Фрагменты одной жизни

РОМАН*

Рисунки В. МОЧАЛОВА.

Вместо предисловия

Быть знаменитым некрасиво.
Не это подымает ввысь.
Не надо заводить архива,
Над рукописями трястись.

Цель творчества — самоотдача,
А не шумиха, не успех.
Позорно, ничего не знача,
Быть притчей на устах у всех.

Но надо жить без самозванства,
Так жить, чтобы в конце концов
Привлечь к себе любовь пространства,
Услышать будущего зов.

И надо оставлять пробелы
В судьбе, а не среди бумаг,
Места и главы жизни целой
Отчеркивая на полях.

И окунаться в неизвестность,
И прятать в ней свои шаги,
Как прячется в тумане местность,
Когда в ней не видать ни зги.

Другие по живому следу
Пройдут твой путь за пядью пядь,
Но пораженья от победы
Ты сам не должен отличать.

И должен не единой долькой
Не отступаться от лица,
Но быть живым, живым, и только,
Живым, и только — до конца.

Стихи Бориса Пастернака,

Вечер превращает росу в иней,
утро превращает иней в росу.
Жан-Поль.

Все это было, было, было...
Александр Блок.

То, что я собираюсь рассказать, правильнее всего назвать фрагментами одной жизни. Я собираюсь говорить главным образом о своих просчетах, промахах, ошибках — словом, о теневых сторонах существования, что не украшают жизнь, а делают ее труднопроходимой.

Разумно спросить: а чего тебя, брат, на такие саморазоблачения тянет?

Скрывать нечего, лакировать тоже: отвечу.

Когда выходишь к четвертому развороту, когда впереди последняя прямая — это соображает каждый зеленый пилотяга,— маневрировать не приходится, самое время подумать о душе.

В моем понимании подумать о душе — значит поддержать идущего вслед, чтобы не споткнулся там, где я шишку набил, открыть глаза сменщику на мои грехи — не греши подобно! А отважишься, знай, какой ценой за это приходится платить...

Должности мои, звания — чешуя. С них разговор начинать не стоит. Существенно одно: я — летчик.

Если хорошенько подумать, летчик — не только и даже не столько профессия, сколько состояние, образ мыслей, стиль поведения, отличающие человека этого сословия ото всех остальных людей тем, что он — летчик — способен, забыв о рулях и прочих органах управления, вообще обо всей материи, образующей самолет, свободно перемещаться в небе.

Только не спешите подсказывать: как птица!

Настоящий летчик делает это много лучше птицы.

Журнальный вариант.

Таким образом, я утверждаю: летчик — существо особое, сформированное землей, небом и самолетом.

И суд над нами особый: высшая его инстанция — земля.

Земля строга и бескомпромиссна, молча принимает и лейтенантов, и генералов, разумеется, летающих. Льгот — никому.

Что-то в последнее время небо мне снится.

Раньше, пока летал, никогда этого не было, а теперь — списали с летной работы — и снится.

Все чаще не праздничное, не голубое в белых, как невеста, нарядных облаках, а сумрачное, тревожное.

И снова чувствуют руки холодок тумблеров, жесткую выпуклость ручки управления, так плотно ложащейся в пальцы; и жмурятся, глядя мне в лицо, зеленоватыми глазами циферблаты приборной доски...

Готовясь к взлету, я уменьшаю ультрафиолетовый подсвет кабины, прислушиваюсь к двигателю.

Так снится.

«Верь только приборам»,— должен сказать я прежде, чем начать разбег. И говорю: «Верь только приборам!»

Нарастает скорость — я это чувствую спиной: прибывает... еще и еще, сейчас будет отрыв... Есть. Шатнулись — самолет и я — чуть вправо, чуть влево, пошли вверх...

Весь мир теперь — в колеблющемся силуэтике авиагоризонта да на острие стрелки, счисляющей скорость: пока есть скорость — летишь, нет скорости — падаешь.

Не глядя, на ощупь, нахожу и вдавливаю шарик крана шасси. Перевожу кран до упора вверх. Краем глаза замечаю: гаснут зеленые точки в указателе... Жду. Есть — одна красная... вторая... Все три есть — шасси убралось и встало на замки.

Берусь за головку крана щитков и тоже перевожу вверх. И сразу машина делается вроде легче, податливей, довольно пальцем шевельнуть, как силуэтик авиагоризонта опустит левое крылышко, поднимет правое, поползет вверх или, напротив, опустится под черту искусственного горизонта.

Лечу.

За остеклением тесной кабины непроглядная ночь, лишь навигационные огоньки на кончиках крыльев — зеленый справа и красный слева — светят мне из-за борта. Только и на этот умеренный свет заглядываться нельзя: отвлекает от игрушки-силуэтика, повторяющей каждое движение машины.

Высотомер успел накрутить уже не одну тысячу метров. И компас безмолвно диктует: идешь заданным курсом...

Облачность должна вот-вот кончиться. Прежде чем это случается, вижу: вдоль остекления понеслись сероватые размытые клочья. И, будто занавес взвился, открылось чистое небо. Глубочайшая маслянистая чернотища забрызгана сияющими крупинками звезд — большими, поменьше, совсем маленькими, с булавочную головку. Это и есть настоящее ночное небо.

«Не смотри по сторонам»,— должен сказать я себе. И говорю: «Не смотри по сторонам».

Знаю, моргнуть не успеешь, звезды лишат ощущения пространства: низ сместится вверх, верх опрокинется под ноги... завертит, и никакие приборы не помогут. Останется одна надежда — парашют.

Бондаренко выручил. Михалева выручил. Загрицу не помог: высоты не хватило.

Но я лечу во сне. И сон раздвигает границы возможного: самолет странным образом истончается и слоями стекает с меня. Легко, безболезненно, тихо. Я сознаю невозможность происходящего и все-таки испытываю какой-то удивительный, не поддающийся оценке восторг.

Вот уже руки мои ощущают плотность живого воздуха, и плечи входят в его упругий поток... Больше не нужен искусственный горизонт, и указатель скорости ни к чему: я слышу шелест звезд и по ясному их звуку сужу о скорости — растет... уменьшается...

Осторожно!

Я опрокидываюсь на спину и лечу так: лицом к звездам. Странная мысль приходит в голову — вернусь, и меня обязательно спросят: где машина? Что отвечать? Усмехаюсь во сне и успокаиваю себя: больше половины, если не все, совершенные мною «геройства» были стимулированы страхом — а ну как спросят: «Почему выпрыгнул, почему бросил машину?»

И меня прохватывает озноб: а вдруг не поверят? Как это самолет с п о л з? Какими такими с л о я м и?

И окажусь виноват.

Ведь это так удобно — списать беду за счет летчика. Экипаж не подготовился должным образом... Командир корабля допустил преступную небрежность, за что и поплатился. Мертвые сраму не имут. Так говорится. Говорится легко, бездумно. Но так ли на самом деле?

Или живым спокойнее, когда виноваты мертвецы?..

Вот бы выскочить из сна. Я бы многое порассказал, как это бывает наяву. Но звезды не отпускают. Звезды шелестят, подмигивают и тихонько кренятся: я оборачиваюсь лицом вниз, сжимаюсь, и покинувший меня самолет возвращается.

Натекает.

Материализуется.

Больше времени ни на что не остается: покачивающийся силуэтик в авиагоризонте, стрелочка указателя скорости, высотомер...

Немного позже приказываю себе: «Установи стрелку радиокомпаса на ноль. Проверь остаток горючего... Снижайся...»

Уходить от звезд не хочется, но время. Делаю, что положено, и неотступно, ежесекундно помню: внизу земля.

Притаилась и ждет.

Прощайте, звезды!

Будь милостивой, земля. Я иду к тебе на последнем горючем.

У вернувшегося из полета исчезают крылья, и земной груз с новой силой сваливается на плечи.

Почему?

Не знаю.

Но это так. Всегда...

* * *

Сначала ничего не было, а потом я вдруг увидел: она тоненькая-тоненькая и будто вся на пружинках... и не просто двигается, а... переливается, как ручеек.

Жутко была она все-таки красивая, Наташка.

И я стал глядеть на нее, не отрываясь, пока не сделалось больно дышать.

Потом, уже после физры, подошел и, как будто нечаянно, тронул. Она ничего, засмеялась и спросила:

— Ты почему такой несильный? Вот Фортунатов Митя — сильный!

И убежала, а я стал думать: при чем тут Фортунатов? Он — толстый и большой... Правильно. Но это необязательно, раз толстый, то и сильный... А еще бывает, хоть и сильный, да трус. Кто сказал, если толстый и сильный, значит, обязательно храбрый?

Так я шел по коридору, думал, а он — навстречу, Фортунатов. Идет, жует. Он всегда жует — яблоко или конфету... или пустым ртом жует.

— Эй,— сказал я,— жиртрест! Не лопни!

Но он даже не посмотрел в мою сторону, вроде не видел, не слышал. А я так понимаю: н е ж е л а л слышать.

Как вы думаете, это приятно, если тебя не желают слышать?

И почему?

Может, он меня презирал? Но кто имеет право п р е з и р а т ь человека, если тот не фашист, не предатель, не ябеда и не трус? Вот вопрос!

А может, Фортунатов считает, что я — трус? Но Колька Абаза никогда не был и никогда не будет трусом!

С этим я вошел в класс.

Ребята еще галдели, рассаживаясь по местам. Я сразу подошел к Митьке и спросил:

— По-твоему, я — трус? Да?

— Иди ты,— сказал Митька.

— Нет, ты скажи: я — трус?

И он н е о т в е т и л!

А молчание что? Молчание — знак согласия! Словом, мне пришлось щелкнуть его по носу и предупредить:

— Смотри у меня!..— Больше я ничего не успел

сказать: вошла Мария Афанасьевна. Ее мы уважали, и потом у Марии Афанасьевны опять муж умер. Второй. Не хотелось расстраивать.

На уроке Наташка прислала записку: «Героический герой! С ума можно сойти — не побоялся пощекотать Митьке под носом! Ура!»

«Странно,— подумал я,— чего она из-за Фортунатова выступает?»

Потом, дома, я все старался решить: кого бы должна выбрать Наташка — Абазу или Фортунатова, если совсем-совсем по-честному?..

И получалось — меня!

Мне даже приснилось: Наташка на физре выводит меня из строя, за руку; поворачивает лицом к ребятам и говорит всем: «Я выбираю Колю Абазу, а Фортунатов — бабуин и обжора». В слове «бабуин» слышалось что-то замечательно пренебрежительное, хотя я и не догадывался тогда: бабуины — порода обезьян.

Но то было во сне, а на самом деле Наташа или не обращала на меня внимания или поддразнивала и по каждому поводу заводила: «А вот Митя!.. Фортунатов!! Митя!!!»

В конце концов вся эта музыка мне надоела.

И вот что я придумал: вырвал из нового альбома для рисования лист, толстенький такой, шершавый, и изобразил на нем маленькую стенгазету. Все чин чином: заглавия с завитушками, разные картинки, синий ящик «Для писем...». И раскарикатурил Наташку вместе с ее Митькой! Рисовать я будь здоров рисовал да еще разозлился.

На другой день специально пришел в школу пораньше, прокрался в класс первым и прямо к Наташкиной парте приклеил свою газету. Наглухо. Был такой особенный клей авиационный — эмалит. Вот им.

Ну, ясно, когда ребята увидели,— смеху... И все догадались, чья работа — так я один в классе мог,— но и не докажешь, что Абаза: следов нет! А не пойман — не вор... Все чисто сработал!

Удивительно дальше получилось: ребята галдят — кто за Наташку, кто против,— а сама она ни слова, будто все это ее вообще не касается. Смотрит на меня обыкновенно, вроде даже улыбается.

Чудно!

И только после уроков окликает в раздевалке и медленным, как будто засыпающим голосом спрашивает:

— Не можешь объяснить, Колька,— а сама юбчонку задирает и у меня, можно сказать, под носом чулочные резинки перестегивает, будто я пустое место, будто меня нет,— не можешь объяснить: почему ты такой недоумок?

Ух, и презирала она меня!

А голос ни на одном словечке не споткнулся, не заспешил.

Не думал я, что на всю жизнь резинки эти запомню, а главное, тот невидимый лед в ее глазах, обжигавший страшнее огня...

И уж совсем не предполагал, что опалит меня тем льдом еще не раз в долгой моей жизни.

* * *

Не так давно занесло меня на старое летное поле. Ну, поле как поле, что земле сорок лет — мгновение... А вот ангар наш заметно постарел, облупился. Теперь его используют для вспомогательных нужд, самолеты в ангаре больше не ночуют.

В ту давнюю пору, когда ангар был еще молодым, меня, вопреки желанию, оставили инструктором в летной школе. Тогда существовал порядок: в конце рабочего дня инструкторы, перегонявшие машины с полевой площадки, где они трудились от зари до зари, подходили к основному аэродрому на бреющем и садились без знаков — классическое матерчатое «т» и ограничительные полотнища на этот случай не выкладывались. И особым шиком считалось касаться земли возможно ближе к ангару.

Подобная вольность была не бессмысленна: ожидалось, что на войне придется (и пришлось!) приземляться на полосах ограниченных размеров и, уж конечно, соблюдать строжайшие правила маскировки, так что никаких знаков не будет. Вот и тренировались между делом.

В тот день мы подлетели к основному аэродрому на заходе солнца. Первым пошел на посадку командир эскадрильи. Мне с воздуха было хорошо видно, как четкая тень его самолета бежит впереди машины, как проносится по ангарной крыше, падает на землю и сливается с колесами в каких-нибудь пятидесяти метрах от ангара. Подумал: солнце в спину подсвечивает — помогает, собственные колеса видны, можно и расчетик сделать... и притереть в точечку. Следом за комэском приземлились командиры звеньев, а там подошла и моя очередь. Прицелился я самолетом в середку рыжей ангарной крыши, уменьшаю скорость... Ползу и соображаю: а если еще носик ей приподнять? И приподнял, са-амую малость, а оборотиков прибавил. На пределе иду. И надо же — не услыхал, почувствовал: колеса по крыше — чирк! Еле-еле, воздушно так, будто мимолетным поцелуем скользнули...

Наташка, наверное, уже целый месяц не смотрела на меня.

Первая мысль: на земле заметили или нет?
Делаю, что надо, убираю обороты, подпускаю самолет пониже, плавно тяну ручку на себя,— а в голове гудит: что, если заметили?
Ах, какая трава зеленая!
И цветочки белыми пятнышками проступили...
Ничего хорошего ожидать не приходится. Как начнут клевать, не отбрешешься. Что же делать?
Клин клином?
Победителей не судят?
Пожалуй, ни одна из этих расхожих мудростей толком в голове не пропечаталась. Так — мелькнули.
А руки и ноги свое знают. Строго выдерживая направление пробега, я плавно вывел двигатель на максимальные обороты и... пошел на взлет. Надо было замкнуть круг еще раз, зайти на посадку, снизиться точно так, как я снижался, «поцеловать» ангарную крышу в той же самой точке, приземлиться и повторить все снова.
Для чего?
То, что удается однажды, можно отнести за счет случайности. Действие, повторенное дважды и тем более трижды, само собой переходит в иное качество — превращается в умение или даже в мастерство, а может быть, и в виртуозность...

В тот вечер машину я не разбил, сам не убился, словом, ничего такого — сверх...— вроде не случилось. Но стоять перед командиром эскадрильи пришлось. Шалевич глядел на меня как-то странно, даже и не гневно, скорей, недоумевая, и спрашивал:
— Ты на первом заходе нечаянно или намеренно по крыше чиркнул? Только, пожалуйста, не ври.
Как быть? Сказать все по правде? Но он же видел: я повторил заход и раз, и два... Значит, могу! Я молчал, выигрывая время.
— Ну, Абаза, что скажешь?
— Так вышло, командир,— сказал я чужим языком, ожидая: вот сейчас будет! Но ничего не случилось. Комэск смотрел и вроде не видел меня. Не повышая голоса, Шалевич рассуждал будто сам с собой:
— Вышло? Очень интересно. Сначала — вышло, а потом ты стал работать Чкалова, Абаза? Стал изображать Рихтгофена?..
Я молчал, стараясь догадаться, что он думает обо мне. Но глаза Шалевича упорно ускользали от моих глаз.
— Ты — щенок, Абаза, наглый и глупый.— Тут он было пошел прочь, но вернулся и сказал: — Трое суток ареста. Будешь думать, потом доложишь всей эскадрилье: зачем ты это делал. Именно — зачем?

Как странно устроено в жизни: тебя всегда о чем-то спрашивают, и ты не можешь или не имеешь права не отвечать.
Куда бы лучше самому спрашивать... себя... И отвечать тихонько — по секрету...

* * *

Чем меньше знаешь, тем уверенней судишь: ошибка общечеловеческая, возможно, даже «конструктивная». Говорю по собственному опыту. Едва приобщившись к авиации и почти ничего еще не ведая, я уверенно повторял следом за многими и многими желторотыми пилотягами:
— Только бы не оставили инструкторить в школе...
Почему? Какие доводы у меня были против работы инструктора?
Что за летчик, если он пожизненно привязан к одному аэродрому!
Каждый день круг, зона, и снова круг, и снова зона... сдохнуть от однообразия.
В строевой части свободы больше, не то что в школе...
Это были главные и наиболее, как мне казалось, убедительные доводы. Нет, я не претендовал на оригинальность, знал: точно так говорят все, кто не хочет оставаться инструктором. А таких, что хотели бы, я в ту пору не встречал.
И вот случилась колоссальнейшая неприятность: меня оставили в школе. О переживаниях говорить не стану. В армии переживания особой роли не играют: все решает приказ.
Запомнилась беседа с командиром эскадрильи. Он сказал нам, совсем молодым ребятам:
— Ваше настроение мне понятно, и об этом пока рассуждать не будем. Хочу обратить внимание на одну особенность вашей начинающейся службы. Думаю, такое вам в голову не приходило: инструктору самой должностью, можно сказать, автоматически обеспечено уважение... На, держи! И твое дело не завоевывать, как на любом другом месте, а лишь подтверждать даровой авторитет!
Тогда мы не сумели в полной мере оценить этих слов. Пожалуй, оно и понятно: пока не пройдешь сквозь недоверие, пока не случится преодолеть косые взгляды окружения, пока не испробуешь на собственной шкуре, как дается это самое уважение, трудно правильно понять цену готового авторитета.
Начал я работать инструктором без восторга. Деваться было некуда, вот и делал, что велели: прослушал некоторое число лекций по методике и принял свою первую в жизни курсантскую группу. Тогда все это быстро делалось.
Спустя неделю, наверное, прихожу с полетов в общежитие, настроение — полнейшая неустойчивость. Смотрю: на тумбочке бандероль. Мне... Та-ак! Интересно. От кого бы?..
Обратный адрес?
Господи, в жизни не мог предположить, что она обо мне вспомнит! От Александры Гавриловны, моей школьной директрисы, бандероль!
Ободрал упаковку, оказалось — книжка. Авторы Монвиль и Коста, перевод с французского, название «Искусство пилотажа»... И на первом листе надпись: «Николаю Николаевичу Абазе — моему молодому коллеге с пожеланием успеха и долгих-долгих лет!..»
Надо же — коллеге!.. А вообще-то правильно: она — школьный работник, и я теперь тоже шкраб... Когда-то так называли учителей.
И как только Александра Гавриловна про меня вспомнила? Книгу нашла... Догадалась.
Монвиль и Коста, оказывается, летчики, многие годы работали инструкторами...
Скажи, пожалуйста!
Но самое главное оказалось впереди — в «Искусстве пилотажа» я прочел: «Хороший инструктор — редкая птица: он должен обладать взглядом орла, от которого ничего не скроется, кротостью белого голубя, мудростью совы и неутомимым красноречием попугая, который изо дня в день повторяет хорошие советы».
Эти слова я выучил наизусть. Но дело не в словах! За ними начинался новый взгляд на ремесло. Шутка ли, это мне следовало обладать орлиным взглядом, мне! А откуда было подзарядиться мудростью?.. Словом, благодаря этим словам я впервые

Надо было замкнуть круг еще раз, зайти на посадку... «поцеловать» ангарную крышу, приземлиться и повторить все снова.

попытался посмотреть на себя как бы со стороны и увидеть, чего же мне не хватает...

Трудно сказать, каким я был инструктором. Сначала, как все, робким и неровным, постепенно чему-то научился, что-то перенял от других летчиков, постарше... Но, если считать требования Монвиля и Косты минимальными, хороший инструктор из меня не вышел: кротости белого голубя во мне, увы, никогда не было...

Сегодня я чрезвычайно высоко оцениваю время, проведенное в инструкторской упряжке: пока я учил других, многому научился сам.

Без лишней скромности уточняю: сам научил себя.

Не так давно я получил неожиданно письмо от незнакомого юного лейтенанта. Смысл послания сводился к тому, что он просил помощи: «Не дайте погибнуть на инструкторской принудиловке. Я окончил училище с отличием, а меня оставили тут»... И очень он нелестно отзывался о своей работе, приводя те же доводы, что когда-то казались мне безупречно убедительными, а еще добавлял: «И что трудного, что интересного в этой работе — показывай, как надо, да ругай, когда курсант делает как не надо... Пожалуйста, не удивляйтесь, что я прошу помощи у вас: вы — старый летчик, и если честный человек, не станете доказывать, будто инструкторская работа доставила вам много радости...»

Письмо требовало ответа. Но какого?

Мне уже случалось слышать: «Время нынче такое — без протекции далеко не уедешь». Но как быть применительно к авиации?.. Положим, устроить, посодействовать, поспособствовать, помочь попасть в училище или «организовать» хорошее назначение, даже продвинуться по службе — штука возможная. А как пилотировать? Как пробиваться сквозь многоярусную облачность, как находить путь к звездам в непроглядной ночи?..

Никто не протянет руку на высоту тысяч в двадцать, чтобы в нужный момент прибрать обороты или вовремя уменьшить крен...

Может быть, я старомоден, только с этим уж ничего не поделаешь: не нравятся мне молодые люди, ожидающие и тем более требующие помощи от влиятельных стариков. Но это даже не главное: юный лейтенант, очевидно, считал меня честным человеком... Удивительное совпадение! Я тоже всегда думал: Абаза — не трус, Абаза — человек честный... Только у нас не совсем совпадающие представления о некоторых понятиях.

«Я — честный человек, ты прав,— написал я моему корреспонденту,— и потому признаюсь: инструкторская работа доставила мне куда больше неприятностей, чем радости. Верно. Но справедливо и то: если я выжил на войне, если меня хватило на двадцать лет испытательской работы, то прежде всего благодаря тому, что я начинал инструктором.

Я — честный человек и не хочу поэтому кривить душой».

Дальше я привел слова Монвиля и Косты, которые помогли мне смириться в свое время.

Ответа я не получил.

Или мой лейтенант не оценил мудрости французских коллег, или по молодости лет не научился еще быть благодарным. Что прискорбнее, судить не берусь...

* * *

В тринадцать лет у человека нет сколько-нибудь серьезного прошлого и оглядываться просто не на что. Может, именно поэтому я без особых сомнений взял из кухонного стола бабушкину старинную скалку, обвязал ее строго посередине крученой бельевой веревкой и отважился... Но прежде несколько слов о побудительных мотивах.

Наташка, наверное, уже целый месяц не смотрела на меня. Как я ни старался, она все равно пропускала меня, как пропускают картавые букву «р»... Я пробовал обращаться к ней напрямую, атаковать в лоб, но она делала такое лицо и так моргала ресницами, словно к ней обращался вовсе и не человек, а золотистый карп, например, или рыжая соседская такса. Я хитрил, маневрировал, но она или не замечала, или делала вид, что не замечает моих усилий.

Мириться с таким пренебрежением было невозможно.

Но что делать? Как заставить Наташку поглядеть на меня и, главное, увидеть: Абаза вовсе не тот, каким представляется? Правда, я выглядел — вполне. Метр семьдесят — рост. Плечи — в норме. И не сказать, что глупее других... в карман за словом никогда не лез... не трусил...

И это особенно важно — не трусил!

В смелости своей я в ту пору не сомневался. Но кто, кроме меня, мог знать об этой доблести Абазы? Как угадать, что спрятано в человеке под толстой, непрозрачной шкурой?

Значит, надо показать, продемонстрировать смелость, рассуждал я, придать ей наглядность.

Так родился план.

Мы жили в квартире шестьдесят восемь, а Наташа — в квартире шестьдесят. В одном доме. Таким образом, я мог, укрепив крученую бельевую веревку к балконной решетке (для этого и понадобилась скалка), спуститься с нашего пятого этажа на ее третий и, вежливо постучав в балконную дверь, сказать что-нибудь ошеломляюще остроумное и неожиданное. Поди плохо?!

Текст приветствия готовить заранее я, разумеется, не стал: понадеялся на вдохновение. Склонность к импровизации — моя врожденная слабость.

И вот скалка прижата к прутьям, я бодро перешагиваю через ограждение, дергаю, проверяя веревку на прочность, и осторожно спускаюсь...

Под ноги не смотрю. Краем уха слышал: боязнь высоты приходит через материальную связь с землей, когда видишь ствол дерева, стену дома или марши парашютной вышки. Но, пока эта связь не попадает в поле зрения, человеку все трын-трава: страха нет!

Действительно, страха не было. Немного жгло ладони...

На балконе четвертого этажа, не замеченный никем, я отдохнул и стал спускаться дальше. Ладони начало жечь сильнее. А чуть позже пришел страх: веревка кончалась, ноги уходили в пустоту, а до Наташиного балкона оставалось еще сколько-то... и тут, чтобы узнать, сколько, я глянул вниз...

Отвага моя мгновенно иссякла, будто выключилась.

Правда, я успел цыкнуть на себя, собраться и сообразить: если слегка качнуться и в тот момент, когда стена пойдет навстречу, разжать руки, я непременно окажусь на балконе, а не пролечу без пересадки мимо...

Решение было правильным и единственным.

Однако мне пришлось качнуться раз, и два, и три, прежде чем хватило силы разжать пальцы, и не слишком грациозно приземлиться на чужом балконе.

Что последовало дальше?

Веревка кончалась, ноги уходили в пустоту, а до Наташиного балкона оставалось еще... и чтобы узнать, сколько, я глянул вниз...

соглашался: говорились исключительно справедливые вещи. Конечно, мой поступок «нельзя было расценить иначе, как припадок чистого безумия». Только ни одно слово не пристало ко мне. Слова, как и положено градинам, били и отлетали, били и отлетали. Оставалась ли боль? Пожалуй, но ненадолго.

А Наташа?

Удивительно — во всем происходившем Наташа участия не принимала. Или ее не было дома? Или это дефект моей памяти, только, как вела себя в балконной истории Наташа, хоть застрелите, не вспоминается.

Словесный поток не иссякал долго и завершился неожиданно. Мне было велено явиться в директорский кабинет — это ко всему еще! Идти, естественно, не хотелось, но куда деваться? Шел, представляя, как нудно будут звучать давно знакомые упреки: неужели не понимаешь?.. И как только не стыдно?.. Подумал бы о матери: у нее больное сердце! Человек ты, можно сказать, почти взрослый, и — нате...

Но если курица не птица, то школьник разве человек?

Велено — иди.

Я и пришел. Перед директорской дверью рожу скорчил: пять минут до смерти осталось... Директор посмотрела на меня с любопытством и ничего спрашивать не стала! Вообще Александра Гавриловна со странностями была. Ребята ее хоть и побаивались, но все-таки больше уважали. За справедливость главным образом. С секретом она была человек: глядишь на нее и никогда не знаешь, что скажет или как поступит... Если выпадет случай, я еще расскажу о ней.

На этот раз тоже разглядывала она меня, разглядывала, а потом говорит:

— Человек — это стиль, Коля. Запомни. Обдумай. Слова, к сожалению, не мои. Классика... А теперь ступай.

Ну, и пошел я. Со странным чувством пошел: вроде и не совсем Александра Гавриловна меня осуждает.

Только и «подвиг» мой как-то вдруг побледнел, не совсем погас, нет, а так, слинял несколько.

Теперь уже трудно восстановить подробности в их строгой, логической последовательности, но все же...

Балконная дверь оказалась закрытой. Я попробовал ее открыть, и сразу в голову стукнуло кошмарным женским визгом — не криком, именно пронзительным, вибрирующим визгом. Что-то белое, очень неодетое мелькнуло перед глазами...

Не сразу дошло: то была потревоженная Наташина мать.

В следующее мгновение меня сгребли две здоровенные клешни-ручищи, и взрывающийся гневом низкий голос, возможно, это был Наташин папа, потребовал объяснений: кто я, откуда и для чего явился?

Самым невозможным было объяснить: для чего?.. Действительно, а для чего?

Меня ругали и срамили, срамили и ругали. Водоворот слов долго не утихал: потом, как мелкого воришку, повели из Наташиной квартиры на пятый этаж, к родителям...

Там повторилось все сначала: зачем, для чего? Слова, слова, слова секли, словно град. Странно, я все отчетливо слышал, все решительно понимал и

* * *

Мы были городскими мальчишками и, наверное, потому так восторженно приняли книгу Сетона-Томпсона «Рольф в лесах».

Рольф будил воображение: подумать, наш сверстник оставался один на один с дикой природой, открывал совершенно новые, незнакомые пределы мира. Он был самостоятельным в самом высоком понимании этого слова — в решениях, в действиях, в праве рисковать!

«Рольф в лесах», я бы сказал, оказался не просто увлекательным, а прямо-таки подстрекательным чтением!

Бежать!

Куда? Неважно...

Для чего? Чтобы открывать мир, чтобы избавиться от гнета родителей, школы и вообще... интересно!

Кое-кто, начитавшись, ударялся в бега. Правда, до Амазонки, как помнится, добраться никому не удалось, а в железнодорожной милиции Можайска, Раменского, Серпухова побывали многие.

Впрочем, я никуда не бегал. Может, от избытка благоразумия, может, от трусости, а скорее всего, по лени, все собирался, да так и не собрался. Но

Сетона-Томпсона я принял весьма близко к сердцу. И Рольф заронил в мальчишескую мою голову вовсе не детскую мысль: человек должен уметь выживать.

Мог ли я предполагать, что судьба кинет меня в непроходимые северные болота, и придется день за днем ползти гиблыми топями, пробиваться к жизни, и не будет у меня даже крошки хлеба?..

Помню, соображениями насчет выживания я поделился с Сашкой Бесюгиным. И тот со свойственной ему моторностью моментально предложил:

— Давай тренироваться! Хочешь, рванем, под Волоколамском, знаешь, какие дебри — закачаешься!.. А можно хоть завтра прямо тут начать.

— Как? — спросил я. Домашний вариант показался мне более желательным, хоть я и предпочел не уточнять почему.

Сашка наморщил лоб, пошевелил пальцами, он соображал, и выкрикнул:

— Пожалуйста! Начинаем трехдневную голодовку, а? Ни крошки в рот, пьем только воду: утром стакан, днем стакан, вечером стакан... Думаешь — легко?

— Не знаю, — сказал я, — не пробовал. А родители? Не дадут, заведутся: заболеешь, помрешь, вредно...

— А камуфляж?

— Это что?

— Маскировка!

В первый день я встал как обычно. Без сожаления смахнул завтрак в помойное ведро, прикрыл газеткой. Вылил молоко в раковину. И, гордый сознанием: вот отважился, не дрогнул, — помчался в школу. Входя в класс, заговорщически переглянулся с Бесюгиным и понял: Саня тоже явился натощак и переживает примерно те же чувства, что и я...

Уроки прокручивались обычно — ни шатко, ни валко, но после большой перемены в голове появилась непривычная легкость, а под ложечкой — противное сосание. Мне случалось и прежде испытывать голод, но раньше я знал: надо дойти до дому, схватить кусок булки, хлебнуть из носика заварочного чайника глоток горьковатого, вяжущего рот настоя, и голод как рукой снимет.

А тут...

Я начал подсчитывать, сколько прошло часов со времени последнего приема пищи и сколько еще осталось ожидать. Трое суток — семьдесят два часа. Если перевести на уроки, — девяносто шесть с хвостиком... Кошмар!

Подошла Наташка, протянула конфету:

— Хочешь? «Каракум»...

— А иди ты со своим «Каракумом», — рявкнул я, решив, что Наташка нарочно меня заводит, хотя откуда бы ей знать о нашем с Бесюгиным уговоре. У Наташки по-кошачьи сощурились глаза, она противно поиграла бровями и молча попятилась.

Из школы я возвращался в гордом одиночестве.

Живот неистовствовал — эстрадный оркестр выступал! Звучало форто! И все мысли постыдно вертелись вокруг хлеба. Именно хлеба. Мне виделся обыкновенный ржаной кирпичик с черной блестящей, чуть пригоревшей корочкой... А когда от булочной повеяло теплой волной свежевыпеченной сдобы, я едва не захлебнулся слюной. Заданные на дом уроки противоестественно пахли супом и никак не оседали в памяти. Я тупо перечитывал страничку за страничкой, а сам прикидывал: так сколько еще осталось голодать?.. Выходило, много!

Пришла с работы мама, как всегда, спросила:

— Обед понравился? — Мне оставляли обед за окном.

— Прекрасный! — сказал я. — Особенно первое.

Вероятно, в моем голосе прозвучали какие-то неестественные нотки, потому что мама подозрительно прищурилась, но ничего не сказала.

Перед ужином я выкатился из дому. Чтобы... ну, сами понимаете, каково нюхать кухонный аромат, если у тебя целых, целых... двадцать часов маковой росинки во рту не было?

Двадцать! Много!

А как же еще пятьдесят два часа, что остались, протерпеть?

Во дворе мне пришло в голову отломить и погрызть веточку акации. Сперва голодные пиявки в животе отпустили. Потом я стал плеваться: слюна шла, будто из открытого крана. И медленно-медленно начала оседать во рту горечь.

Горькие десны. Горький язык. Горькое нёбо. Горькие губы...

Это было нестерпимо!

Перед тем как ложиться спать, я позвонил по телефону Бесюгину. Мне показалось, он ждал звонка, потому что трубка была снята сразу, и я узнал его дурацкое:

— На проводе!

— Сань, а ты голубцы любишь? — спросил я, прикрывая телефонную трубку ладошкой и испытывая незнакомую прежде чисто садистскую радость. — С рисом, Сань, или с мясом любишь?

— А, это ты! Терпеть не могу голубцов. Другое дело, если яичница из трех яиц. Чтобы скворчала на сковородке. И сало тоже... шкварочкой-шкварочкой запекалось...

Второй день прошел, как в гриппозном нестойком сне.

Симон Львович вкатил мне двойку в дневник и раздраженно спросил:

— Интересно, о чем ты думаешь, если не отличаешь дательный падеж от винительного и пропускаешь каждую третью букву?

— Я думаю, — чистосердечно признался я, — о крымских чебуреках! Дешево — вкусно... И так изумительно пахнут...

Весь класс, кроме Сашки Бесюгина, зашелся смехом: ну, дает Абаза!

А Симон Львович, видно, что-то почуял.

— Верю, верю, — сказал он примирительно, — со мной тоже бывает... захочется вдруг блинов, и все из головы вон...

Вечером мама спросила:

— Ты не болен? Щеки какие-то осунувшиеся, и глаза мне не нравятся, смерь температуру.

Но градусник показал тридцать шесть и пять. И язык был розовый и слюнявый...

Я лежал в постели, не спал и старался представить другую жизнь, ту, что предстояла, ради которой я сейчас терзался...

Воображал: вот громадный-громадный лес... кругом на много километров ни души... И тут же в голову приходило: но в каждом лесу можно найти что-нибудь съедобное — гриб, ягоду, орех... На самый худой конец жуй листья, траву...

Усилием воли я перемещал себя на берег реки.

Но стоило представить воду, много-много живой подвижной воды, как сквозь хрустальную речную прозрачность проглядывались рыбы, на желтом дне существовали ракушки, начиненные съедобны-

ми моллюсками, а из-под лохматого зеленого камня призывно шевелил усами рак.

Часы за стеной пробили два раза. Я снова начал считать, сколько прошло и сколько еще осталось. Осталось, верно, меньше, чем прошло. Но это меньше было так неимоверно велико.

А какой смысл истязать себя? Ну-у, выдержу, допустим, и тогда? Сашка скажет: ты — сила, а я отвечу — и ты! Дальше! Ребятам даже не рассказать. А расскажешь — не поверят. Родители, если узнают, ругать будут. Выходит, из принципа. Глупо.

Часы пробили три раза.

Казалось, я весь высох внутри. И начал сжиматься. В голове стояло комариное пение — тоненькое, звенящее, надоедливое.

— Ну, а если... немножко... не нажираться — погрызть? Вроде в кармане походной куртки отыскался сухарик или корочка сыра.

Мысль о корочке сыра была особенно явственной. Есть же такие дураки, которым не нравится запах сыра. (Сам видел: нос воротят. Дурачье. От сыра во рту так славно делается, особенно на языке, и покалывает немного, и слюна солонеет...) Кусок сыра виделся мне портретно: желтый, чуть заветренный, с проступившей прозрачной капелькой влаги на лбу, и смотрит, ей-ей, смотрит круглым сквозным отверстием, будто сквозь монокль!

А если встать... и босиком... тихо... До кухни девять шагов. И обратно — девять. Всего — восемнадцать. Кто узнает?

Так начинается всякое падение: с надежды — никто не узнает!

И я сделал эти постыдные восемнадцать шагов — до кухни и обратно.

Не могу сказать, был ли вкусным кусок сыра, что я проглотил не жуя, словно изголодавшийся пес. Но стоило понять — время не вышло, а ты...— как открылось нечто совершенно непредвиденное: никто ничего не узнает, но я-то знаю, как теперь глядеться в зеркало?

Да, я знаю. И буду знать. Всегда, всегда, всегда... Это не в моих силах — забыть, хотя... А что — хотя?

Слабак ты, Колька... языком только — ля-ля...

Теперь я понимаю: заработал механизм совести, но тогда я откровенно испугался, сомнения показались мне просто-таки ненормальными. (И я подумал: а вдруг у меня с голодухи что-нибудь в башке сдвинулось?..)

И спросить о таком, как часто бывает, ни у кого невозможно...

В школу я шел, будто во сне. Дома виделись зыбкими, я не ощущал крепости в теле.

За квартал до школы встретил Бесюгина. Видок у Сани был тоже не самый... но все-таки получше моего.

Никак того не ожидая, я сказал вместо здрасте:

— Сань, я сошел... Корочку сыра в три ночи кусанул!

— И я! — откровенно обрадовался Бесюгин.— Чернослива две штуки проглотил.

— Когда? — спросил я.

— Перед сном, вчера...

Странное дело, мне стало легче.

Вопреки здравому смыслу, вопреки всем доводам ума — если кто-то оказывается еще большим слабаком, чем ты, какое тут может быть утешение? — а все-таки легче... Куда легче!

Долго помнил я тот ночной кусочек сыра и мой первый опыт на выживание. Признавал: неудачный получился опыт. Я потерпел поражение.

Но!

Даже в самых проигрышных ситуациях человеку свойственно искать что-то положительное: если не оправдание, то объяснение, если не извинение, то хоть полезную крупинку, хоть намек...

Я — не исключение.

Искал, искал и со временем пришел к выводу, в этой, безусловно, стыдной для меня истории есть все-таки и светлая грань — может быть, именно тогда я впервые встретился с собственной совестью.

* * *

После благополучного завершения десятилетки и перед авиацией, если не считать за серьезную авиацию аэроклубовский год, у меня был «зазор». И я решил поехать на север. Сказано — сделано: завербовался, отправился.

Почему? Зачем?

Очень приблизительно это выглядело так: в институт не прошел — трояк по химии, трояк по алгебре — плюс неудавшаяся любовь...

Глупый, конечно, был, думал: от неприятностей можно убежать, от любви — спастись. Не знал еще:

Каюр показал мне:
каждый может думать на свой лад.

от себя никто оторваться не может, тут никакой Северный полюс не помогает.

Заполярье, в котором я очутился, оказалось отнюдь не похожим на тот Север, что я знал по Джеку Лондону.

Верно, мой север был тоже с мозолями, но даже без намека на романтику. Прославленное, тысячу раз воспетое северное сияние я едва замечал: конская, ломовая усталость все время сбивала с ног. Не до красот было.

Субъективно рисую? Конечно, субъективно. Я ведь то собственными глазами видел, о чем рассказываю. И почему — коль субъективно, значит, худо? Жизнь не сделается лучше, если все станут повторять только общепризнанные, «объективные» истины.

Пожалуй, именно на севере начал я задаваться неудобными, трудными вопросами: если все думают так, а я — этак, обязательно ли ошибаюсь я? И представлял выражение лица Марии Афанасьевны, моей недавней учительницы, не сомневался: она бы глубоко возмутилась такой постановкой вопроса. И придумывал свои возражения ей, Марии Афанасьевне.

— А как же Галилей, Ньютон, Лобачевский или Энштейн?

И как бы слышал: «Но то гении!..»

— Ну и что с того,— не думал сдаваться я: — «Ты — не гений!»? Во-первых, кто это может доказать, а во-вторых, на кого прикажете равняться?..

Здесь, за Полярным кругом, свела меня судьба с каюром, собачьим погонщиком. Темный то был, лохматый человек, но со своими понятиями о жизни. По неписаному праву старшего каюр учил меня: вожак упряжки должен злым быть, чтобы другие собаки боялись и ненавидели его. Тогда что получается? Собаки на вожака спокойно не смотрят... И он это понимает...

Ставишь вожака в голову, что тому делать? Убегать! Он — с места, упряжка за ним: догнать, разорвать! Убежит вожак — жив. Не убежит — шерсти не найти. И если не убежал... не зевай, каюр! Замечай, какая собака первой на вожака кинулась, злее других рвала... ее вожаком и ставь. Понял?

Каюр смотрел на меня диковато и безмятежно. Он верил в свою мудрость.

Кажется, в тот год, еще ничего не зная об авиационной тактике, я уже стал думать о роли ведущего и ведомого в нашей жизни.

Нет, каюр ни в чем не убедил меня. Но я и не возражал. Молод был. А теперь мысленно благодарю его за науку: всякий опыт — достояние, и отрицательный тоже.

К тому же каюр показал мне: каждый может думать на свой лад. И это было особенно важным для меня тогда, сразу после школы, где за нас больше думали учителя...

А север — что ж... верно, школа.

Только больно дорогая, и не подсчитать, чего в северной выучке больше: прибыли или убытка?

Моя детская любовь — Амундсен.

Давно это было — раньше «Челюскина», раньше знаменитых перелетов Чкалова, раньше слов: «Мы должны летать дальше всех, быстрее всех, выше всех»,— в сознании отпечатался образ одинокого человека, молча бредущего сквозь льды. Суровый, настороженный, взведенный, словно капкан, идет он в белом безмолвии, сделавший себя, вопреки советам доброжелателей, вопреки общепринятому «хорошо», вопреки природному запасу прочности...

Он идет от цели к цели. И полюса падают к его ногам. С жадностью читал я об Амундсене все, что удавалось раздобыть, без устали рисовал его портреты — хищный профиль, глубокие морщины, белые, будто снежные, волосы и глаза — страшно заглянуть! Строгие глаза — казалось мне, мальчику. Не знающие компромисса — наивно полагал я подростком. Какие усталые, какие одинокие глаза, горевал я юношей, вынужденный добавлять: были у Амундсена.

Гибель его я пережил трудно. Мне казалось тогда — скажи кто-то всесильный: умри, Колька, и Амундсен найдется и проживет еще долго и счастливо,— и Абаза с радостью пойдет на смерть.

Всей жизнью, самой гибелью этот сказочный человек вложил в мою неокрепшую голову мысль: без риска нет смысла в существовании. Не рискуя, человек просто не может соответствовать своему назначению.

Мне казалось: о нем я знаю все!

И вдруг открытие: среди множества званий, которыми обладал Раул Амундсен, было и звание пилота!

Не просто летчика, ему принадлежало национальное пилотское свидетельство Норвегии №1!

Лучшее, что совершает человек, совершается им во имя любви, под знаком любви...

Прошу прощения за известную преувеличенность и торжественность последних слов. Просто я позволил себе процитировать собственные, неперебродившие, молодые мысли.

Пожалуй, сегодня я бы одел эти мысли в другие, более строгие наряды.

* * *

Симон Львович заикался. Как ни странно, это не мешало ему быть учителем. Словесником, что называется, по призванию. Но мы, мальчишки, дружно не любили Симку. Даже не за строгость — учитель должен требовать,— а за въедливость, за иронически взлетавшие неестественно черные брови, за агрессивность: он не просто учил нас, он постоянно воевал с нашей необразованностью, с нашей ограниченностью, с нашей ленивой серостью. Симону Львовичу ничего не стоило, например, усевшись на кончик парты и качая ногой, закинутой на другую ногу, спросить:

— А, ска-а-ажите, почтеннейший и прилежнейший дру-у-уг А-а-баа-за, ка-а-акого роста был Чехов? — Или: — Бе-е-е-есюгин, не-е вертись, ответь: Ту-у-ургенев часто встречался с Пу-у-ушкиным?

И откуда мне было знать, что рост Чехова — сто восемьдесят шесть сантиметров? Как мог ответить Сашка, что молодой Тургенев лишь однажды на балу встретил Пушкина и до смерти не мог забыть его затравленных с желтоватыми белками глаз?

Мы возмущались непомерностью требований Симона Львовича. И между собой, тихонько, и во всеуслышание, при нем.

Но он только пренебрежительно фыркал и говорил:

— Чи-и-итать надо больше! Чи-и-итать! — И цитировал, понятно, на память, великого Пирогова: быть, а не казаться, вот девиз, который должен носить в своем сердце каждый гражданин, любящий свою Родину.

Симон Львович не только позволял нам спорить на уроках, но даже поощрял не совпадавшие с его

точкой зрения выступления, лишь бы ты пытался доказывать свое...

Однажды я заявил:

— Анна Каренина — всего лишь склочная барыня, с жиру бесилась... сама не знала, чего ей не жилось, как всем... потому и кинулась под колеса. Мне лично эту барыньку нисколько не жалко.

Симка слушал, дрыгал ногой, шевелил бровями, но не возражал. А я выдал новую трель:

— И вообще мне этот бородатый граф в высшей степени отвратителен...

— Это факт из ва-а-ашей биогра-а-афии, отражающий отнюдь не то-о-олстовский у-уровень развития.— Симон Львович сделал смешное лицо и, оглаживая свой тощий зад, спросил: — Сле-е-еды от ве-е-еток е-ще держатся?

Понятно, весь класс покатился со смеху.

У меня была полоса увлечения Блоком. Я готов был читать его стихи с поводом и так. Ребята уже потешались, а я все не унимался:

Она стройна и высока,
Всегда надменна и сурова.
Я каждый день издалека
Следил за ней, на все готовый.

— А кто вам сказал, что-о-о Бло-о-ока надо пе-е-еть? — перебил меня учитель и стал на свой лад рассказывать мое любимое стихотворение:

Я зна-а-ал часы, ко-о-огда сойдет
О-о-на — и с нею отблеск ша-а-аткий.
И, ка-а-ак зло-о-одей, за-а поворот
Бе-е-ежал за-а ней, играя в прятки.

— Это странно, что вы, Симон Львович, беретесь давать уроки дикции,— сказал я с ожесточением, которого прежде не замечал за собой.— Не ва-а-аше это амплу-у-уа, я думаю.

Класс замер.

Наташка едва выдохнула, но я и все услышали:

— Подлец, Колька.

— Го-о-орбатого по горбу? Без пользы, Абаза,— сказал Симон Львович.— Горб останется, а вам потом стыдно станет. Человека судить надо строго, но по делам его, а не по впечатлению, которое он производит. Учитель обязан хорошо учить, толково, настойчиво вводить в учеников знания, а хромает педагог или нет, модно одевается или так себе — значения не имеет.

Несколько дней я ходил как побитый и в конце концов поплелся извиняться.

Только лучше бы не ходил!

— И-и-извиняешься, а са-а-ам собой любуешься!.. Вот, мол, ка-а-акой я благородный, че-е-естный, порядочный... А что мне извинения? Ну-у, за-а-аика я. От этого не умирают... Иди, Абаза, живи дальше.

И я жил в ожидании... возмездия.

Но никаких особых неприятностей от Симона Львовича не последовало. Подковыривал он меня, как раньше, как и других, случалось, ставил пары; но в итоге, пройдя у него полный курс русского языка и родной литературы, я был аттестован четверкой.

Считается: человек до гроба должен помнить своих учителей и испытывать к ним чувство живейшей благодарности. Требование, наверное, справедливое: родители дают нам жизнь, учителя — первоначальное ускорение.

Верно. Но иногда меня берет сомнение: а не может ли быть, хотя бы чисто теоретически, чтобы вполне приличному, заслуживающему уважения человеку не повезло в детстве? На учителей не

Симон Львович не только позволял нам спорить на уроках, но даже поощрял не совпадавшие с его точкой зрения выступления, лишь бы ты пытался доказывать свое...

повезло? Мне, лицу крайне заинтересованному, очень хотелось бы верить в реальность такого варианта. Увы, кроме Симона Львовича, я почти не помню людей, которым по общепринятым нормам обязан быть благодарным по гроб жизни.

Под конец учебного года, классе, очевидно, в шестом, Симон Львович привел к нам неожиданного гостя. Мы были предупреждены: гость — ученый. Профессор. Его наука — психология.

Симон Львович предварительно объяснил: психология занимается душевными явлениями. Мы ничего не поняли, и от этого нам стало еще интереснее. Гость оказался немолодым, в наших глазах — громадного роста. Он был худой, вроде слегка подвяленный на солнце, лицо темное, кожа в мелких морщинках, над ушами висели белые волосы... Внешность профессора внушала уважение и чуть-чуть опасение: а вдруг выкинет какой-нибудь фортель на манер Хоттабыча? Но ничего сверхъестественного не произошло, если не считать сверхъестественной немедленно установившуюся тишину. Даже Бесюгин не вертелся.

Гость заговорил, а мы как открыли, так и не

закрывали ртов до самого конца. Профессор рассказывал о приемах самовоспитания, о громадных возможностях, заложенных в человеке и используемых большей частью не полностью. Он говорил о бесконечном резерве душевных сил и о том, что могут совершить эти силы, если правильно управлять ими. А потом предложил:

— Сейчас, мои молодые друзья, если с вашей стороны не последует возражения, я опишу на доске ситуацию и дам четыре варианта решения — номер один, номер два и так далее. Прошу ознакомиться с ситуацией и выбрать один из вариантов решения, тот, что вам покажется наилучшим. Номер варианта, пожалуйста, запишите на листочке... Собственно, это и все. Ни фамилии, никаких прочих сведений указывать не надо. Ваши ответы помогут мне в исследовании коллективных связей, которым я сейчас занят.

Мы были окончательно сражены! Нам предлагалось послужить науке. Шутка ли?!

Тем временем профессор написал на доске четким полупечатным почерком:

> *Готовится 50-летие Н. Вы об этом человеке не слишком высокого мнения. Но именно вас коллектив призывает его приветствовать и вручить скромный общий подарок.*
> *Возможные варианты решения.*
> *№ 1*
> *Отказываетесь, объясняя товарищам, что мешает вам исполнить поручение коллектива.*
> *№ 2*
> *Принимаете предложение, рассчитывая выразить ваше истинное отношение к юбиляру, подчеркнув при этом: поручение коллектива я, конечно, исполняю, но от себя имею честь заявить...*
> *№ 3*
> *Произносите такую речь, где все звучит вполне благопристойно, но надо быть дураком, чтобы не понять вашего истинного отношения к юбиляру.*
> *№ 4*
> *Говорите несколько общих слов, какие говорят на всех юбилеях и поминках,— ни врагу, ни другу не придраться.*

Не знаю, как восприняли эту встречу другие, я — как большой и важный урок жизни.

И вот что навсегда осело в сознании: полная уважительность к сопливым, по сути, мальчишкам и девчонкам со стороны взрослого, ученого, пожилого человека, во-первых; и, во-вторых, сама задача, которую мы решали: в ее условии не фигурировали дурацкие бассейны, из которых почему-то выливается и в которые одновременно наливается жидкость. Задача была серьезная, я почувствовал это, жизненная. И лекция тоже понравилась: все, что говорил гость, имело практическое, теперь я бы сказал, прикладное значение, для меня лично.

Что касается выбора варианта, то я, секунды не колеблясь, остановился на № 2. И надо было прожить много лет, набить жутко сколько шишек, чтобы понять: не всегда прямая дорога оказывается самой близкой и самой верной.

К счастью или к сожалению, жизнь куда сложнее элементарной геометрии, и мы — люди — не безликие точки в пространстве.

* * *

Летал я, летал, если считать с аэроклубом, больше трех лет набиралось, и ничего такого со мной... не происходило.

А другим везло: у Загрица лопнул в полете амортизатор, и лыжа встала торчком. Он садился с парашютирования, поставив опущенную лыжку на место шикарным тычком о землю.

Благодарность. Именные часы. Фотография в «Красной звезде».

А у Лехи Михалева двигатель загорелся! И он, сделав все, что полагалось, но так и не потушив машину, выпрыгнул с парашютом... И тоже благодарность, портрет в стенгазете.

А я летал, летал, и... ничего.

Конечно, самому искать происшествий мне в голову не приходило, но кое-какое раздвоение чувств получалось: хорошо бы все-таки в «чепе» вляпаться, чтобы себя проверить, чтобы убедиться — справляюсь! И людям показать: Абаза может!

Такие мысли имелись, факт!

И скорее всего возникли в моей дурной голове не без влияния бездумной авиационной литературы тридцатых годов, охотно рисовавшей летное дело, исходя из принципа: чем страшнее, тем интересней.

Как бы там ни было, но когда на высоте в две тысячи метров, после пилотажа в зоне, мой самолет как-то неправильно, непривычно закренило вправо и я внезапно обнаружил, что крышка пулеметного отсека открылась и стоит торчком, я прежде всего обрадовался: наконец-то! И начал соображать, что и как делать дальше. Почему открылась крышка, выяснять не было времени.

Первое, что я понял (и понял правильно): закрыть крышку в полете не представляется возможным.

«Значит, хорошо бы,— сообразил я,— чтобы не возмущала воздушный поток, от нее избавиться. Увеличить скорость?.. Попробовать сорвать крышку? А в хвостовое оперение не вмажет?..» Решил: нет, за хвостовое оперение крышка не зацепит.

Я увеличил скорость. Машину закренило больше, крышку завернуло назад и... прижало потоком воздуха к верхней поверхности крыла. «Ну, что ж, лучше так, по крайней мере не будет дергаться». Я уменьшил скорость, крышка осталась прижатой, машину почти не кренило.

А дальше?

Радиостанции на самолете не было. Никто ничего передать, подсказать не мог. Продемонстрировать командному пункту открытый пулеметный отсек я тоже не имел возможности: злосчастная крышка располагалась поверх крыла, и, как низко ни пролетай над стартом, с земли ее все равно не увидят...

«Когда я выпущу шасси и колеса выйдут из куполов,— размышлял я,— в крыле образуется порядочная сквозная брешь. Воздух получит возможность свободно просасываться из-под крыла вверх, как это повлияет на характер обтекания? Сохранится ли устойчивость? Будет ли машина держаться в воздухе?»

В теоретическом курсе мы изучали самые невероятные аварийные ситуации, но такой: шасси выпущено, крышка пулеметного отсека открыта, как поведет себя самолет? Ваши действия? — такой вводной не было.

И никто не виноват: всего предусмотреть невозможно.

Для начала я решил не терять высоты. Установив скорость планирования, выпустил шасси. Машина летела... «Хорошо,— сказал я себе,— теперь убери обороты».

Опустив предварительно нос, как на обычном

Шалевич терпеливо, не перебивая, слушал мой лепет.

планировании перед землей, я убрал обороты. Ничего страшного не произошло.

Тогда я снова проверил высоту: у меня было 1600 метров. И решил: надо проимитировать выравнивание на посадке, чтобы потом, у земли, не попасть врасплох.

Конечно, я понимал: терять скорость, особенно на моем самолете, прославленном капризным характером и строгостью, затея рискованная, но делать это на высоте все же безопаснее, чем у земли.

Затянув обороты до минимальных, я стал осторожно подбирать ручку управления на себя. Тянул, пока машина не закачалась с крыла на крыло, пока не задрожала, предупреждая: сейчас сорвусь в штопор. Тогда я отдал ручку, увеличил скорость и пошел на посадку.

Нет, я, конечно, не был совершенно спокоен: мне шел всего двадцать первый год и такое со мной творилось впервые... Но я знал: все сделал правильно...

Сел без замечаний. Внутренне возликовал: смог! Не растерялся! Действовал обдуманно, логично! Молодец я.

Подошел командир эскадрильи.

Долго молча глядел на завернутый встречным потоком воздуха дюраль, потом тихо спросил:

— А почему запорная шпилька не была поставлена?

Я растерялся. У меня зачесались глаза. Действительно, будь шпилька на месте, крышка в жизни бы не открылась...

Но разве я готовил машину к вылету? Этим занимались техник, механики, оружейник, моторист — целая служба. И я жалобно заблеял что-то об ответственности каждого за свои действия, о служебном долге и уставной обязанности...

По своему обыкновению Шалевич терпеливо, не перебивая, слушал мой лепет, а потом, когда я исчерпался и умолк, сказал:

— Но убиваться-то в случае чего кому — тебе или им? Пойми и запомни, Абаза: в авиации за все, всегда и непременно отвечает летчик.— И, видно, сжалившись, сделав скидку на мою молодость, сказал: — В воздухе ты действовал правильно. Нормально действовал.

К тому времени я уже усвоил: «нормально» — в таблице ценностей Шалевича — оценка весьма высокого ранга. Не так уж часто Шалевич говорил: «Нормальный пилотажник» или «Нормальный методист».

Вроде бы мне следовало радоваться? Но никакого следа радости после этого разговора не осталось. Что-то сдвинулось, мир предстал в ином свете: подвиги и проступки продолжали существовать во всем их многообразии, только теперь я еще стал думать о цене совершаемого и несовершаемого...

И от этих новых мыслей стало неуютно, тревожно, откровенно паршиво на сердце.

Какая-то задрипанная шпилька, что должна была контрить третьестепенной важности крышку, могла ведь при известном стечении обстоятельств быть оплачена жизнью!

Моей жизнью. Это было неожиданно. И, откровенно говоря, не прибавляло оптимизма.

Как держать себя дальше? Как существовать достойно? Как заслуженно выжить в этом — таком — мире?

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Владимир СТЕПАНОВ

Я рисую на снегу

Выпал снег.
Он бел и чист,
Как тетради школьной лист.

Я на улицу бегу.
Я рисую на снегу.

Прутик гибкий,
Прутик тонкий —
Что он делает со мной —
Имя школьницы-девчонки
Пишет прутик озорной.

Пишет крупно и с наклоном
Букву «И»
перед балконом.

Прутик, милый, не спеши,
Не пиши ты, не пиши
Букву «Р» и букву «А» —
Смотрит ИРА из окна.

Но, не слушая меня,
Продолжает прутик: «Я...»
Ставит палочку к нулю...
Неужели
Это
«ЛЮ...»?
Смотрит Ира
сверху вниз.
Прутик в воздухе повис.
Замер без движения
В центре предложения.

Вдруг метели
Налетели.
Закружили.
Завертели.
Тонкий прутик унесли.
Буквы снегом занесли.

Снова двор
И бел и чист,
Как тетради школьной лист...

МАЛАЯ ПИОНЕРСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

ПИОНЕРСКИЙ АКТИВ

Давайте вместе с вами полистаем страницы летописи Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина.

Год 1923-й. Пионеры Горецкого отряда Могилевской области устроили в своем поселке платный спектакль. На вырученные деньги купили тетради, карандаши. Затем пионеры открыли пионерскую школу ликбеза — к каждому неграмотному мальчику, неграмотной девочке прикрепили ребят-«грамотеев». В своем письме в губком комсомола пионеры писали: «15 наших ребят без единой ошибки сами написали письмо Ильичу».

Год 1927-й. Пионеры Симферополя начали поход за радиофикацию школ и подшефных деревень. За короткий срок ребята установили 16 радиоточек, из них шесть — в деревнях.

Год 1933-й. На Московском аэродроме состоялась торжественная передача Советскому Воздушному Флоту второго самолета «Пионерская правда», построенного на средства пионеров и школьников страны.

Год 1942-й. Пионеры Новосибирска провели в марте сбор средств на постройку танка «Таня» — в память Героя Советского Союза Зои Космодемьянской.

Год 1946-й. По почину отряда имени Миклухо-Маклая 346-й школы Москвы начался Всесоюзный поход пионеров и школьников по изучению родного края, его истории и природных богатств.

Год 1952-й. Комсомольцы и пионеры Яснополянской школы Тульской области вместе с учителями построили первый школьный планетарий в стране.

Год 1960-й. Пионеры 4-й ставропольской школы взяли шефство над чабанами, пасущими отары овец на Черных землях. Начинание пионеров этой школы поддержали другие пионерские дружины города. Для чабанов было собрано более трех тысяч книг.

Год 1963-й. У «Комсомольского прожектора» появился братишка — «Пионерский фонарик». Зажгли его пионеры 14-й школы-интерната Киева. Почин пионеров Киева был подхвачен пионерами всей страны.

Год 1974-й. Ленинградские пионеры завершили операцию «Океан» по сбору металла на строительство сухогруза «Ленинские искры».

Год 1979-й. Несколько лет боролись тимуровские отряды города Ильичевска Одесской области за присвоение городскому Дому пионеров имени А. Гайдара. Они создали музей писателя, завязали переписку с экипажем теплохода «А. Гайдар», с тимуровцами Канева, Арзамаса, Льгова.

За хорошую работу Дворцу пионеров было присвоено имя писателя, а затем горсовет назвал и улицу, где стоит дворец, именем Гайдара. Городской штаб Тимура провел операцию «Ромашки Гайдару». Сейчас улица имени писателя в любимых его цветах.

О чем говорят эти факты из Летописи пионерской организации? Они говорят о том, что в разное время, в разных отрядах страны жили и работали неугомонные ребята, которые проявляли во всем свою инициативу и самодеятельность, зажигали других своим энтузиазмом, показывали пример в пионерской работе.

Тебе не раз приходилось слышать такие слова — «актив» и «пассив». Пионерский активист — это человек, который во всем проявляет инициативу и самодеятельность, ищет новое в работе, душой болеет за дела в отряде и дружине, предлагает новые начинания, стремится поднять, расшевелить всех ребят и довести начатое дело до конца. Другое дело «пассив» — это ребята, которые не проявляют инициативы, равнодушны к жизни своей организации, стремятся быть в стороне от пионерских дел, живут по принципу «моя хата с краю».

Запевала всего интересного в пионерском коллективе — выборный пионерский актив — председатель и члены совета отряда и совета дружины. Но по плечу ли только им понастоящему организовать работу в отряде и дружине? Конечно, нет. Поэтому советы отрядов и дружин стремятся расширить актив, привлекать пионеров к выполнению временных и постоянных поручений.

У дружины есть своя зона пионерского действия, и совет дружины решает создать штаб зоны пионерского действия. Начальник штаба — член совета дружины, а члены штаба — представители отрядных зон. Так у совета дружины появляется хороший помощник.

В дружине действует несколько тимуровских отрядов и команд. Совет дружины назначает штаб Тимура, куда входят командиры тимуровских команд, которые избирают своего вожака. И у совета дружины появляются новые помощники. Так же создаются: совет ленинской комнаты или музея боевой, трудовой, революционной славы нашего народа, штаб «Зарницы», совет капитанов клубов «Кожаный мяч» и «Золотая шайба», совет по работе с октябрятами, совет клуба интернациональной дружбы.

Постепенно вокруг выборного пионерского актива образуется широкий круг пионеров-активистов, которые отвечают за конкретное дело в дружине и отрядах. И чем шире пионерский актив, тем интереснее работа, меньше остается ребят в «пассиве». Но все советы, штабы, комиссии работают под руководством совета дружины, отчитываются перед ним за проведенную работу. Помни: пионер-активист всегда впереди, он дорожит честью своего пионерского коллектива, который доверяет ему.

И если вы будете всегда проявлять инициативу и почин, то и ваши пионерские дела войдут в летопись пионерской организации.

САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ

Когда ты был мал, ты все делал по подсказке взрослых. А если и совершал «самостоятельные» поступки, например, толкал соседа по парте на уроке или после школы уезжал на трамвае в другой конец города, в то время как бабушка, сбившись с ног, искала тебя по соседним дворам, то объяснить, ПОЧЕМУ ты поступил именно так, не мог.

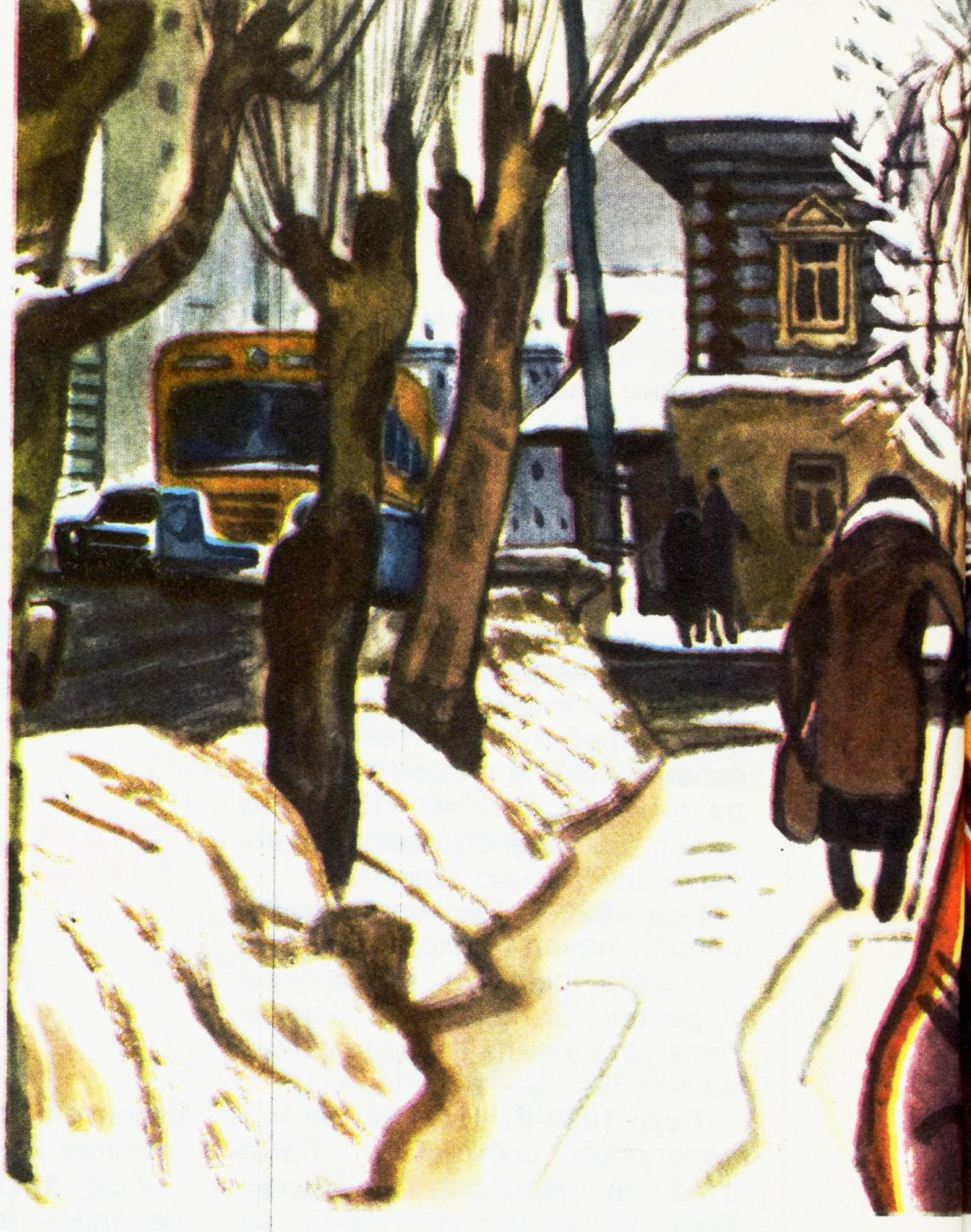
Теперь ты взрослый. Теперь ты обдумываешь свои действия, ПРИНИМАЕШЬ РЕШЕНИЯ. И все чаще перед тобой возникает вопрос: как поступить?

У маленького человека, твоего ровесника, горе. Чем ты можешь ему помочь?

Тебя ребята выбрали командиром. Теперь тебе придется решать не только за себя, но и за весь отряд. Какое ты примешь решение?

Младшие пионеры, вчерашние октябрята, ждут твоей помощи, твоего совета. Чему ты будешь их учить?

О твоих поступках, о твоей позиции и пойдет у нас разговор в новой рубрике «Самостоятельное решение».



МОЙ ПЕРВЫЙ ДРУГ —

С тобой в классе учатся ребята из детдома. Ты чуток и добр, ты понимаешь, что их постигла беда, и рад им помочь. Но как? Подарить любимую игрушку и самую дорогую свою книгу? Можно. Хотя в детском доме есть игрушки, есть и библиотека. Ребята из детдома одеты-обуты, ходят, как и ты, в кино, смотрят телевизор, могут заниматься музыкой или фотографией...

Но нужнее даров и подарков им забота, тепло, которые получаешь ты дома от папы и мамы, бабушки, сестры. Им нужна твоя верная дружба, твое желание поддержать человека.

Эту грустную и необычную историю писательница **Анастасия Витальевна ПЕРФИЛЬЕВА** услышала в одном детском доме. И записала рассказы трех ее участников. Давай подумаем над этой историей вместе.

Рассказала Таня Иванова, ученица школы № 3

У нас в 6 «б» детдомовских ребят семь человек учится. Они больше стайкой держатся. А я с Раей дружу. Она гордая.

После зимних каникул Рая в школу не пришла. Я на переменке ребят спрашиваю: «Где Рая, не болеет?»

Мальчишки из детдома зафыркали: «Тю-тю твоя Рая! У тетечки...» Как же так? Мне никогда ни про какую тетечку не говорила...

После школы я сразу пошла к детдому. Там вывески никакой нет, ее повесят, а ребята сдерут, в котельную спрячут, Рая рассказывала. Не хотят вывески. Чтоб не жалел их никто. Просто дом № 8!

Стою я на крыльце, с духом собираюсь. Воспитательница выглянула седенькая, спрашивает: «Девочка, тебе что?» Я объяснила. Она меня впустила.

У них коридор пошире школьного, весь разноцветными газетами обвешан. По коридору малыши-первоклашки топают. Охапищи простыней тащат. Воспитательница мне: «Банный день у нас, обожди, старшеклассницу тебе пришлю». И ушла с малышами. Рядом за дверью как завоют! На двери написано: «Духовой оркестр». Мамочки мои! А за второй дверью: взы-взы... Тоже надпись: «Вязальная мастерская». Тут кто-то меня спрашивает: «Ты Самыгиной интересуешься?»

Гляжу, а это Марина Гладышева из 9 «а» нашей школы. Марина говорит: «Понимаешь, за Раей тетя приехала. В семью забрала. Насовсем».

«А как же...» Тут я запнулась. Вообще-то моя бабушка велела Раю никогда про родных не спрашивать, сама детдомовская была.

Когда мы в этот район переехали, я в новую школу пошла и подружилась с Раей. Мама один раз говорит: «Пригласила бы свою новую подружку!» Бабушка ей: «Ее так из детдома не пустят. Сходи к директору, растолкуй, кто мы да что. Пусть девочке разрешат ходить к нам в гости».

Директор оказалась очень веселая тетенька, молодая. Маму послушала, разрешила, и Рая стала к нам ходить. Стеснялась сперва, молчала. Потом на день моего рождения пришла, потом на Антошкин, братика моего. Чебурашку самодельного принесла. Здорово сделан! Уши хлопают, глаза из пуговиц. В детдоме, оказывается, есть еще мастерская мягкой игрушки, правда-правда. А для мальчишек столярная, слесарная... А в вязальной девочки шапки вяжут, на спортивные базы сдают, получают деньги для всяких поездок, экскурсий. Про это нам Рая, конечно, не сразу рассказала, понемножку. А про себя ни гугу. Бабушка, когда чай пьем, вздохнет, Рае пирожка лишнего сунет или конфетку. Рая сразу: «А Тане?» (Это мне.) И вот вдруг уехала! С какой-то тетечкой! И нам ничего не сказала! Прав-

Сто раз на день мы решаем, как нам сейчас поступить. Навестить соседа по парте, который заболел, или лишь пожалеть, что его нет на уроке: не у кого фломастеры попросить? Обидеться, что друг уехал, не попрощавшись, или узнать, куда это его родители так неожиданно увезли, и первым написать ему письмо? На просьбу о помощи ответить пустой открыткой, кто с кем теперь дружит в классе, или понять, что от твоих решений иногда зависит судьба другого человека?

Каждый из нас может ошибиться, от мнимой обиды надуться на весь свет. Но в своих отношениях с друзьями мы должны прежде всего думать не о себе: «Я одинок, МЕНЯ никто не понимает», или «Я такой хороший парень, такой умный. Я родился, чтобы украсить этот мир». Надо бы еще понимать, хорошо ли другим людям от общения с нами, не раним ли мы их своим эгоизмом? Что можем мы дать окружающим?

МОЙ ДРУГ БЕСЦЕННЫЙ

да, мы с бабушкой на каникулах в деревню ездили... Все равно обидно, верно? Я подумала, не буду больше о Райке думать, раз такая скрытница. Скучать не буду тоже.

И тут приходит от Раи письмо. «Здравствуй, Таня! Я живу ничего. Только в школу ходить далеко. Скоро мы переедем на новую квартиру, в новый дом. Дадут двухкомнатную квартиру с лоджией. А пока мне раскладушку ставят на ночь. Передавай привет бабушке и Антошке. Я по тебе скучаю. Рая». И все, больше ничего. Я не ответила, куда же отвечать, если все завертелось, закрутилось... Мама с папой в командировку уехали, Антошка захворал.

И вдруг, недели так через три, от Раи второе письмо. «Таня, мне худо. Таня, ты не думай, я про тебя помню. И дом наш помню, и ребят, и всех. Таня, напиши, как живешь, про свою бабушку. Про нашу школу. И про Антошку. Пиши: город Зуево, главная почта, где письма вос-тре-бо-вают. Бабушка объяснит. А то они не велят никому писать. Таня, мне очень худо. Прямо не знаю, как буду жить. Твоя подруга Рая».

От редакции. У человека случилась беда, а знакомый с въедливым любопытством спрашивает: как это происходило, что ты при этом чувствовал? И смотрит на тебя с нескрываемым интересом. Хочется ему отвечать, хочется рассказывать? Нет, не хочется.

Таня пригласила Раю домой. Ни о чем не расспрашивала. Смотрели они вместе Танины книжки, пили чай с бабушкиными пирогами, смеялись над фантазиями маленького Антошки, и постепенно Рае самой захотелось рассказать этим людям о себе, о детском доме.

Рассказала Рая Самыгина

...И что бы я делала, если бы не Таня! Только вы нашего директора не ругайте. Она думала, как мне лучше. Потому что кто в нашем доме живет — от разного горя или просто негде,— все равно хочет в семье жить! Хоть и не говорит никому.

У нас не плохо, нет. Кто в ПТУ уходит, в техникум или в армию, всегда к нам в гости приезжают. Даже с женихами, с невестами приезжают, карточки дарят. И воспитатели за нас душой болеют, в таких домах нельзя без души. И все равно, все равно... Если найдется какой-никакой родственник, захочет к себе взять, каждый согласится.

Буду по порядку рассказывать. Каникулы у нас были зимние. Кто лучше учится, тех в «Артек» проводили, кого в пионерлагерь, кого в санаторий. Я в лагере была. На лыжах бегали, Новый год в лесу с фонариками встречали... Жалко, подружка моя школьная, Таня, не с нами, в деревне была. А потом вдруг вызывают меня к начальнику лагеря. У него женщина сидит. В руке бумаги, целый ворох. «Не узнаешь меня, Раечка? Да где ей узнать, столько лет не виделись! Я тетечка твоя родная... За тобой приехала...» Все Раечка да Раечка, я и раскисла. Как узнала, что тетя меня насовсем к себе хочет взять, что она разрешения добилась, документы отхлопотала, и вовсе я обмякла. Только не могу сказать «тетечка», просто тетя.

Из лагеря до города мы поездом ехали, после на такси. Тетя в детдом меня проводила, сказала: «Завтра в пять часов за тобой буду. Директор ваша все знает». А дом наш пустой, каникулы же! Тихо так, странно. Мальчишки не дерутся, малыши не пищат. Заглянула к ним в спальню, на кроватях куклы, по одной, по две. В комнате, где уроки делаем, постояла. Пол не натоптан, портфели в углу сложены... К Тане бы сходить, да ее нету.

На другой день мне все-все выдали! Пальто новое, форму, платье получше, халат, сапоги с опушкой, ушанку, как у старшеклассниц. Нас всех старались по-разному одевать. Простыни дали...

Тетя приехала, как говорила. Все. Уезжаем! Смутно вдруг сделалось... Пошли в канцелярию. Там и директор наша, и завуч, и воспитательница Валентина Ивановна. Она на меня так смотрела, так смотрела! Говорит: «Счастливо тебе, Раюшка!»

Рассказала Таня Иванова

...Когда я страшное Раино письмо получила, в школу побежала. Влетаю в класс, кричу: «От Раи

Самыгиной письмо! Плохое!» Все загалдели, зашумели... Потом сгрудились письмо читать, чуть в клочки его не изодрали. Детдомовские кричат: «Надо к нашему директору идти!» Кто-то: «Может, Рая с перепугу написала?» Девчонки предлагают: «Вожатой нашей показать! Может, в тот город съездить надо!» Я ору: «И съезжу, сама съезжу!»

Кричали-кричали, как ненормальные. Вожатую позвали. Решили делегацию от класса выбрать, чтоб в детдом идти.

После уроков детдомовские нас прямо к своему директору повели. Она Раино письмо прочитала, нахмурилась. «Спасибо, ребята, что пришли. Я насчет Раи Самыгиной справки наводила, как будто все в порядке было. А тут вижу, надо срочно у нее побывать». Я со стула вскочила: «Давайте съезжу! Рая мне подруга!»

«Одной нельзя. Родители не пустят». «Они в командировке!» «С кем же ты осталась?» «С бабушкой. Только Раин адрес новый надо достать!» «Адрес я сегодня же узнаю». Директор опять нахмурилась. «Вот беда, мне совершенно некого из взрослых послать. Разве... комсорга, Гладышеву?» А я свое твержу: «И я поеду! И я! Что я, маленькая? Пионерка же...» Директор на меня посмотрела. «А бабушка отпустит?» Потом Марину Гладышеву велела найти, со мной к бабушке сходить.

Бабушка сперва заохала, потом подумала и говорит: «А езжай. Раю найдете, проведаете. Дело доброе. Езжай».

Ехали мы с Мариной на поезде часа два. Улицу нашли, дом. Какой-то недостроенный — кругом кирпичи, доски... К дому мужчина по доске идет. Спрашиваем его: «Квартира двадцать два в каком подъезде?» Он остановился. «А вам зачем?» Марина «тетечкину» фамилию называет. «А вам она на что?» Марина вежливо отвечает. Мужчина вроде как испугался, заюлил: «Раи нет дома, я знаю. Сами-то вы откуда?» Марина сказала. Он еще больше юлит: «Да вы напрасно тревожитесь. Да мы сами как-нибудь...» Марина крикнула: «Что с Раей? Говорите!» «Из дома она ушла. Мы уж туда-сюда бегаем... Ищем... Может, у подружек где? Девчушка неразумная!» А сам ходу, ходу — и прочь от нас. Марина ему: «Постойте! Не уходите!» Он за угол, за угол — и все.

Смотрим, из подъезда нас женщина какая-то рукой манит. «Вы насчет девочки, что у них живет? Что-то ее давно не вижу. Я с ними на старой квартире жила, нагляделась, что за люди. Племянницу привезли, прописали, чтобы площадь побольше получить. А о девочке не заботятся».

Марина разволновалась: «Мы так не оставим! В милицию пойдем. Где наша Рая? Что же это?» Женщина оглянулась, шепчет: «Сдается, девочка от них совсем ушла. Дня два назад на лестнице я тетке ее высказала: «Ребенка взяли, лишь бы квартиру больше получить?» Та в ответ: «А вам какое дело? Жалеете ее? Хоть сейчас забирайте, обузу с плеч скинем!» Рая-то все слышала, оказалось, внизу на лестнице стояла. Как бросится вниз. И не вернулась, видно». Марина ту женщину за рукав: «Где у вас милиция? Где?»

В милиции наш рассказ записали, обещали: «Девочку разыщем, в обиду не дадим».

И мы поехали домой, поезд чуть не прозевали...

Рассказала бабушка Тани

...Девочки мои, девочки! Страху я за вас натерпелась. Марина сказала, к шести вас ждать. Седьмой час пошел, а я места себе не нахожу. И будто все время за дверью кто-то скребется. Кошка? Нет. Чуть спустя опять. Антошка зовет: «Посмотри, не собачка соседская?» Отворила дверь — батюшки мои! К стене Рая жмется...

«Заходи, девонька, заходи скорей!» Она мялась-мялась, зашла. Села под вешалкой. Чулки, сапоги мокрые, руки красные, как лапы у гусенка. Антошка вскочил, тапки Танины сует. Чуть не силком ее раздели, переобули, в комнату затащили. «Антон, чайник неси, кашу грей!» «Раечка, доченька, откуда ты, не томи!» Она: «Таня где?» «Так к тебе же поехала, письмо твое получили!»

Рая вдруг голову на стол уронила, зарыдала. Без слез. Знаете, как в горе без слез плачут. Помаленьку, помаленьку вытянула я из девочки правду. Как ее поначалу у тетки холили, хвастались ею всюду. А переехали на новую квартиру, хуже с ней обходиться стали, куском хлеба попрекали. Терпела Рая, терпела и ушла. Двое суток по городу скиталась, на вокзале ночевала, до нашего города добралась.

Спрашиваю: «Что же ты, дурочка, в детдом не бросилась?» Отвернулась: «Если вам мешаю, уйду». «Да не мешаешь ты нам!» И тут Рая призналась: стыдно ей было. К тетке из детдома с радостью согласилась ехать, а вон как все обернулось.

Тут и Таня подоспела. Кинулись они друг к дружке! Слезы у Раи ручьем. Отошло, значит, сердце, обмякло...

Уложила я девочек спать. Свет потушила. И стала им рассказывать, как сама в детдоме жила после гражданской войны. Как свозили нас, голодных, грязных, одетых как пугала. Кашей перловой кормили, морковным чаем поили. Как шили нам балахоны, знаете из чего? На чердаке столы валялись — дом бывшего графа был,— те столы на топку пошли, а сукно зеленое с них нам на одежду сдирали. Учились все вместе в зале, где печка-«буржуйка» грела. В одном углу младшие, в другом — старшие, в третьем — кто вовсе не грамотный. Тех, кто постарше, обувь шить учили из материала толстого, ворсистого, по названию «бобрик»... «У нас в детдоме собака Бобрик»,— тихо сказала с дивана Рая. И замолчала. Уснули девочки.

А наутро Рая сама попросила: «Бабушка, пойдемте со мной к нам... В детдом, ладно?» Таню мы в школу проводили и пошли. Стала Раюшка снова у них жить. И учиться. И в гости к нам ходить.

От редакции. Хорошо, когда все кончается хорошо. Благополучно кончилась и эта история. Но прослушали мы ее не только затем, чтобы узнать, сумела Таня помочь Рае или нет. Мы прослушали ее, чтобы задуматься теперь и о себе, о своих решениях и поступках.

Не случается ли, что наша благополучная, счастливая жизнь не дает нам увидеть горе другого человека?

Мы обижены на судьбу, что не подарила нам настоящего друга, а друга-то у нас нет, потому что не умеем мы дружить.

Иногда, если нам плохо, мы замыкаемся в себе, гордо отвергая помощь друзей, и живем в мрачном, тягостном ожидании, когда же кончатся наши беды. А разве друзья не имеют права на нашу откровенность?

Какие мы?

Верны ли в дружбе?

Чутки ли к людям?

Как много правильных решений успели мы принять?

М. ВЕЙЦМАН

Шестой урок

Шестой урок.
Доска бела от мела.
Рука устала,
затекла спина.
Мы друг на друга смотрим
очумело,
а все-таки
задача
решена!
Додумались,
добились,
раскололи!
Намаялись,
однако же смогли!
Забыли о кино и о футболе,
звонку не рады —
до чего дошли!

Мы красим парты

Мы красим парты.
С непривычки
уже слегка болит спина.
Уничтожаем чьи-то клички,
инициалы, имена.
Долой чернильные пейзажи!
Цветки и чертики — долой!
И вычисления.
И даже
сердца, пронзенные стрелой!
...Ты в краску вязкую вначале
опустишь кисточку на треть —
и нет любви, и нет печали.
Как быстро можно все стереть!..

Гимнастка

Девчонка качнулась и вышла в упор,
прогнулась и сделала «стойку».
Я думал, что правильно жил до сих пор,
а жил я на слабую тройку.
Гимнастка спокойно с помоста сошла
и зрителям скромно кивнула,
как будто успехи мои отняла,
пятерки мои зачеркнула.
Медаль полыхнула, как вспышка огня,
толпа добродушно гудела.
И было мне грустно, что нет у меня
красивого, трудного дела...

Ведет журналист-международник П. ГРИГОРЬЕВ

Международный пресс-центр «Пионера»

СЕГОДНЯ В ВЫПУСКЕ:

- **«Хочу спросить...» — новая рубрика пресс-центра.**
- **Растет счет преступлений сальвадорской хунты.**
- **Что дали эскимосам белые пришельцы?**
- **Встреча через четырнадцать лет.**
- **Игра, покорившая мир.**

Ребята! В международный пресс-центр «Пионера» приходят письма, в которых вы просите объяснить название того или иного политического термина, рассказать о волнующих вас политических событиях... Сегодня мы открываем новую рубрику. Ведет ее журналист-международник Владимир Михайлов. А называется она «ХОЧУ СПРОСИТЬ...».

Дорогая редакция!
Расскажите, пожалуйста, о национально-освободительном движении на Юге Африки. Почему многомиллионное коренное население ЮАР никак не может свергнуть власть кучки белых расистов?

Андрей РЕГЕНТОВ,
г. Электросталь
Московской области.

«АМАНДЛА!» — БОЕВОЙ КЛИЧ ПАТРИОТОВ

Сначала немного истории.

Еще в 1662 году на южное побережье Африки высадились голландцы. Многие из них, привлеченные благоприятным климатом, обилием вкусных плодов и животных, решили остаться. Они основали там колонию.

В начале XIX века этот уголок открыли для себя англичане, рыскавшие по всему свету в поисках новых земель. Буры — так называли себя голландские переселенцы — отступили от побережья и создали несколько своих республик. Но англичане постепенно теснили их, а когда узнали, что на земле буров много золота и алмазов, напали на эти республики. Англичане сжигали дома и фермы, убивали буров, не щадя ни женщин, ни детей, сгоняли их в концентрационные лагеря (кстати, и концлагеря, и колючая проволока были впервые применены в ходе этой войны). Во всем мире возмущались действиями англичан. На помощь бурам ехали добровольцы со всех уголков планеты.

Но все видели лишь одно: сильный напал на слабого, большой на маленького. И мало кому было дело до африканцев, которых угнетали одинаково жестоко и буры, и англичане. Недаром после окончания англо-бурской войны (1899—1902 годы), в которой Англии победить окончательно так и не удалось, был создан Южно-Африканский Союз, и английские и бурские колонизаторы начали вместе эксплуатировать африканское население, вместе грабить природные богатства юга Африки.

Сопротивление разрозненных групп африканцев подавлялось с крайней жестокостью, тем более что местное население не имело ни ружей, ни пушек. Но постепенно африканцы стали понимать: чтобы бороться против эксплуатации, необходимо объединиться. В 1912 году создается Африканский национальный конгресс, организация, которая выступает за права коренных африканцев. Особенно эффективной стала борьба после второй мировой войны, когда на заводах, фабриках, в шахтах стали широко использовать труд африканцев. В рядах Африканского национального конгресса объединились все рабочие с темным цветом кожи. Они надеялись достичь равноправия с белыми мирным путем, но расисты испугались растущего влияния Африканского национального конгресса. В 1960 году эта организация была запрещена, многие ее руководители арестованы или высланы из страны.

Тогда организация перешла на нелегальное положение и решила вести вооруженную борьбу.

Почему же до сих пор режим расистов не свергнут? Дело в том, что его охраняют вооруженные до зубов армия и полиция. Сотни законов, изданных расистами, превращают жизнь африканцев в сплошную цепь запретов. Они не могут жить, где хотят, им запрещено появляться в городах после наступления темноты, они обязаны носить специальные пропуска... Любой полицейский может схватить африканца и отправить его в тюрьму только потому, что тот показался подозри-

тельным. Практически каждый белый вооружен, африканцам же иметь оружие запрещено. А стоит только проявить недовольство режимом, выйти на демонстрацию протеста — жди пулю от полицейских или солдат.

И еще: режим ЮАР поддерживают империалисты, прежде всего США. Они предоставляют оружие, вербуют наемников для юаровской армии.

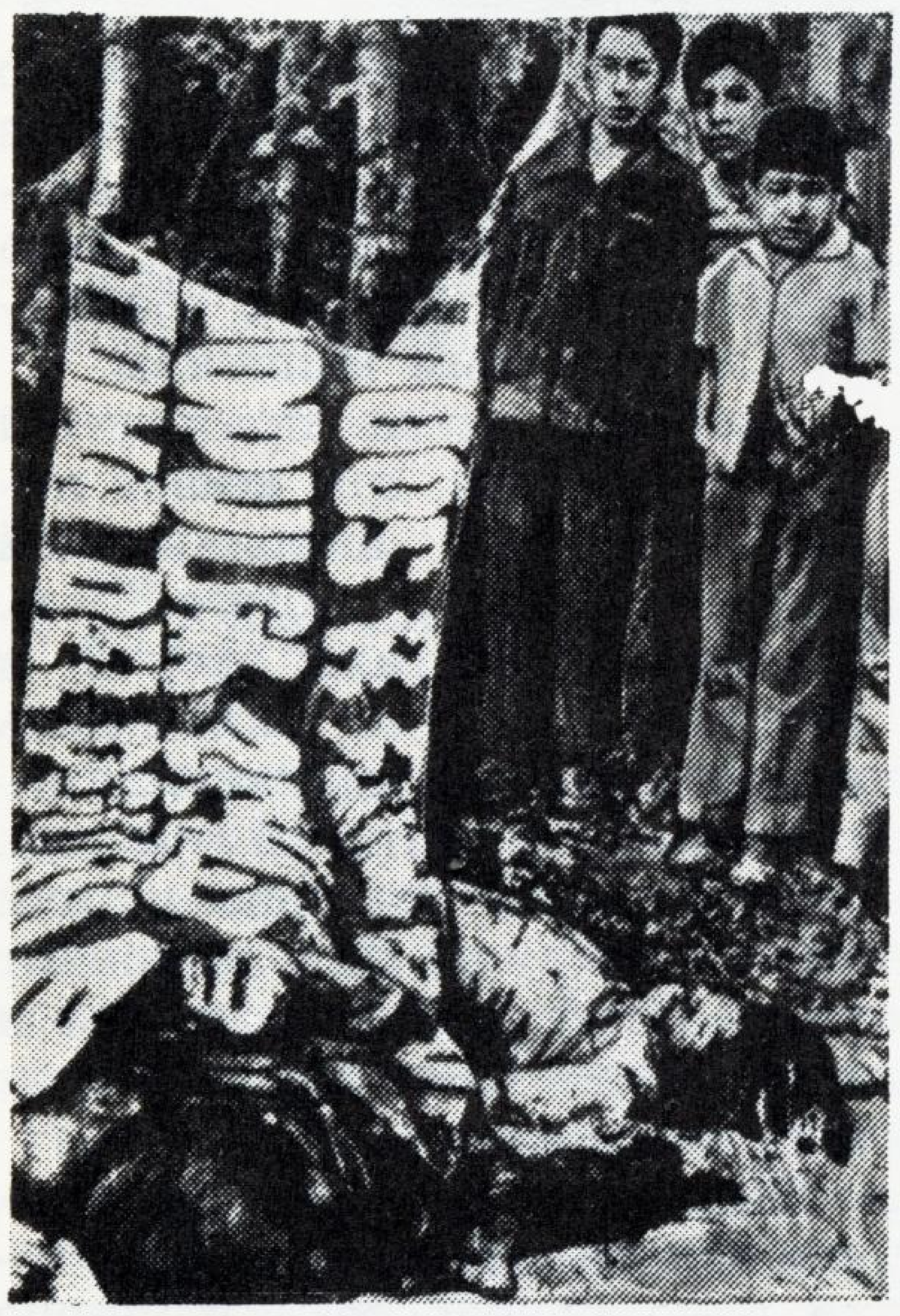
Но борьба коренного населения ЮАР крепнет с каждым днем. На его стороне все честные люди планеты. И в последние годы происходит то, что вызывает ярость и страх расистов: в ряды Африканского национального конгресса вступают люди с белым цветом кожи. Они понимают, что африканцы и белые рабочие более близки друг другу, чем белые капиталисты и белые рабочие.

В тесном союзе с Африканским национальным конгрессом действует Южно-Африканская коммунистическая партия. Своим старшим товарищам помогают молодежные и студенческие организации. Все они сплотились под боевым лозунгом Африканского национального конгресса — «Амандла!» («Власть — народу!»).

Итак, ждем ваших писем в новую рубрику.

У ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРТЫ МИРА

Трагедия на берегу Сумпуль



Католический священник Эрл Галахер из маленькой гондурасской деревушки Гуарита любил пешие прогулки. Чаще всего он бродил по берегу бурной реки Сумпуль. Прихожане по этому поводу шутили, что далеко еще не старому «падре» нравится смотреть, как девушки из сальвадорской деревни Лас-Арадас стирают белье. Как бы там ни было, кроме шуток старух, ничто не нарушало тишины и спокойствия в этом заброшенном уголке на границе Гондураса и Сальвадора, единственным часовым которой были быстрые воды Сумпуль. Но однажды...

На очередной прогулке Галахер взглянул на противоположный берег и вздрогнул: берег был усыпан трупами. Вскоре Галахер услышал слабый стон из кустов. Раздвинув их, он обнаружил лежащего на земле десятилетнего мальчика. Пули пробили ему щеку, бедро и плечо.

Когда раненому оказали помощь, он рассказал, что произошло в Лас-Арадас. Солдаты сальвадорской хунты прочесывали берег реки в поисках партизан. Наткнувшись на деревушку, они не стали выяснять, есть ли там партизаны, а окружили ее, вызвали по рации вертолеты и стали крошить все живое с земли и воздуха. Те, кто чудом не попал под пули и бомбы, бросились к реке, пытались переплыть ее и спастись в Гондурасе. Но солдаты вышли на берег и расстреливали людей в упор.

Позднее Галахер встретился с другими беженцами из пограничных деревень. Он записал рассказы о пережитых ими ужасах и разослал по редакциям американских газет. Галахер хотел, чтобы американцы узнали о преступлениях хунты в Сальвадоре, которой помогает президент Рейган. Но почти все газеты отказались печатать письма Галахера. Зато сальвадорская хунта пригрозила священнику смертью, а правительство Гондураса заявило, что отдаст его под суд за «грубое вмешательство во внешнюю политику страны».

ЖЕРТВЫ ХУНТЫ

Парня звали Хорхе Эспиноза. Он работал в сапожной мастерской. Хозяин был им доволен, потому что от работы Хорхе не отлынивал и политикой не интересовался.

В тот вечер Хорхе, как обычно, возвращался из мастерской домой. У самого порога на него из засады набросились солдаты хунты. Эспинозу связали и бросили в кузов грузовика. Там лежало тело убитой девушки, завернутое в простыню.

Грузовик медленно двинулся по улице. По обе стороны от него шли солдаты и всех, кто

На фото: Родители этих детей арестованы по подозрению в связях с партизанами. Теперь солдаты арестовали и детей.

попадался им на пути, хватали и бросали в кузов. На десятом пленнике облава кончилась. Грузовик набрал скорость и выехал за город.

Остановился он у свалки. Арестованных связали и уложили на кучи мусора. Офицер зачитал приговор:

— Вы умрете за то, что помогали партизанам, убившим эту девушку.

Хорхе в ужасе закричал, что ни в чем не виноват. Но его голос потонул в треске автоматных очередей. Каратели не боялись, что их ночная пальба обратит на себя внимание и привлечет свидетелей. В Сальвадоре давно привыкли и к выстрелам и к расстрелам. Только по официальным данным, за последние четыре года без суда и следствия хунта убила 42 тысячи мирных жителей.

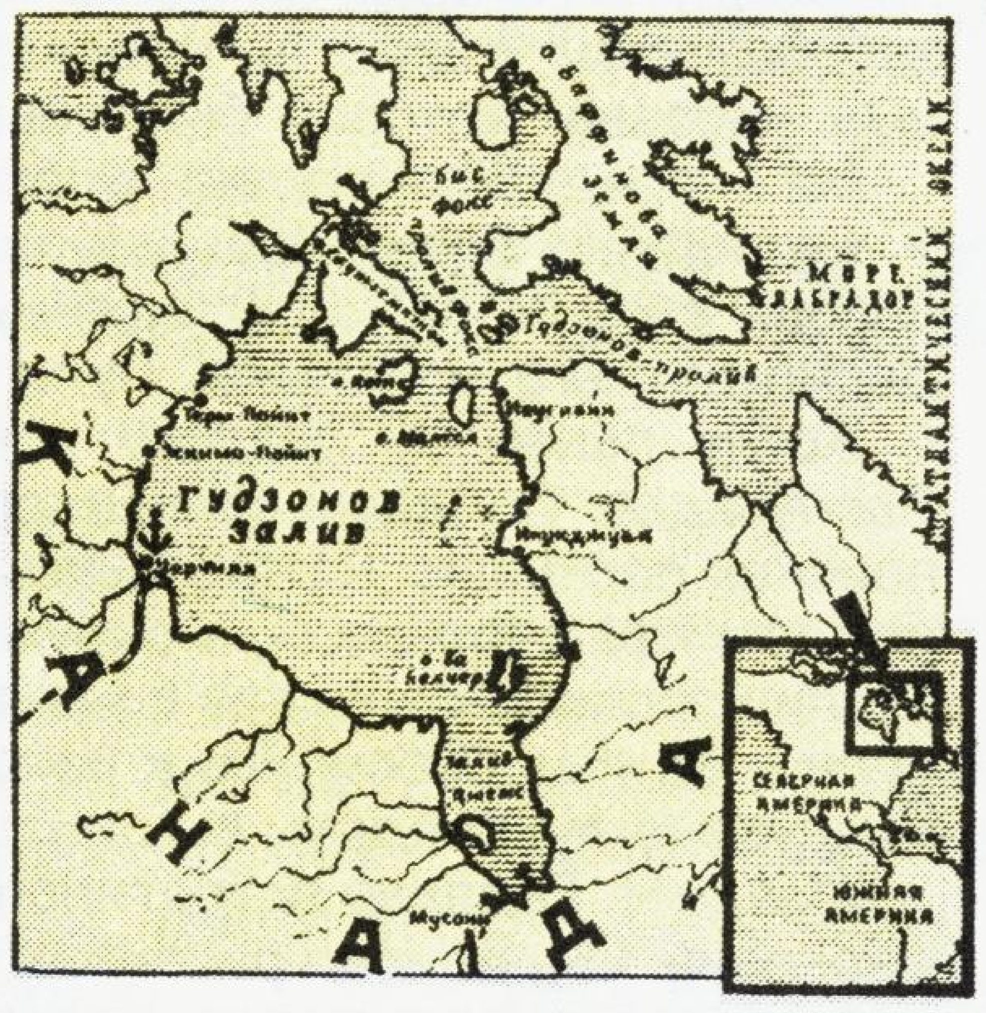
Но Хорхе чудом остался жив. Очередь, пущенная карателем, перебила ему ноги. Он очнулся, когда грузовик уже уехал. Кто-то дышал ему в лицо. Это оказалась одна из бродячих собак, которые привыкли здесь собираться после каждого расстрела. Хорхе в ужасе скатился по откосу в придорожный ров, наполненный водой. В любом случае он бы погиб — утонул во рву или его разодрали бы собаки,— если бы на дороге случайно не появилась машина с красным крестом на борту.

Эспиноза рассказал обо всем, что с ним случилось. Но он жалеет об этом: солдаты знают, на какой улице он живет. Они могут вернуться и расстрелять Хорхе уже как свидетеля своих преступлений.

«Не трогайте эскимосов!»

Так воскликнул французский географ и исследователь профессор Парижского университета Жан Малори, побывав в северной Гренландии, на родине эскимосов. После многочисленных опросов и наблюдений он пришел к выводу, что в буржуазном обществе эскимосам грозит полное вымирание. «Что дали эскимосам белые пришельцы?» — спрашивает профессор и сам же отвечает: «Назойливых миссионеров, стремящихся обратить эскимосов в чуждую им веру. Учителей, которые заставляют их учиться говорить по-английски и по-датски, чтобы барышникам легче было обманывать эскимосских охотников. Пищу с большим содержанием крахмала, от которой у аборигенов развивается близорукость и вываливаются зубы»...

Профессор узнал, что какие-то «доброжелатели» вынудили



эскимосов Гудзонова залива выращивать салат, есть рыбные консервы, развивать (в тундре!) деревообрабатывающую промышленность и даже основать производство фетровых шляп...

Местная молодежь, которую в школе не учили охоте, боится плавать на традиционной эскимосской лодке-каяке. Зато приобретает страсть к «барахлу» и спиртным напиткам.

Особенно плохо приходится тем эскимосам, кто живет поблизости от американской военной базы в округе Туле. Военные распугали зверей, и местные жители лишились единственного средства к существованию — охоты. А тут еще одна напасть: геологи нашли урановую руду. Как повлияют разработки урана на людей и животных? Капиталистов этот вопрос не волнует.

Жан Малори уверен, что спасти эскимосов можно. Для этого надо разработать научную программу освоения тундры. Но эскимосы могут об этом только мечтать.

НАША СПРАВКА

● За годы Советской власти народы Крайнего Севера создали свою письменность. Ныне книги, газеты, учебники для народов Севера печатаются на их родном языке.

● В Ленинградском педагогическом институте имени А. И. Герцена есть факультет народов Крайнего Севера, который готовит учителей для северных народов нашей страны.

● В Чукотском автономном округе свыше 100 общеобразовательных школ, в которых учится более 30 тысяч ребят. До революции здесь не было ни одного грамотного.

● Произведения чукотского писателя Юрия Рытхэу переведены на многие языки народов мира и нашей страны.

● За успехи в экономическом и культурном строительстве Корякский автономный округ награжден орденом Трудового Красного Знамени и орденом Дружбы народов. Ныне здесь трудится более 200 врачей-коряков. До революции не было ни одного.

● В Ямало-Ненецком автономном округе успешно осваиваются крупнейшие в мире месторождения газа — Уренгойское, Заполярное, Медвежье.

● В Якутии создан научный центр. В Якутском государственном университете обучается свыше 7 тысяч студентов.

ЭТО СЛУЧИЛОСЬ В МАГДЕБУРГЕ

Это случилось 13 марта 1969 года в городе Магдебурге (ГДР). В квартире на пятом этаже четырехлетняя Катрин Леман открыла окно и забралась на подоконник. Ее мать в это время отлучилась в магазин.

Подтянувшись, чтобы лучше видеть улицу, Катрин на какое-то мгновение зацепилась пальцами за выступ подоконника, а затем полетела вниз. К счастью, в этот момент по улице в сторону вокзала шел советский офицер — капитан Игорь Беликов. Он среагировал мгновенно, бросился к дому и успел поймать девочку. Капитан Беликов передал девочку подоспевшим соседям, а сам поспешил на вокзал к отходившему поезду. Здесь и нашли его родители Катрин.

Жители Магдебурга, узнавшие о благородном поступке советского офицера, присвоили ему звание почетного гражданина города. А вскоре скульптор Генрих Апель создал монумент, запечатлевший спасение немецкой девочки. Он установлен недалеко от дома, где живет семья Леманов.

14 лет переписывались участники этой истории. Переписывались, но ни разу не виделись. И вот недавно служебная командировка привела подполковника Беликова снова в Магдебург. Здесь он и встретился с Катрин. Сейчас ей уже 18 лет, она учится в техникуме.

«Приятно, что меня не забыли,— сказал в интервью газете «Нойес Дойчланд» подполковник Беликов.— Но ведь я поступил так, как поступил бы на моем месте любой советский человек».

С. РУХОВИЧ.

«Игра — дело серьезное!»

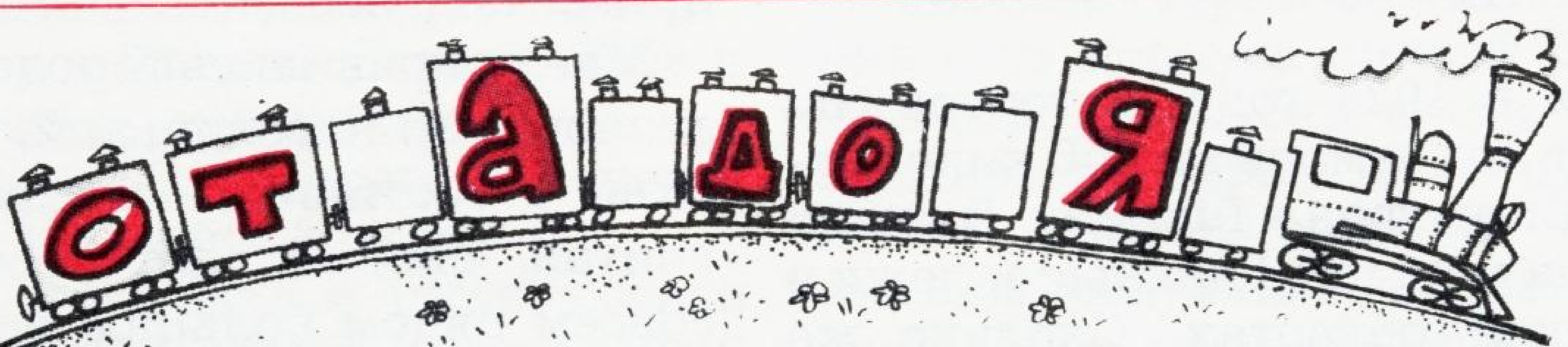
Так считает Эрне Рубик, преподаватель Будапештского института прикладного искусства. Рассматривая рисунки своих студентов, он огорчался, что у некоторых из них плохо развито пространственное воображение. Рисунки получались плоскими. Как же помочь ребятам? На учебники здесь надежды мало. Нужно какое-то совершенно новое пособие...

И учитель придумал... кубик. Но не простой. Он состоит из пятидесяти четырех маленьких разноцветных кубиков. Задача же в том, чтобы, вращая маленькие кубики, «раскрасить» в один цвет грани большого куба.

Кубик заинтересовал не только студентов. После Будапештской международной ярмарки в 1979 году о нем заговорил весь мир. Лицензии на изготовление этой логической головоломки закупили 32 страны. Ученые писали о ней книги, в свет вышли специальные брошюры. Год назад в Будапеште состоялся даже... чемпионат мира по игре Рубика. Победителем стал шестнадцатилетний студент из США Минь Таи. Он сумел «раскрасить» одним цветом грани кубика за 22,5 секунды.

— «Магический кубик» скоро станет так же популярен, как шахматы и домино,— уверяет Дьюла Немчек, директор предприятия, которое ежегодно производит 15 миллионов кубиков.

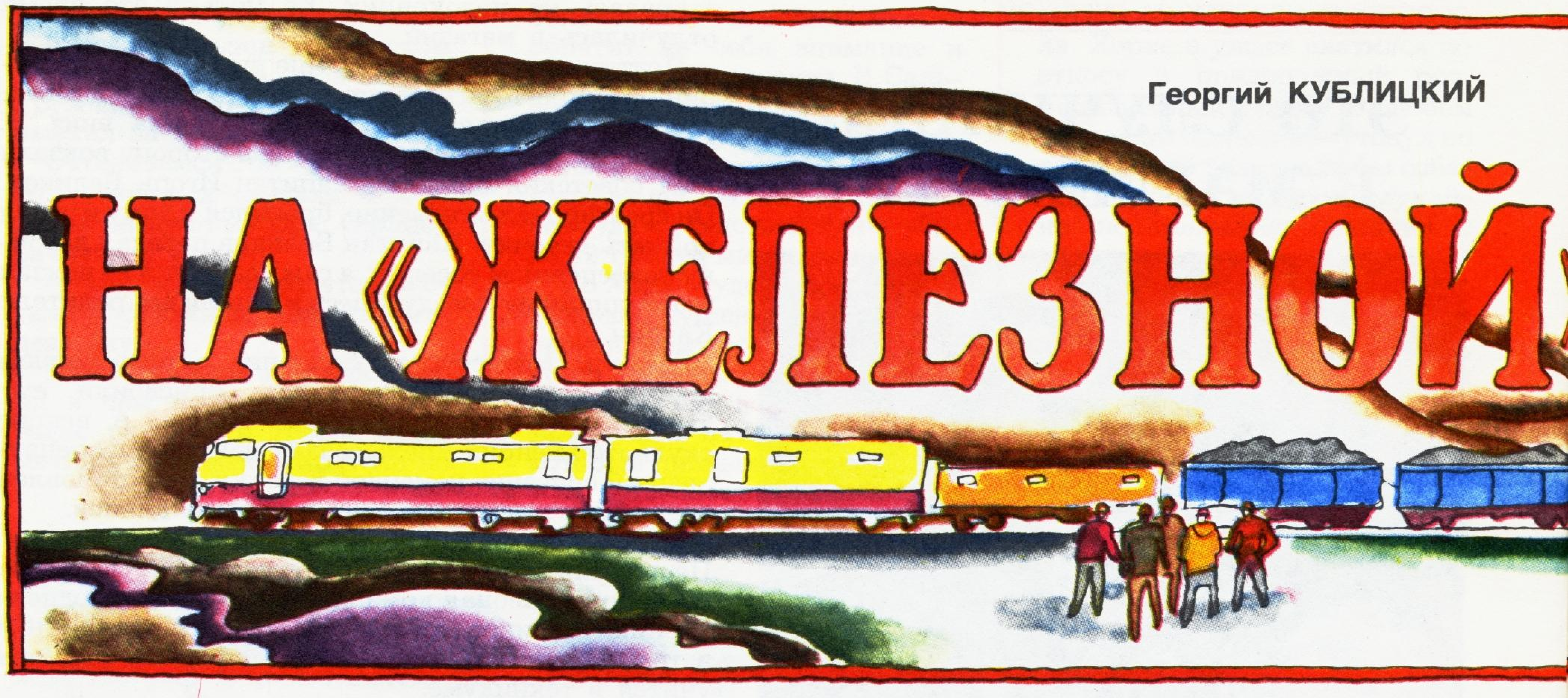
А Эрне Рубик занят новой головоломкой.



РАСИЗМ — так называется теория, которую насаждают и претворяют на практике империалисты. Расисты утверждают, что различные расы не равны между собой, что есть «полноценные» и «неполноценные» расы и народности. «Полноценные» якобы отличаются высокой культурой, умственными способностями. «Неполноценные» же народы, такие, как африканские, не подготовлены-де самостоятельно управлять государством, развивать экономику, культуру и т. д. Их удел — служить «полноценным» народам, например, белому меньшинству в ЮАР.

Расизм пустил глубокие корни в США, Англии, ФРГ и других капиталистических государствах.

ВАТИКАН — это государство-город. Он занимает западную часть Рима. Ватикан считается центром римско-католической церкви. Здесь находится резиденция главы католической церкви — папы римского.



Георгий КУБЛИЦКИЙ

НА «ЖЕЛЕЗНОЙ»

Руда по компасу

«Железная земля» — это Курская магнитная аномалия. Аномалия означает неправильность, отклонение. Еще в XVIII веке ученые заметили, что в здешних местах как-то странно ведет себя стрелка компаса: мечется, показывает неверное направление. Не потому ли, что в земле залегает железная руда? Пробовали искать — не нашли. Опять начинали и бросали: не было руды. Так продолжалось до революции. И вот, когда еще не кончилась гражданская война, советские ученые во главе с геологом Иваном Михайловичем Губкиным взялись продолжить поиски. Владимир Ильич Ленин поддержал их.

Первую руду нашли в 1923 году. А теперь мы знаем, что она залегает под землей на 850 километров в длину и до 250 километров в ширину. В одних местах больше, в других меньше. Главные залежи в Курской и Белгородской областях. Сколько же всего руды в «железной земле»? Триллионы тонн!

На месте Курской битвы

Поезд за одну ночь домчал меня из Москвы до «железной земли». Первый раз это было больше десяти лет назад.

Я побывал тогда в тех городах, возле которых уже добывалась руда КМА — так сокращенно называют район аномалии. Это Губкин, Старый Оскол, Железногорск.

Ни в одном из них, даже в Железногорске, никаких железных гор не видно. Города стоят на равнине, где между пологими зелеными холмами лениво струятся в зарослях тальников и раскидистых ветел речки.

И до самого горизонта — поля пшеницы: здесь всюду плодородный чернозем.

Гор нет, а есть огромные выемки — рудничные карьеры. Я заглянул в один — голова закружилась. На дне виднелись фигурки людей и разные машины.

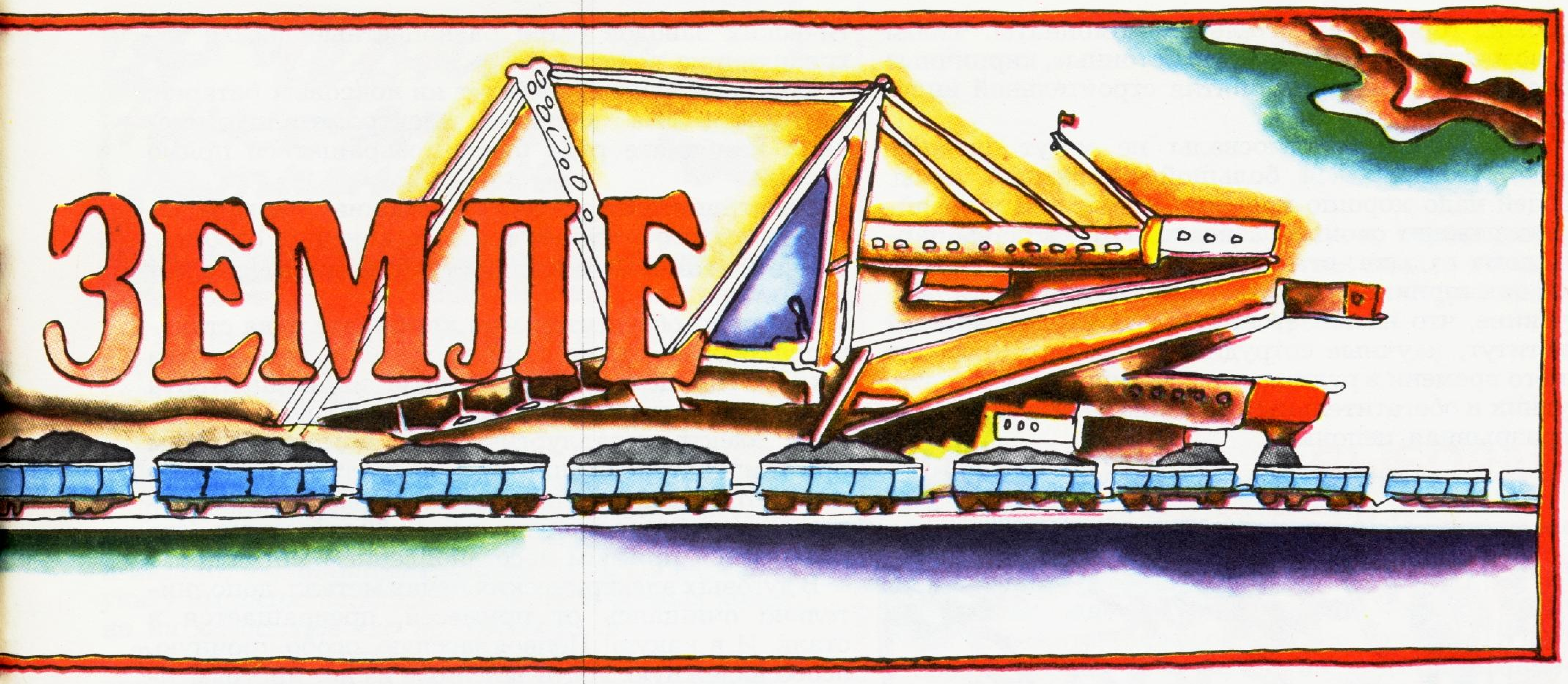
В карьере добывали руду. Она залегает на глубине ста — двухсот метров. Шахты рыть не стали. Проще было убрать мощными машинами землю, прикрывающую руду. Этот способ называется открытым. Расчистил к руде дорогу и добывай ее прямо под небом!

Мне понравились города горняков. Особенно Железногорск: новехонький, вокруг леса. Распахнешь окно в гостинице — и слушай соловьиные трели, считай, сколько лет тебе накукует кукушка. А совсем рядом большое искусственное озеро.

Город Губкин — его назвали в честь Ивана Михайловича Губкина, который руководил поисками руды,— весь в вишневых садах. И тоже много новых зданий.

Оба города были новыми потому, что здесь после войны живого места не осталось. Погибло почти все, что горняки успели сделать до войны. Грозным летом 1943 года мгла стлалась над полями, истерзанными, изрытыми, искалеченными воронками снарядов. Лавины советских и фашистских танков сталкивались во встречных боях. Великая Курская битва прокатилась по этой земле...

По-моему, лучше других сохранился тихий городок Старый Оскол. Горные работы возле него только развертывались. На меловой гряде в центре города стояли старые купеческие особняки, сверху



видна была зеленая речная пойма с огородами. Боковые улочки, спускавшиеся под гору, кое-где позарастали травой.

Я часто езжу по стране, но знаю не так уж много мест, где за какой-то десяток лет произошло столько перемен, как на КМА.

Губкин запомнился мне городом одноэтажным. Были, конечно, и трехэтажные дома, но мало. Теперь глядишь — поднимаются девятиэтажные.

Больше всего перемен в Старом Осколе. Еще в давний приезд мне довелось услышать:

— Погодите, скоро у нас от старого останется лишь первая половина названия города!

«Сказать-то легко...» — подумал я тогда, косясь на телегу с кладью, которую тянул в гору пегий коняга.

Сейчас в Старом Осколе есть свой Новый город. Число жителей за десять лет более чем удвоилось. Говорят, XXI век Старый Оскол встретит с полумиллионным населением. Не сомневаюсь, так и будет...

В Старом Осколе скоро начнет действовать самый современный в стране металлургический комбинат. Подобных ему и на всем земном шаре мало.

Город стал очень деловым и оживленным. Какие там телеги: машин так много, что нужны подземные переходы на улицах. И хотя до комбината довольно далеко, скоростной трамвай, у которого своя линия, без десятков уличных светофоров, домчит туда быстрее городского автобуса.

А по дороге, в вагонах, какую только речь не услышишь! Украинцы, киргизы, белорусы, казахи... И еще — болгары. На стройках КМА первые болгарские юноши и девушки появились в 1970 году. Одни уезжают, на смену приезжают другие. Возвращаются домой хорошими специалистами: на Курской магнитной аномалии предприятия строятся по последнему слову техники.

По соседству с рудниками-карьерами построены гигантские горно-обогатительные комбинаты — у них есть корпуса длиной больше километра.

Обогащение? Это когда что-то прибавляют, накапливают, верно? А с рудой — наоборот: обогащать — значит, очищать ее, убавлять примеси, лишние, ненужные для металлургических заводов. После обогащения «бедная» руда становится «богатой», содержащей много железа. Ее легче и дешевле превращать в чугун и сталь. Так что горно-обогатительные комбинаты приносят большую выгоду государству.

На КМА главное, конечно, железная руда. Но Курская магнитная аномалия — целый территориально-производственный комплекс. А это значит, что там все связано между собой так, чтобы лучше использовались природные богатства, чтобы гармонично развивались различные отрасли хозяйства.

Ну, например, около Старого Оскола на руднике извлекают по дороге к руде горные породы, в которых много мела. Рядом действует цементный завод. Для него мел — ценное сырье. Для мощных экскаваторов, которые работают на руднике, нужна электрическая энергия. Под Курском создана атомная электрическая станция. Возле карьеров по-

строены горно-обогатительные комбинаты. Чтобы их возвести, сначала пустили бетонные, кирпичные заводы и другие предприятия строительной индустрии.

Экскаваторы и самосвалы не могут служить вечно. Понадобился большой ремонтный завод. Людей надо хорошо кормить: в подсобных хозяйствах сажают овощи, разводят скот. Созданы парки, дома отдыха, стадионы.

А как горнякам обойтись без помощи науки? И в Губкине, что называется, прямо на руде, работает институт, научные сотрудники которого проводят много времени в рудниках и на комбинатах. Кстати, рудник и обогатительный комбинат — это тоже одна неразрывная цепочка.

Куда отправляют руду, добытую на «железной земле»? На металлургические заводы. Там она попадает в доменные печи, в которые загружается кокс.

Кокс — это уголь, но особый. Его сначала прокаливают в коксовых печах, чтобы в нем осталось меньше влаги и вредных для металла примесей. В домне — слой кокса, слой руды, слой кокса, слой руды: слоеный пирог. Его, вдувая воздух, «пекут» при очень высокой температуре. В руде железо соединено с кислородом. Кокс при плавке отбирает его. Получается чугун. Из чугуна льют разные изделия или перерабатывают его в сталь.

Для получения кокса приходится строить особые коксовые батареи из десятков печей. К тому же далеко не всякий уголь можно коксовать. А домна? Ведь это сооружение высотой в 20—30-этажный дом! Добавлю, что с давних лет приметой металлургических заводов были разноцветные дымы, загрязняющие воздух.

В Старом Осколе не будет ни коксовых батарей, ни домен. На здешнем электрометаллургическом комбинате руда будет превращаться прямо в сталь.

Электрометаллургический комбинат, первая очередь которого вступает в строй, конечно, огромен. Но не в этом его необычность. Суть примерно вот в чем.

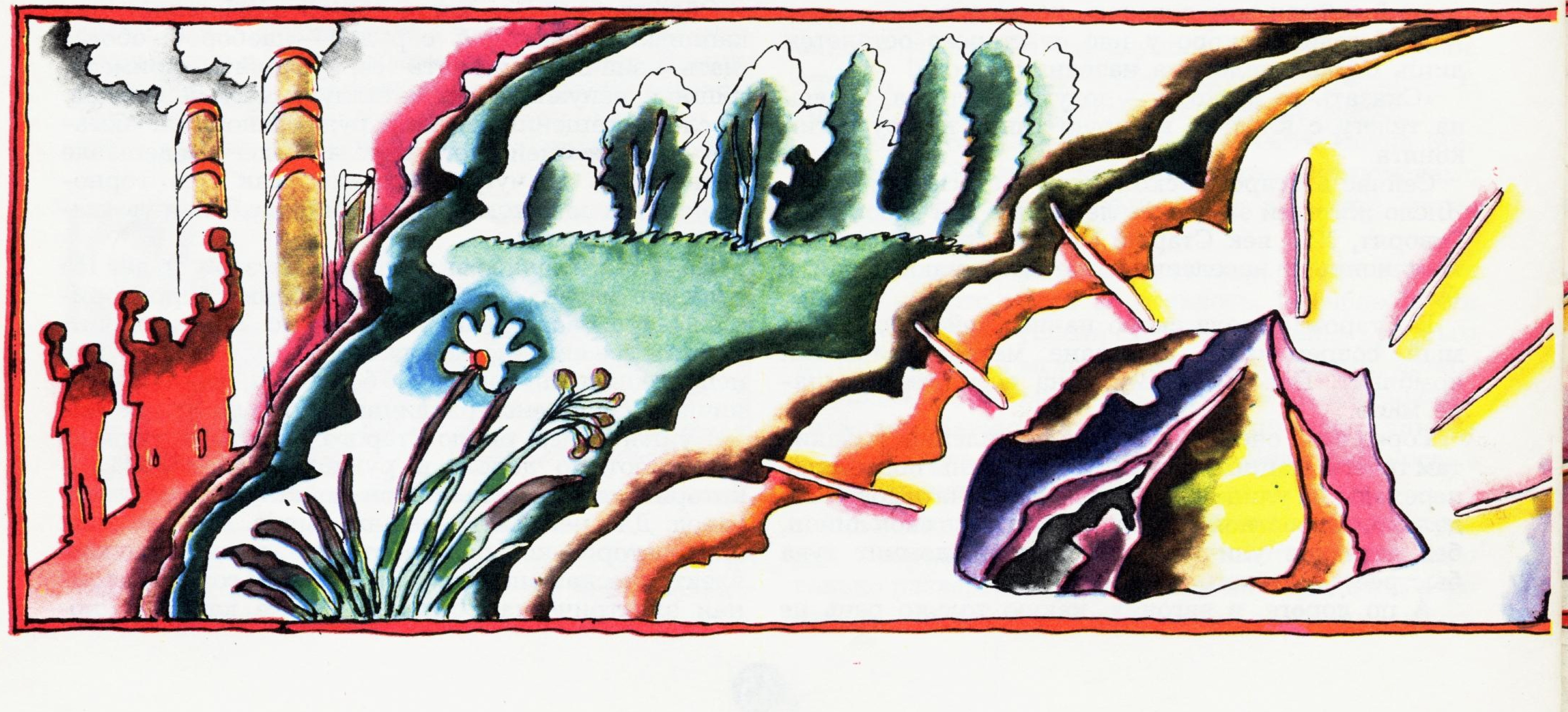
На горно-обогатительном комбинате руда становится обогащенным концентратом, в нем железа уже 70 процентов. Полученные из концентрата комочки-окатыши попадают в особые шахтные печи электрометаллургического комбината. Там при температуре свыше тысячи градусов их встречает поток газа-восстановителя. При реакциях содержание железа повышается до 90 процентов. Это называется прямым восстановлением металла.

В дуговых электрических печах металл, дополнительно очищаясь от примесей, превращается в сталь. И в какую! Первоклассную, особо прочную, особо надежную. Изготовленные из нее инструменты, подшипники, автомобильные рессоры долго служат и мало изнашиваются.

Так что же, значит, не будут больше строить коксовые батареи и домны? Будут. Нам нужны обыкновенная сталь и очень много чугуна. Комбинат в Старом Осколе — как бы рывок в XXI век. А почти вся мировая металлургия сегодня работает с домнами, мартенами и конвертерами. Есть места, где руда и уголь рядом, а природного газа, который нужен шахтным печам, нет, да и электроэнергии мало. Старый способ еще послужит человечеству, тем более что с каждым годом его совершенствуют.

С железом связано прошлое, настоящее и будущее человечества. Недра нашей страны хранят около половины мировых запасов железной руды. Мы добываем ее втрое больше, чем Соединенные Штаты Америки. Некоторые главные месторождения земного шара постепенно истощаются. На Курской магнитной аномалии не извлечена даже сотая доля процента всех ее запасов. Их хватит еще надолго.

А знаете ли вы, что под Курском есть еще одна аномалия?



Уже наши далекие предки всюду распахивали плодородные черноземные степи. И вот однажды ученые спохватились: неужели нигде не осталось крупного массива чернозема, вовсе не тронутого человеком? Искали в Америке — не нашли: все прерии распаханы. И в других местах — тоже.

Лишь под Курском чудом сохранилась девственная черноземная степь. Там прежде жили стрельцы и казаки, охранявшие границы Руси. По царскому указу им разрешалось пасти в степи боевых коней, но на хлебопашество не отвлекаться.

Теперь в Центрально-Черноземный заповедник приезжают ученые со всего света, чтобы увидеть, как выглядела степь в ту далекую пору, когда люди еще не научились добывать железо. Я бывал здесь весной и летом. Сначала степь казалась лиловой от сон-травы. Когда зацветал горицвет, она становилась желто-золотистой. Потом наступала голубая пора незабудок. Вот за чудесное разнообразие растений, какое уже редко увидишь в других местах, заповедник и прозвали Курской растительной аномалией.

Ну, а что же делать с теми черноземными местами, где уже и распаханных полей почти не увидишь: тут карьер, рядом горы вынутой из него земли, подальше бетонные утесы комбинатов. Выходит, погиб чернозем?

Ничуть не бывало. Перед тем как строить завод или рыть карьер, почвенный слой бульдозерами сгребают в холмики. На КМА их множество. Часть чернозема отвозят на неплодородные земли и укладывают там. А когда будут выработаны карьеры, их засыплют и сверху прикроют сбереженным «царем почв», чтобы на «железной земле» колосились нивы, цвели сады и соловьи весенними ночами пели в перелесках.

23 января исполняется 60 лет со дня присвоения пионерской организации имени В. И. Ленина

60 ЛЕТ С ИМЕНЕМ ЛЕНИНА

Детскому писателю, поэту и переводчику Леониду Львовичу ЯХНИНУ мы задали вопрос: от каких ошибок вы хотели бы предостеречь сегодняшних пионеров?

ПОДХОДИТЕ К ВЫБОРАМ ОТВЕТСТВЕННО!

Совсем недавно, тридцать лет назад, я тоже был пионером. Пионером-шестиклассником. Я в то время здорово умел рисовать несколько предметов: дуб на ветру, бегемота, похожего на контрабас, самолет величиной со стрекозу, часы, показывающие любое время дня, и заглавные буквы в виде завитушек. Этого было достаточно, чтобы меня избрали редактором отрядной стенгазеты.

Вообще к выборам мы в тот раз отнеслись довольно легкомысленно. Самого сильного мальчика выбрали физоргом. Трех самых высоких — звеньевыми. А меня вот редактором.

Я похвастался перед родителями моим назначением и тут же благополучно забыл о нем до того дня, когда нужно было выпускать первый номер газеты. На мои просьбы срочно написать заметку все как один отвечали: «А где ты раньше был? Спохватился!»

И я решил всю газету написать сам. От имени нашего отличника я сочинил заметку «Мой день». Она звучала примерно так: «Я встаю в семь часов, повторяю пройденное и умываюсь. Завтракаю, повторяю пройденное и иду в школу. На уроках я слушаю учителя и повторяю пройденное. После школы прихожу домой, обедаю и повторяю пройденное. Ложусь спать я в девять часов, сплю и повторяю пройденное». И отличник Вася перестал со мной разговаривать.

Я придумал басню «Умный осел», которая кончалась словами:

Он все науки превзошел
И стал ученейший... осел.

И меня чуть не побили два наших классных эрудита, Радик и Вадик. Я и кроссворд придумал. Его не смогла решить даже директор школы. Там было ключевое слово «каракатица», которое я почему-то писал «корокатится».

Короче говоря, я сильно опозорился с моей стенгазетой. Но мой провал в роли редактора вдруг помог всем увидеть легкомысленность наших выборов.

Уверен, что вы, ребята, на сборе отряда распределяете поручения своим товарищам не по внешним признакам, а по склонности и способностям к той или иной общественной работе.

А мой рассказ-воспоминание обращен к тем немногим, кто еще не понял, что ответственность и серьезность во взрослой жизни начинаются с пионерских дел.

Раздел ведет В. НИКИТИНА.

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

Тайны раскрытые и нераскрытые

ЗАГАДКА ОЛОВЯННОЙ ЧУМЫ

Металл — вещь надежная, прочная. За это его и ценили во все времена. Редко подводили человека металлические изделия, но все же случалось и такое. Особенно с оловом.

Белый, похожий на свинец металл хорошо знали еще в древности (главным поставщиком олова были Британские острова). Делали из него тарелки, ложки и прочую кухонную утварь. Позднее, в средние века, научились лудить, паять и делать из олова музыкальные инструменты. И случались во все времена загадочные, порой трагические аварии: вещи, изготовленные из олова, на морозе вдруг рассыпались в порошок. Название коварному явлению было присвоено страшное — оловянная чума. Это действительно напоминает чуму, потому что серое, рассыпающееся олово обладает непостижимой способностью «заражать» обычное, белое. При температуре ниже 13 градусов тепла достаточно положить серый порошок на белый металл — и «заболевание» обеспечено: «здоровый» металл рассыпается очень скоро.

Эту особенность олова изучали многие исследователи прошлого, среди них — известный химик, член Петербургской Академии наук Федор Федорович Фрицше. Он-то и доказал, что «больное», побывавшее на сибирском морозе олово заражает «здоровое» очень быстро. Но как это получается, тогда, в XIX веке, разобраться не смогли.

За время, прошедшее с тех пор, ученые разобрались во многих хитроумных вещах, научились видеть сходство в явлениях, которые, на непросвещенный взгляд, кажутся совершенно различными. И оказалось, что «оловянная чума» по природе сходна с... замерзанием воды. Белое, металлическое олово при температуре ниже 13 градусов в принципе существовать не должно, так же как не должно быть жидкой воды ниже нуля. Известно, однако, что воду можно «переохладить»: удалив из нее примеси и растворенные газы, осторожно понизить ее температуру до минус пяти, а то и десяти градусов. И она не замерзнет, пока ее не встряхнут, не перемешают или не внесут «затравку» — кристаллик льда, песчинку или что-то еще.

У олова серая форма при низких температурах устойчивая, законная, как лед у воды. Но твердый металл переходит в нее не так-то легко, это вам не жидкость. Однако если температура очень уж низка (около минус тридцати) или есть затравка, дело ускоряется. Считалось, что серое олово, когда его прикладывают к белому, играет роль затравки, оттого-то, мол, и происходит «заражение».

Превращение одной формы вещества в другую: жидкости в пар, кристаллов в жидкость, переход одной формы кристаллов в другую — явление широко известное и хорошо изученное. Называют его фазовым переходом. Так и считалось: «оловянная чума» — это обычный фазовый переход, ускоряемый затравкой. Считалось, а потом оказалось, что все это не так.

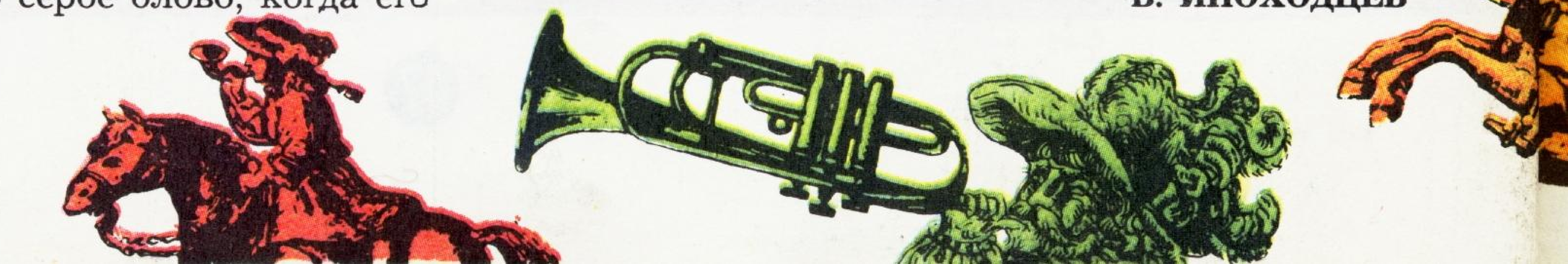
Это установили совсем недавно в Институте физики твердого тела Академии наук СССР. Оказалось, что для «заражения» вовсе не обязательно, чтобы серое олово прикасалось к белому. Вот какой был проделан опыт: гладкие, идеально отполированные пластинки двух видов металла разделяли «сеткой» из смолы. Она была совсем тонкой — всего в тысячную долю миллиметра,— однако серое олово к белому не прикасалось. И тем не менее «инфекция» была занесена: белое олово стало сереть при такой температуре, при которой контрольный образец (рядом с ним серого не было) остался невредим. А вот если смола нанесена не сеткой, а сплошным слоем такой же толщины, заражения не получалось.

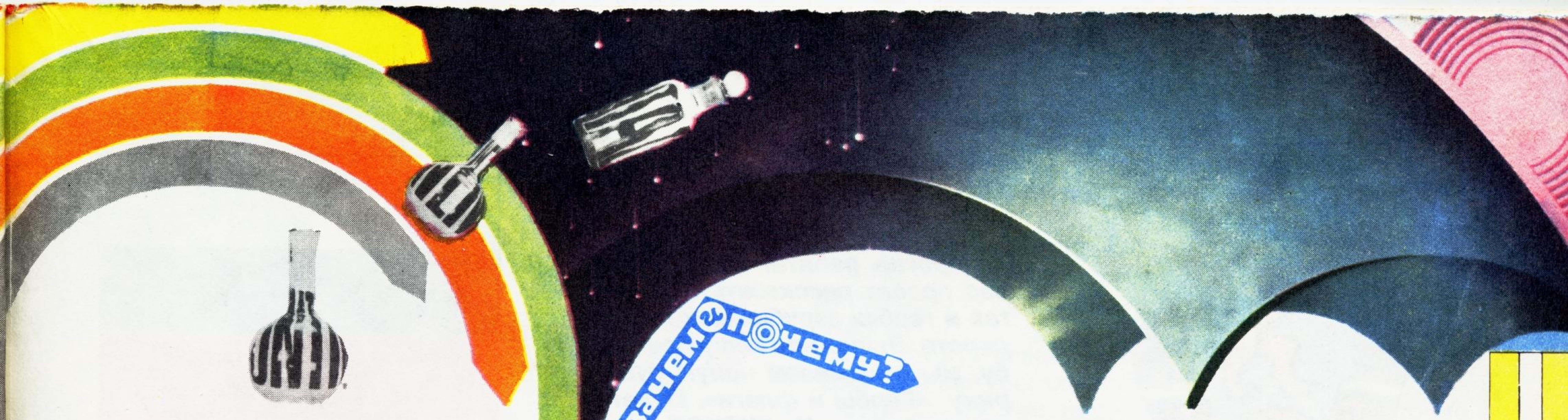
Выходит, не так уж наивны были люди, знать не знавшие разных там электронов, но назвавшие превращение металла чумой: заражение-то, получается, происходит таинственным, бесконтактным способом.

Как же оно происходит? Эта тайна пока остается не раскрытой. Можно лишь предполагать, что коварную роль здесь играет... звук. В фазовых переходах металла в иных случаях участвуют фононы — «частицы» звука. Так вот, можно предполагать, что и при заражении «оловянной чумой» от серого, «заболевшего» олова исходит в сторону «здорового», белого совсем тихий, но опасный «скрип» или «треск». Он-то и заставляет атомы металла перестраиваться по-новому.

Так это или нет, пока не доказано. Ведь совпадение обстоятельств — это еще не аргумент. Только прямой опыт, поставленный с оловом, и ни с чем другим, опыт, в котором будет показано, что «заболевающее» олово издает какие-то «звуки» и что эти «звуки» могут вызывать фазовый переход,— вот такой опыт мог бы стать решающим доказательством. Только никто его пока не поставил.

В. ИНОХОДЦЕВ





Знаешь?

В межзвездном пространстве найдены молекулы 60 различных сложных веществ.

* * *

Вместо подков на копыта лошадей можно надевать пластмассовые башмаки.

* * *

Маленькие дети не могут непрерывно запоминать события.

зачем почему?

Космический эксперимент

«Правда ли, что есть десятая планета в нашей Солнечной системе — Икар? Почему об этом нигде не пишут?»

Светлана НАКОНЕЧНАЯ,
г. Карловка, Полтавская область.

Не все благополучно в Солнечной системе. В ней есть девять планет, и никто в этом не сомневается. Но порой возникает подозрение, что существует и десятая планета...

Подозрения эти появляются неспроста: самые удаленные от Солнца планеты Нептун и Плутон движутся как-то странно. Если рассчитать их траекторию по закону Ньютона и начертить ее на бумаге, а потом посмотреть в телескоп, то окажется, что путь Нептуна и Плутона отличается от предсказанного.

Пусть совсем немного, но все же отличается. Вроде учтены все возможные силы и воздействия, а все равно несовпадение остается. Вот и возникает мысль, что какая-то масса чуть-чуть отклоняет планеты от расчетного пути.

Расположена предполагаемая планета так далеко от Земли, что увидеть ее в современные телескопы нет никакой возможности. Единственная надежда на космические летательные аппараты «Пионер-10» и «Пионер-11», которые сейчас приближаются к орбите Плутона—самой далекой планеты Солнечной системы, а потом будут продолжать свой путь еще дальше. Если там, далеко-далеко, есть десятая планета, то она исказит движение «Пионеров», притянет их к себе. А это заметят земные станции слежения, которые не выпускают аппараты из поля зрения ни на один день. Вот какой удивительный космический эксперимент собираются провести ученые: в лабораторию превращена вся Солнечная система! Первые результаты наблюдений получат к 1986 году.

А. СЕМЕНОВ.

И мелькают города и страны...

Города, моря и горы носят имена великих людей, первооткрывателей, исторических событий: вспомните Ленинград, пик Революции, море Лаптевых. Но не все люди, имена которых попадали на карту, были этого достойны. Например, высочайшая в мире гора Эверест названа в честь сэра Джорджа Эвереста — колониального чиновника, который из всех гор имел отношение разве что к горам бумажным.

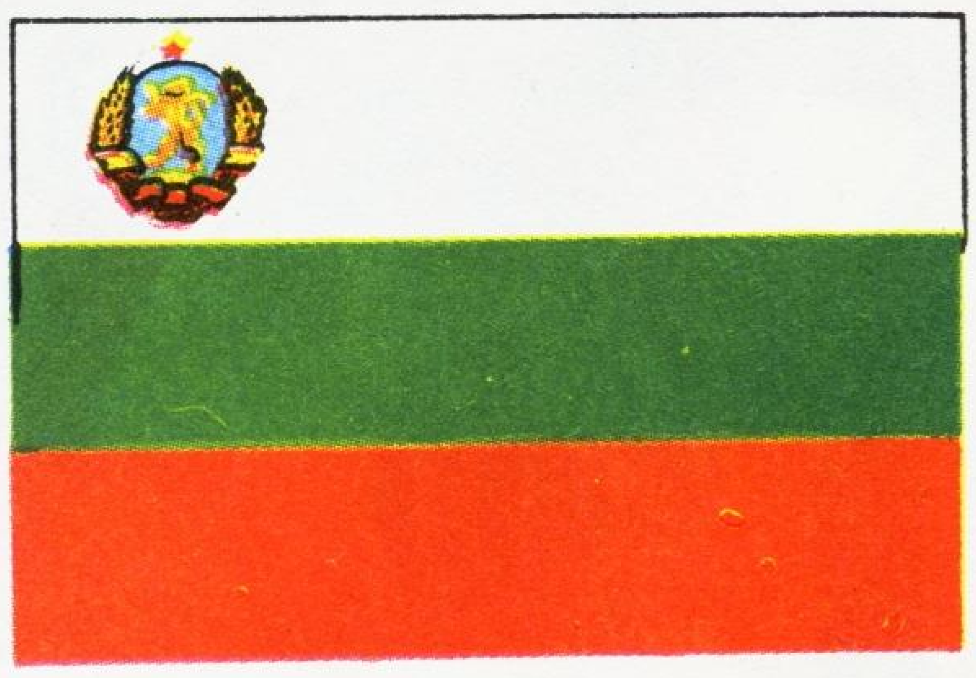
Некоторые названия появились на карте в результате недоразумения. Одно из самых случайных — мыс Ном на Аляске. В прошлом веке его нанес на карту французский моряк и, чтобы не забыть дать ему название, приписал рядом: «Имя?» (по-французски — «ном»). А когда издавалась навигационная карта Берингова моря, картографы решили, что это есть название мыса.

А вот одно из самых длинных в мире названий: «Ciudad de la Santissima Trinidad y Puerto de Nuestra Señora la Virgen Maria de los Buenos Aires» (в переводе с испанского — «Город святейшей троицы и гавань нашей госпожи девы Марии, повелительницы попутных ветров»). Такое название дали испанские завоеватели в 1535 году городу, который они основали в Южной Америке. Со временем от этого пышного титула остался один хвостик: город, ставший столицей Аргентины, называют теперь попросту Буэнос-Айрес, а иногда и еще короче — Байрес...

А. ИОРДАНСКИЙ.

Самый-самый!

Дорогие ребята! Многие из вас просят рассказать о флагах и гербах зарубежных государств. Выполняя вашу просьбу, мы открываем новую рубрику «Гербы и флаги». Ведет ее журналист И. КУРКОВ.



НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА БОЛГАРИЯ

Современный Государственный флаг Болгарии, утвержденный Конституцией 1971 года, представляет собой прямоугольное полотнище с тремя горизонтальными полосами: белой, зеленой и красной,— дополненное изображением Государственного герба у древка на верхней, белой полосе.

Белая полоса символизирует мир и свободу, трудолюбие народа, зеленая — любовь к социалистической родине, преемственность национально-освободительных традиций, плодородие болгарской земли, красная — социалистическую революцию и готовность ее защищать.

Главный элемент герба — бело-золотой лев с красным языком и когтями, стоящий на задних лапах,— олицетворение силы, великодушия и отваги.

Долгим и трудным был путь к болгарскому «триколору» («трехцветию»). В 681 году было создано первое болгарское государство. Сильное влияние на него оказала Византийская империя. Именно по примеру византийцев в царствование Крума болгары начали употреблять красные стяги. В то же время впервые появился на знаменах лев как символ болгар. Князь Борис I после принятия христианства прибавил к красному знамени крест, а в IX веке, при Симеоне, на знаменах стали изображать скипетр как символ власти царя. Государственного флага как такового в те времена не существовало. Часто личное знамя верховного правителя воспринималось как символ страны. Трагична судьба «знамени царя Симеона». Оно пережило время византийского господства (XI — XII века), но было потеряно в период пятивекового османского ига. Митрополит Мефодий, видевший «симеоново знамя» в городе Дебр, так описал его: «Вышито золотом, украшено пятью львами — четыре в углах и один посредине».

Ночь османского рабства опустилась в конце XIV века над Болгарией. Народ поднялся на борьбу с захватчиками. Повсюду возникали отряды гайдуков — воинов, укрывавшихся в горных лесах. Многие отряды действовали под зелеными стягами — символами леса, колыбели свободы. Некоторые вели бои и под красными флагами, ставшими символами восстания. На большинстве гайдукских флагов было изображение льва, олицетворявшего отвагу и мужество сражающегося народа.

В XIX веке освободительная борьба усилилась. В 1862 году появился первый болгарский трехцветный флаг. Его имел легион под командованием болгарского революционера Г. Раковского.

Родившийся в горниле национально-освободительной борьбы, болгарский флаг пережил затем немало испытаний, прошел сквозь мрачные годы фашистской диктатуры и, возродившись, взвился над свободной Болгарией. После победы антимонархической и антифашистской революции 9 сентября 1944 года и провозглашения Народной Республики Болгарии 15 сентября 1946 года рисунок флага немного изменился: трехцветное полотнище дополнили изображением нового Государственного герба. В его символах отражены идеи социализма и коммунизма.

Шестерня и колосья пшеницы символизируют союз рабочих и крестьян, а также расцвет промышленности и сельского хозяйства в социалистической Болгарии. Светло-голубое поле герба олицетворяет мир и готовность его защищать. Алая звезда, венчающая герб,— символ революционного порыва, идей коммунизма и пролетарского интернационализма. Венок колосьев внизу перевит алой лентой и лентой трехцветной — бело-зелено-красной.

В 1971 году была принята новая Конституция Народной Республики Болгарии. Рисунок герба несколько изменили. Если до этого на алой ленте, связывавшей колосья внизу, была одна дата «9.IX.1944», то теперь на витках ленты помещены две даты: «681» (год основания первого болгарского государства) и «1944» (год победы социалистической революции).

Имант ЗИЕДОНИС

БЕГУЧАЯ СКАЗКА

Рисунки Л. ХАЧАТРЯНА.

Бегучий-Листок сорвался с макушки дерева.

Он летел вниз и слышал, как стонут вокруг комары:

— Бегучий-Листок, Бегучий-Листок падает!

А Бегучий-Листок летел и думал, что он Летучий-Листок. Но тут упал на дорогу и сразу понял — надо бежать!

Все вокруг бежало: огонь в небо, вода в море, и даже сердце убегало куда-то.

Бегучий-Листок подобрал свои краешки, точно так, как девушка подбирает подол длинного платья, и пустился бежать.

— Быстрее! Быстрее! — думал он на бегу.

Вдруг он увидел на дороге что-то дырявое. Это был Дырявый Зуб. Он тоже бежал.

— Ты куда бежишь? — крикнул Бегучий-Листок.

— За сахаром!

Бегучий-Листок помчался дальше и увидел на дороге что-то белое. Он подумал, что это Сахар, но это была Снежная Баба.

— Куда, Баба, бежишь?

— От дождя убегаю.

Побежал дальше Бегучий-Листок, и скоро его догнал Дождь.

— А ты, Дождь, куда бежишь?

— За облаком! Без облака я пропаду!

Все вокруг бежали — кто за облаком, кто за сахаром. Волна за волной. Кончик носа за пяткой.

«А я-то за кем бегу?» — думал Бегучий-Листок, но не мог подумать как следует, боялся, что ноги

вперед убегут. Поди потом догоняй собственные ноги.

Бегучий-Листок бежал и поглядывал по сторонам.

В придорожных канавах полно было опавших листьев. Они никуда не бежали.

«В чем дело?» — подумал Бегучий-Листок и сбавил скорость.

У дороги рос Подорожник.

— Почему ты не бежишь? — наивно спросил его Бегучий-Листок.

— Я расту, брат, и цвету, как могу,— отвечал Подорожник,— но если тебе нужно бегающее растение — обратись к Перекати-Полю. Только его не видно нигде. Убежало, брат.

К вечеру добежал Бегучий-Листок до куста бузины, забрался под ветки переночевать и сразу почувствовал рядом что-то теплое. Здесь было гнездо, в котором лежали три яйца.

Бегучий-Листок забрался в гнездо, успокоился, пригрелся и крепко заснул.

— Ох, как не хочется вставать! — говорил он на следующее утро.— Еще бы поспать часочек. Ну, почему я должен все время бежать, бежать, бежать?!

— Ничего не поделаешь, друг,— сказало Самое Старшее Яйцо. — Ты должен бежать, чтоб часы не остановились.

— Неужели остановятся?

— Конечно. Все бегут и думают, что бегут, потому что часы бегут. Ерунда. Часы ленивы. Они не сделали бы ни шажка, ни секундочки, если б не видели, что все бегут и надо бежать. Они бы спрятались где-нибудь в темном уголке, засунув стрелки за пазуху. Поэтому из каждого дома кто-то бежит, убегает, чтоб показать часам пример. Вчера из нашего гнезда убежало Бегучее-Яйцо. Из него никогда не вылупится птенчик, у него в желтке — бегучая идея. А теперь и ты беги дальше: ты же — Бегучий-Листок.

И Бегучий-Листок побежал дальше.

Вчера я случайно видел его.

Он бежал через большое поле, и он крикнул мне, сложив ладони трубочкой:

— Иди домой! Погляди: не встали ли часы? Скажи им, что мы бежим!

Я пошел домой и сказал Часам:

— Не тикайте так жалобно и не думайте снова встать. Посмотрите-ка, как все бегут для вас.

Бегучие-Реки,
Ползучие-Раки,
Плывучие-Рыбы,
Шальные-Собаки.
И люди, и звери, и звезды бегут:
Секунды,
минуты,
часы
берегут.
Я видел, как после вечерней зари
По улице к морю
Бегут фонари,
А в небе бегут, догоняя часы,
Созвездие Девы и Гончие Псы.

А бывает, что поздно ночью вдруг забьется на веревке Бегучая-Простыня. Вы только не пугайтесь, не думайте, что это привидение. Это просто Бегучая-Простыня из Бегучей Сказки.

Уже и ленты жаловались, и шарфы, и помпоны на шапке: дескать, Ветер им житья не дает, поймать норовит.

По соседству жила Прическа. Она-то была взволнована больше всех. У Ветра якобы нет ни стыда ни совести, ему безразлично, что нынче в моде. Он просто-напросто оболтус и недотепа.

Короче, Прическа пошла в магазин, купила полкило колбасы и колбасу эту отдала псу, которого звали Фунс.

А по-латышски «пес» будет «сунс». Вот и получился у нас Сунс Фунс.

Прическа отдала ему колбасу, чтоб он Ветер поймал и желательно растерзал.

За колбасу Сунс Фунс был готов на все. Не то что Ветер, он мог Тайфун взять за горло, чтоб Прическа повесила его где-нибудь над зеркалом.

Кроме того, у Сунса были с Ветром старые счеты. Когда Фунс был еще щенком — Ветер дразнил его с четырех концов. С конца морды, с конца хвоста и с обоих концов ушей.

Сунсу Фунсу было тогда очень щекотно. Он смеялся, и смеялся, и пересмеялся в конце концов, весь смех высмеял, осталась у него на сердце одна только злоба.

Вот и сейчас Ветер дразнил его. Сунс Фунс ел колбасу, а Ветер выхватывал из-под носа колбасный дух.

Колбасу-то Фунс лапой придерживал, а запах удержать никак не мог. А кому нужна колбаса без запаха?

—Ууууу! Уууу! Виииии! — загудела вдруг пустая бутылка. Это в бутылке выл Ветер.

Сунс кинулся на бутылку, схватил ее за горлышко и кинул в пруд.

— Бурлюр-мурлюр,— булькнула бутылка, захлебнулась и утонула. И тут же десяток ветропузырьков, ветерков-пузырьков, эдаких бурлюрмурлюрчиков взлетели в воздух и уселись на веревку. А на веревке висела простыня. Бурлюрмурлюрчики попрыгали, повертелись, покрутились и вдруг свились в один вихреветерок, захлопали простыней.

Сунс Фунс схватил простыню за хвост, втащил в дом и принялся терзать. А бурлюрмурлюрчики шмыгнули в открытую дверцу печки, вместе с огнем фыркнули в трубу.

Ветер вылетел в трубу,
Сунса видел он в гробу,—

закричала в саду какая-то ненормальная курица.

Сунс Фунс выскочил в сад.

А Ветер на крыше баловался с дымом, скручивал дымовые кольца, бросал их в небо.

Труба радовалась. Она пела и выла, обнявшись с Ветром. Увидев Сунса Фунса, Труба и Ветер засмеялись и слепили из дыма огромного Черного Слона.

Вот огромный Черный Слон!
Сунса Фунса слопал он,—

запели они, и Черный Слон вдруг ринулся вниз, размахивая дымным хоботом.

Сунс еле успел отскочить в сторону, и Слонище промчался мимо, влетел в одуванчики и рассыпался-растаял в небе. А из одуванчиков вслед за слоном поднялось в небо облако пуха.

А Ветер тем временем выкатил из трубы новые черные мешки дыма. Мешки эти покатились по крыше и вдруг превратились в стадо диких кабанов. Сунс отпрыгнул — кабаны ввалились в одуванчики, и новое облако пуха поднялось над землей.

— Однако! — воскликнул Сунс Фунс.— Дымных свиней тут еще не хватало.

А Ветер и Труба пели:

Сунсу Фунсу ум не дан:
Это пух, а не кабан!

Чтоб успокоиться, он понюхал одуванчик — и тут же пушистая шапка-головка рассыпалась, разлетелась в стороны.

— Однако! — воскликнул Сунс.

Он снова фыркнул, и новая пухголовка разлетелась перед его носом.

— Да у них Ветер внутри! — закричал Сунс Фунс, схватился лапами за нос и ясно почувствовал, как Ветер бегает по его собственному носу: туда-сюда, туда-сюда.

— Сунсы добрые! — закричал Сунс.— У меня Ветер в носу!

И он дунул в свою конуру.

Он бежал, бежал, и чем быстрее он бежал, тем сильнее свистел у него в носу Ветер: фии-фаа! Фии-фаа!

Сунс сунул нос в миску с водой, и миска забурлила: бурлюрмурлюр!

Сунс Фунс еще и нос из миски не вынул, как увидел вдруг одним глазом, как Ветер теребит хвост коня.

Волей-неволей пришлось Фунсу задуматься. Он стал чесать лапой за ухом.

«Надо подумать,— думал он.— Надо подумать».

Так он чесал за ухом и думал, но придумал только то, что само придумалось.

— Слушай,— сказал Сунс Коню,— зачем ты разрешаешь Ветру дуть себе в хвост?

— Пускай дует куда хочет. И в хвост и в гриву.

— Знаешь чего,— сказал Фунс.— Сунь на минутку хвост в озеро. Ветер выскочит, и тут я его схвачу.

Задом наперед Конь подошел к озеру, а сунуть хвост в воду не смог. Ветер играл хвостом, трепал его, теребил.

— Ладно,— сказал Сунс.— Теперь все понятно.

Сунс Фунс чувствовал, как проходит его злоба, а остается тоска по ушедшему дню, по Ветру, который красиво, как настоящий пес, завывал в трубе...

Ветер сидит у тебя в хвосте. Сейчас я его оттуда выгрызу. Ты только не лягайся.

Сунс подпрыгнул и вцепился в хвост Коню.

— Ну как дела?— спросил добродушный Конь.— Поймал, что ли?

— Не знаю. Надо подумать,— сказал Сунс, не отпустив хвост.

Так Сунс Фунс висел на хвосте и думал, но придумал только, что надо крепко, очень крепко задуматься.

— Ты можешь думать побыстрей?— сказал Конь.

— Могу,— ответил Сунс.— Ты знаешь, чего мне кажется? Мне кажется, что я все-таки поймал Ветер, чувствую странный вкус.

— Это вкус хвоста.

— А ты что — хвост едал?

— Хвост я не едал, а ветер пробовал.

— С чесноком или с луком?

— С сеном. В сарае через щели Ветер дует, так что я едал сено со сквозняком.

Тут Конь ударил хвостом, отмахиваясь от слепня, и Сунс упал на землю.

— Ищи ветра в поле,— сказал Конь и умчался, а Сунс Фунс побежал в поле.

Это было ржаное поле. А над полем, над колосьями ржи гулял, конечно, Ветер-Ржаной-ветер.

Посреди поля лежал большой камень. Сунс Фунс взобрался на камень и увидел, как катятся по полю ржаные волны.

Ветер играл колосьями ржи — и качалось поле, плескалось и перекатывалось, как море, как прибой.

Два часа бегал Сунс Фунс по полю, охотился на Ржанойветер и к вечеру совсем, бедняга, выбился из сил. Вывалив язык, побрел он домой.

А навстречу — Янцис. Печальный, тихий.

— Что с тобой?— спросил Сунс.

— Влетело мне,— сказал Янцис и махнул рукой.

— Влетело?— удивился Фунс.— Это Ветер в тебя влетел?

— Какой там ветер! Мать мне дома целую бурю устроила!

— Бурю? Но буря — это сильный ветер. Значит, Ветер сейчас в тебе?

— Тьфу!— плюнул Янцис.— Чего ты пристал? Я тебе говорю: мне здорово влетело. Мать бурю устроила! Понял?

Сунс Фунс уселся на землю и стал чесать лапой за ухом. «Буря и Ветер,— думал он.— Кабаны и Слоны. Одно влетает — другое вылетает. Боже мой! Что же делать? Как жить дальше?»

— Слушай, Янцис,— сказал Фунс.— Объясни мне, пожалуйста, где эта буря, которая в тебя влетела? Где она?

— В груди, друг,— сказал Янцис,— в душе.

— А выдохнуть ее никак нельзя?

— И то верно, друг,— сказал Янцис,— надо выдохнуть.— И он достал из кармана такую дуделку-сопелку.

Янцис дунул в дуделку, послышался первый тоскливый звук, и дрогнуло сердце Сунса Фунса, подпрыгнуло куда-то вверх, а обратно не вернулось.

Янцис играл, и Сунс Фунс чувствовал, как проходит его злоба, а остается только тоска по ушедшему дню, по Ветру, который так красиво, как настоящий пес, завывал в трубе, и главное — печаль по колбасе, которую он давно съел.

Сунс Фунс поднял голову и стал тихонько подвывать Янцису и его дуделке-сопелке.

Стоит ли мешать Ветру, когда он играется в листьях деревьев или в печной трубе? Перед настоящей игрой он всегда балуется — гудит и пищит, кривляется и дразнится. Многие думают, что это он нарочно все портит, всем вредит. Нет, Ветер только готовится играть. И так он играется, играется, пока не начнет играть.

— А ты что замолчал, Янцис?— спросил Сунс Фунс.— Уже всю бурю выдул?

И Янцис снова заиграл на своей дуделке, а Сунс Фунс стал подвывать.

Нынче и прежде, во все времена, воют собаки, подвывают псы — если трубит труба, играет могучий орган или простая гребенка поет сквозь папиросную бумагу о путях-дорогах Ветра в большом мире.

Перевел с латышского Ю. КОВАЛЬ.

Будут образованы, очеловечены, счастливы

Весной 1872 года художник Перов приехал из Москвы в Петербург, чтобы сделать для Третьяковской галереи портрет писателя Федора Михайловича Достоевского. В то время Федор Михайлович работал над новым романом. Он напряженно трудился днем и ночью, ни с кем не хотел встречаться. Никто не верил, что его можно уговорить позировать для портрета. Но с первых же слов между художником и писателем возникла добрая дружба: они сразу заговорили о детях.

Достоевский горячо любил детей. Дети — герои многих его произведений. Он писал о детях несчастных, обездоленных, погубленных несправедливой, жестокой жизнью. Дети в романах Достоевского страдают от нищеты, от издевательств и побоев, с самых ранних лет они должны тяжким, часто унизительным трудом зарабатывать себе кусок хлеба. На каждом шагу они видят зло, неравенство богатых и бедных, ложь, безжалостное отношение людей друг к другу. Достоевский всем сердцем сострадал детям, он говорил, что дети не должны страдать, что воспоминания о детстве должны быть самыми светлыми воспоминаниями человека...

Среди героев картин художника Василия Григорьевича Перова мы тоже нередко встречаем детей.

Вот знаменитая «Тройка»: два мальчика и девочка, запряженные в сани, выбиваясь из последних сил, волокут огромную бочку с водой. Суровый мороз; вода, выплескиваясь из бочки, тотчас застывает на ее стенках бесчисленными сосульками. Встречный ледяной ветер насквозь пробивает рваную одежонку детей. Спасибо, какой-то добрый прохожий помогает им втащить сани на пригорок. Быстро сгущаются зимние сумерки. Вьюжная улица пустынна. Только «тройка» измученных детей, едва переставляя ноги, тянет свою непосильную ношу.

К названию картины Перов приписал: «Ученики мастеровые везут воду». В ту пору двери школ были закрыты перед бедняками. У доведенных до нищеты родителей не было средств не только учить, но даже хоть кое-как накормить детей, спасти их от голодной смерти. Хорошо, что детям не приходилось просить милостыню, если удавалось пристроить их в ученье — на фабрику или в мастерскую, в магазин или в лавку. Хозяева заставляли учеников выполнять самую тяжелую, самую черную работу, а «в награду» маленьким рабам доставались скудная пища, грязные лохмотья, грубые издевательства и оскорбления...

Перов был одарен не только талантом живописца. Иногда он писал рассказы. Эти рассказы всегда были правдивыми, так же, как и его картины.

Картина «Тройка» была уже начата, вспоминал Перов, но ему никак не удавались лицо и фигура среднего «ученика». А именно он, едва ли не первый, привлекает внимание зрителей.

Весной, в погожий солнечный день, художник бродил близ городской заставы, приглядывался к прохожим. Вдруг он заметил на дороге женщину с мальчиком — и тотчас понял, что вот такого мальчика он мучительно и долго искал. Перов разговорился с путниками. Новые знакомые шли из рязанской дерев-

Какие внимательные глаза у художника на портрете! Он пристально изучает мир, который собирается запечатлеть на холсте.

Глядя на спящих крестьянских детей, вспоминаешь слова другого замечательного художника: Михаил Нестеров говорил о своем учителе, что у Перова не только сильный талант, но и горячее сердце.

ни, добрались до Москвы, а переночевать было негде. Художник привел их к себе в мастерскую. Там он показал гостям начатую картину и попросил позволения написать с мальчика портрет.

Пока он работал, женщина рассказывала ему про свою жизнь. Звали крестьянку тетушка Марья. Судьба ее не баловала. Жила она в бедности, похоронила мужа, детей. Осталось у нее одно утешение — двенадцатилетний сынок Васенька.

Художник слушал печальную повесть, а на холсте с каждым движением кисти все явственнее показывалось лицо мальчика. Запряженный в тяжелые, неподатливые сани, с трудом шагающий навстречу холодному ветру, он будет теперь напоминать зрителям о трудной доле многих детей вокруг.

покойника»; ее называют также «Похороны крестьянина». Снова зима, мороз, серые сумерки; но уже не городская улица, а заснеженное поле. Усталая рыжая лошадка, понурив голову, везет широкие крестьянские дровни. В них простой, наскоро сколоченный гроб, обвязанный веревкой и покрытый рогожей. Рядом пристроились дети: мальчик в большой отцовской шапке, в старом, не по росту, отцовском тулупе и девочка — замерзшей рукой, без варежки, она обнимает гроб. Мать правит лошадью. Она сидит в санях спиной к зрителям. Но как много передал художник в этой печально сгорбленной спине! Зритель сразу чувствует и боль утраты, и безысходную думу женщины о завтрашнем дне. Тяжелая судьба крестьянской семьи, потерявшей кормильца, ясно рисуется ему.

Вот она — перовская «Тройка». А этот мальчик — с картины «Чаепитие в Мытищах» — он поводырь у слепого безногого солдата. Искусство, говорил художник, должно пробуждать самые «высокие чувства души человеческой».

Прошло около четырех лет. Картина «Тройка» давно висела в Третьяковской галерее. Однажды рано утром к Перову пришла нежданная гостья — деревенская старушка в полушубке и больших, покрытых грязью лаптях. Художник едва узнал в ней тетушку Марью. Она рассказала, что прошлым летом ее Васенька заболел и умер; неутешная мать продала весь свой скарб, зиму работала, скопила немного деньжонок и теперь хочет купить картину, где нарисован ее сынок. Перов объяснил тетушке Марье, что купить картину нельзя, а посмотреть можно. Картину «Тройка», мальчика Васю уже знают и еще узнают многие тысячи людей. Искусство живописи подарило Васе вечную жизнь.

В галерее крестьянка опустилась на колени перед полотном. Это была горькая и дорогая награда художнику...

Не менее знаменита картина Перова «Проводы

Никто — ни родня, ни соседи — не провожает покойного в последний путь. Только дворовая собачонка бежит за дровнями. А кругом белая, холодная равнина, мрачное, мглистое небо.

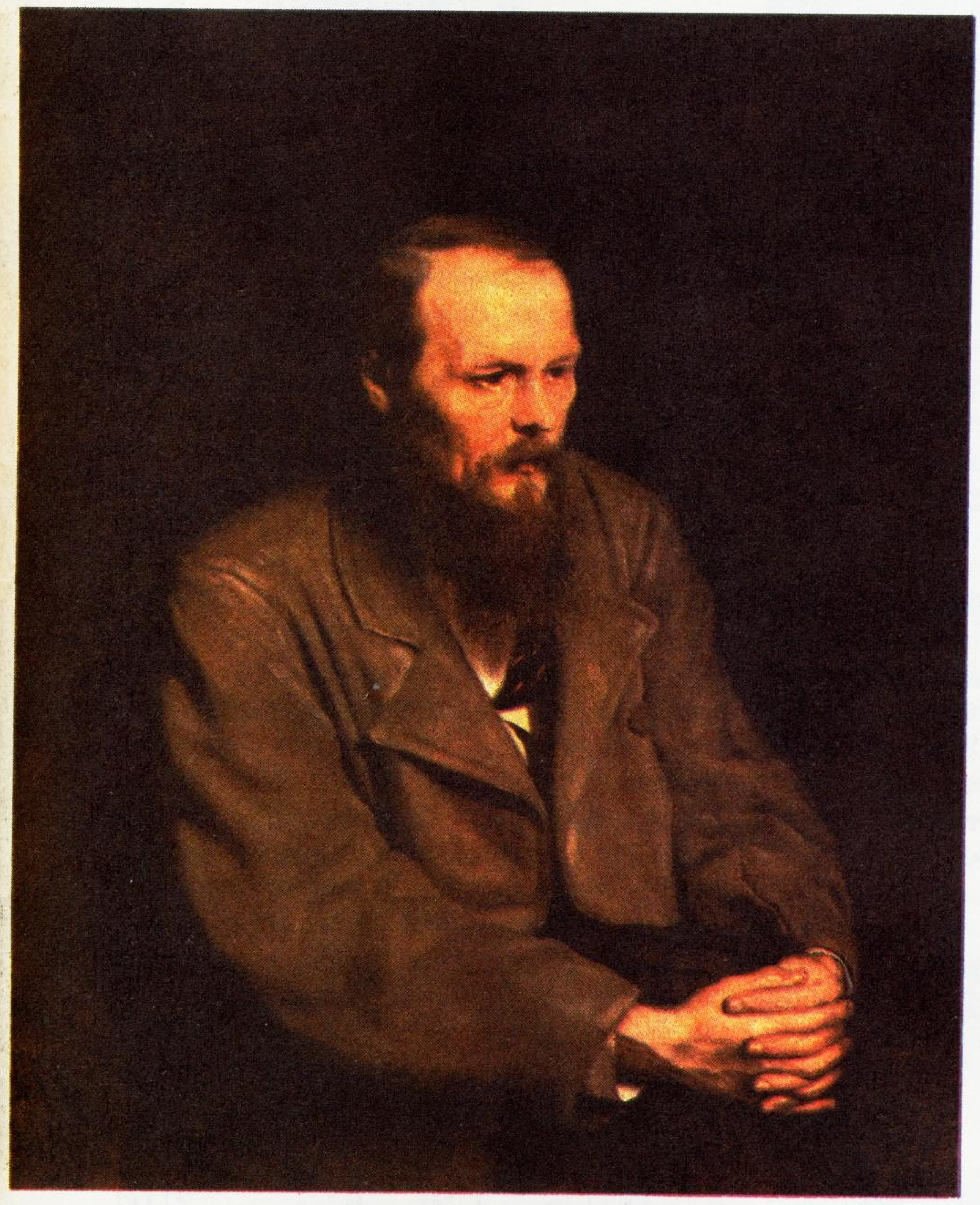
О незаметной смерти крестьянина художник рассказал как о большом, касающемся многих людей горестном событии. «Точно одна из миллионов птичек замерзла на дороге, и никому на целом свете нет дела ни до жизни ее, ни до смерти»,— писал критик Стасов, когда увидел эту картину.

И такими же никому во всем мире не нужными остались написанные Перовым крестьянские дети. Что ждет их? Голод, беспросветный, тяжкий труд, нищенская сума, или, может быть, матери повезет и она сумеет пристроить их в услужение к сельскому богатею или отдать на выучку в город — и они станут «учениками мастеровыми», точь-в-точь такими, которых изобразил художник в своей «Тройке»...

«Тут все правда»,— говорил Достоевский о полотнах Перова. И прибавлял, что это «та художественная правда, которая дается только истинному таланту».

Картины Перова не просто знакомили зрителей с жизнью народа. Они звали людей, художественной правдой заставляли их сочувствовать народным страданиям. Заставляли думать о том, как устроить жизнь по-новому, чтобы не приносила она этих страданий.

Глубоко, напряженно, мучительно думающим изображен Достоевский на портрете, написанном Перовым. Как выразителен его высокий, бледный лоб, его устремленный «в себя» взгляд, как выразительны его крепко сцепленные руки!.. Сколько в них страдания и вместе необоримой силы!



«...Перов уловил на портрете «минуту творчества Достоевского»,— рассказывает жена писателя.

Пока Перов трудился над портретом, Достоевский пристально наблюдал за художником. Спустя некоторое время он проницательно точно рассказал о работе портретиста: «В редкие только мгновения человеческое лицо выражает главную черту свою, свою самую характерную мысль. Художник изучает лицо и угадывает эту главную мысль лица, хотя бы в тот момент, в который он списывает, и не было ее вовсе в лице...»

Великие художники слова и кисти всегда мучились бедами своего народа и всегда верили в его счастливое будущее. Достоевский писал о несправедливой жизни, в которой детям плохо, в которой «детям нельзя оставаться детьми», но верил, что когда-нибудь наступит пора — все граждане России будут «образованы, очеловечены и счастливы». В полотнах Перова мы угадываем ту же веру в будущее.

Вл. ПОРУДОМИНСКИЙ

ЗА СТРАНИЦАМИ ТВОЕГО УЧЕБНИКА

Древнее здание „Слова..."

Почти восемьсот лет назад князь Игорь Новгород-Северский вместе со своим братом Всеволодом Трубчевским совершил неудачный поход на половцев.

Дружина их была разбита, а сам Игорь попал в плен и лишь чудом смог бежать из него.

Такие походы не были большой редкостью: воевать приходилось часто. Но мы помним именно о Новгород-Северском князе и его походе на половцев. Помним потому, что прославил его автор древнерусского «Слова о полку Игореве».

Мы не знаем его имени. Но нам знакомы имена замечательных людей — переводчиков «Слова...». Это и учитель Александра Сергеевича Пушкина поэт Василий Андреевич Жуковский, и советский писатель Иван Новиков, и поэт Игорь Шкляревский, и многие-многие другие.

Ты спросишь: зачем они все переводили столько раз одно и то же произведение? Почему оказалось мало одного перевода?

Представь себе, что нам нужно перевезти с одного места на другое огромное древнее здание. Под его фундаментом начинает оседать почва, и если мы оставим все, как есть, то ему грозит разрушение. Как мы поступим? Наверное, так же, как поступили археологи и строители, спасая древнеегипетские храмы Абу-Симбела, когда тем грозило затопление. Памятники были распилены (очень осторожно!) на равные части, перевезены на высокую площадку и собраны вновь.

Но при чем здесь «Слово о полку Игореве»? А при том, что древний памятник литературы тоже надо переносить — из далекой эпохи в нашу, современную.

И переносить так, чтобы ничего не разрушить. Но одному человеку такая задача не под силу. Поэтому каждый перевод в чем-то уступает подлиннику. Переводчик хочет приблизить «Слово...» к читателям — своим современникам и подчеркивает в переводе то, что им понятнее и ближе. И если мы хотим лучше понять «Слово...», то должны читать разные переводы, замечать, чем они отличаются, а в чем схожи.

Например, Аполлон Майков, поэт конца прошлого века, стремился передать доверительное обращение автора «Слова...» к читателю и слушателю. Почему? Потому, что на время жизни Майкова приходится расцвет русской лирической поэзии.

Оттого-то и его перевод напоминает большое лирическое стихотворение:

Ночь редеет. Бел рассвет проглянул,
По степи туман понесся сизый...

Прислушайся: переводчик рассказывает тебе о событиях так, как будто он сам в них участвует, сам видит и белизну рассвета, и сизый туман, и кровавые тревожные зори:

И в другой день, полосой кровавой,
Повещают день кровавый зори...
Идут тучи черные от моря,
Тьмой затмить хотят четыре солнца...

Другая, пожалуй, самая сложная и важная задача стояла перед замечательным советским поэтом Николаем Алексеевичем Заболоцким. Свой перевод Н. Заболоцкий закончил после Великой Отечественной войны. Он стремился обратить наше внимание на то, что «Слово о полку Игореве» — это военная повесть о мужестве русских воинов и что главная цель автора — прославить Русскую землю и ее защитников:

Игорь к Дону движется с полками.
А беда несется вслед за ним:
Птицы, поднимаясь над дубами,
Реют с криком жалобным своим...
О Русская земля!
Ты уже за холмом.

По-другому поступил крупнейший специалист по древнерусской литературе академик Дмитрий Сергеевич Лихачев. Он стремился к исторической точности и поэтому сделал более близкий к оригиналу «Слова...» перевод. Вот как выглядит у него описание битвы Игоря с половцами: «Вот ветры, внуки Стрибога, веют с моря стрелами на храбрые полки Игоря. Земля гудит, реки мутно текут, пыль поля прикрывает, стяги говорят: половцы идут от Дона и от моря и со всех сторон русские полки обступили».

Молодой московский поэт Андрей Чернов заинтересовался: а нет ли в «Слове о полку Игореве» рифмы? Конечно, если она есть, то она, так же как и ритм, непохожа на нашу, современную: **неба — хлеба,** например. У нее наверняка есть свое лицо, но от нас оно как бы спрятано за маской. И пока мы эту маску снимать не научимся, рифму мы не разглядим. А. Чернов сумел ее увидеть и подчеркнуть в своем переводе:

*Ни мысл**ию смыслить,***
*ни ду**мою сдумать,***
*ни очами сквозь слезы **увидать!***
А золотом да серебром
*Вовек не **поиграть.***

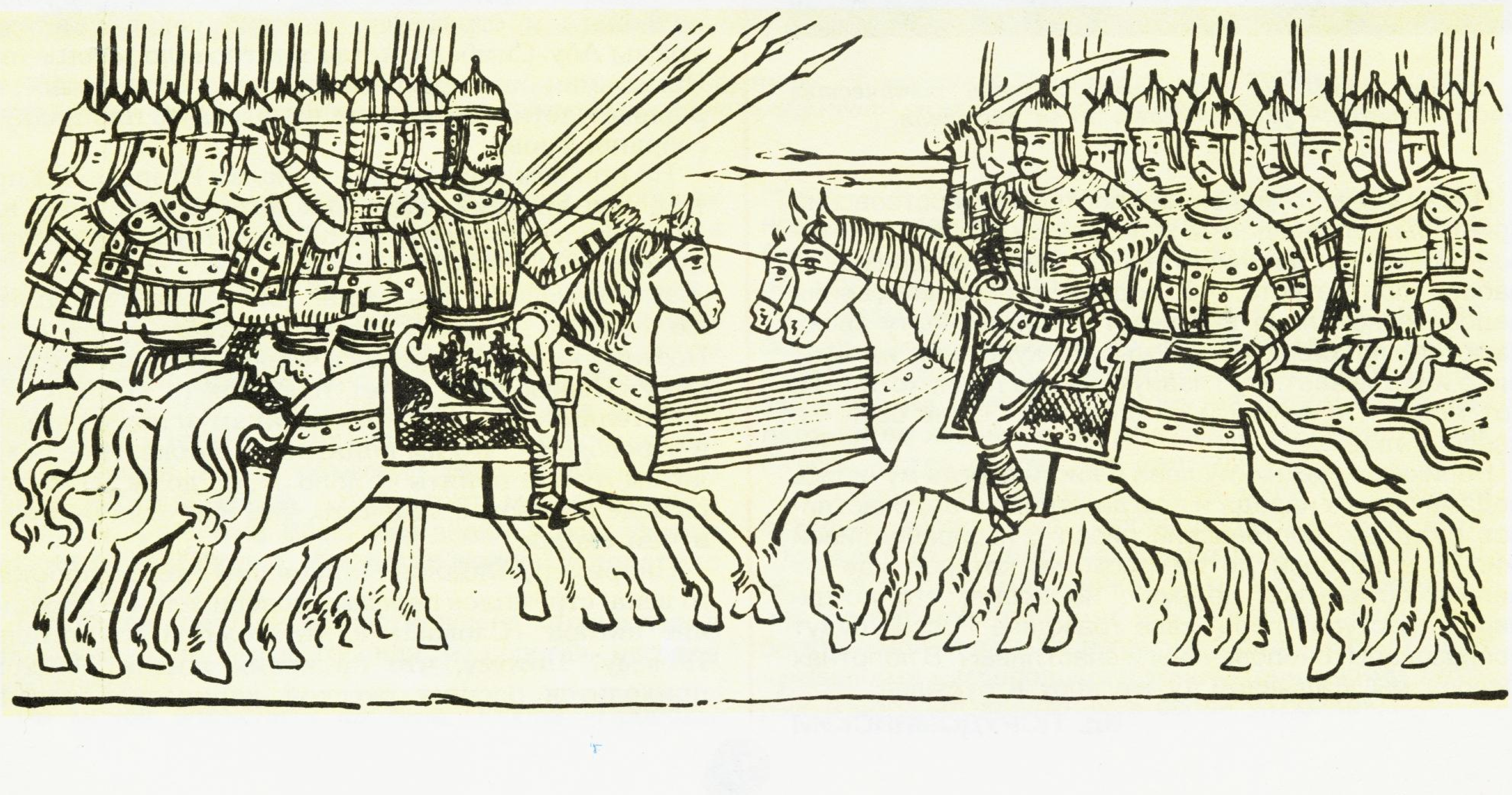
Так что переводчик должен быть еще и исследователем, и внимательным читателем, чтобы выполнить свою трудную задачу.

А вот совсем недавно, в сентябре 1981 года, «Пионер» напечатал пересказ «Слова...» писателя Леонида Яхнина, рассчитанный специально на первое знакомство с бессмертным памятником древнерусской литературы. Пересказ разбит на «главки»: Поход, Первая битва, Кровавая сеча. Вот как — просто и поэтично — звучит в главе «Золотое слово Святослава» рассказ князя о непонятном сне: «Снилось мне, будто черным меня полотном укрывали. Будто синим вином угощали, синим вином пополам с печалью... Будто терем мой златоверхий с конька разбирали...»

Переводчики — бескорыстные друзья автора. Они ничего не придумывают в своих переводах, говорят только то, что есть в оригинале. И если мы, читая новый перевод «Слова...», удивляемся внимательности переводчика: «Вот что заметил!» — то еще больше мы должны удивляться богатству самого «Слова...», мудрости его автора. Он одновременно писал и военную повесть, и лирическое обращение, пользовался и прозой, и стихами, и рифмой, и ритмом. А мы знаем, что чем изобретательнее зодчий, чем крепче материал, тем долговечнее памятник.

В нашей стране переводы «Слова...» выходят часто и огромными тиражами. Открой одну из таких книг — «Слово о полку Игореве», которую выпустило издательство «Молодая гвардия». Здесь и лучший перевод Н. Заболоцкого, и новый перевод А. Чернова, и размышления переводчиков о «Слове...». А предисловие к книге написал академик Д. С. Лихачев.

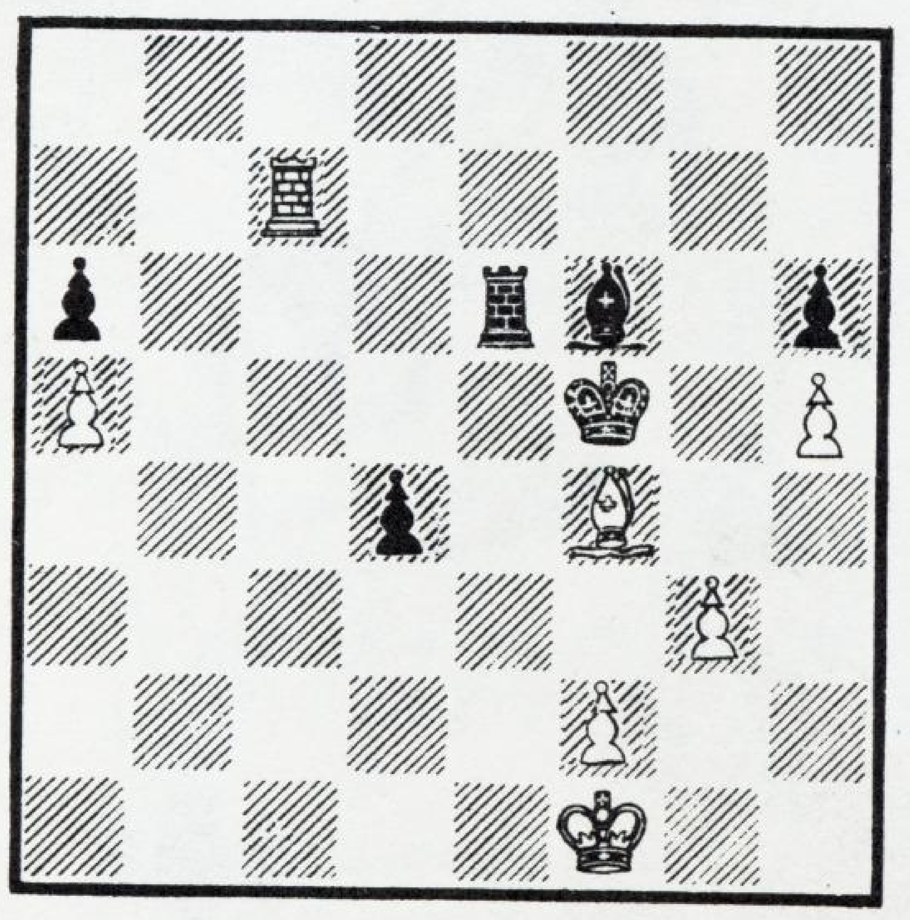
А. АРХАНГЕЛЬСКИЙ



Молодец, Алеша!

Четырнадцатилетний школьник из Железноводска Алексей Дреев стал победителем чемпионата мира среди юношей до шестнадцати лет. Эти соревнования проводились в Колумбии. Из десяти возможных очков советскому школьнику удалось набрать $8^1/_2$. За выдающееся спортивное достижение его имя занесено в Книгу почета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина.

Не первый раз Алеша участвовал в юношеских соревнованиях. Больше всего ему нравится играть в боевом, активном стиле, но неплохо он владеет и шахматной техникой, умеет последовательно использовать даже небольшой материальный перевес. Посмотрите, как ему удалось это сделать в партии с английским международным мастером Д. Ходсоном, в которой Алеша Дреев играл белыми.

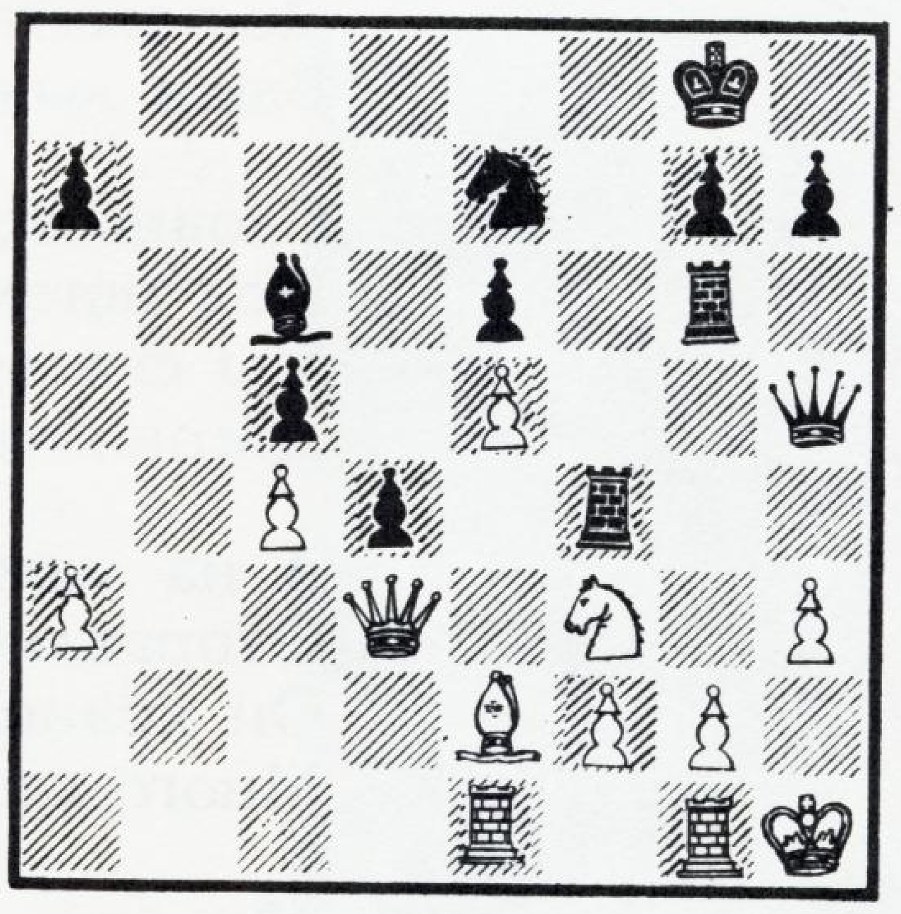


56. f2—f3! (Первым делом надо ограничить сферу деятельности черного короля) 56... Лe6—e8 57. Лc7—c5+ Крf5—e6 58. Лc5—c6+ Крe6—e7 59. Лc6:a6 Лe8—c8 60. Лa6—a7+ Крe7—e6 61. Лa7—c7 Лc8—a8 62. Лc7—c6+, и черным пришлось капитулировать.

О ребятах из тульской школы

В 45-й тульской средней школе очень любят шахматы. В школьную команду, которая выступала на соревнованиях клуба «Белая ладья» в этом году, входили Игорь Алифанов, Илья Ламан, Кирилл Васильев, Рафик Гафуров и Света Рогова.

Рафик Гафуров показал ряд интересных партий.



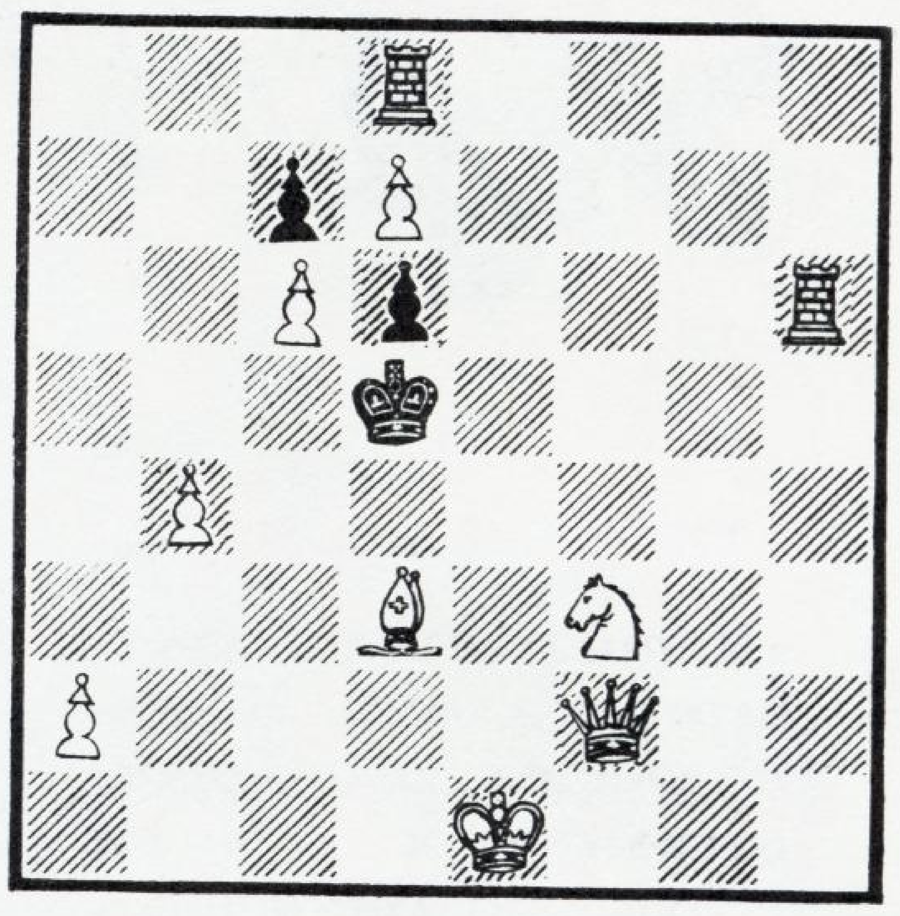
К этому положению пришел поединок В. Мхитарян (Краснодарский край) — Р. Гафуров (Тула). Белые неудачно расположили свои фигуры, и позиция короля у них ненадежна. Первым делом Рафик оттеснил белого ферзя от обороны уязвимых пунктов:

24... Сc6—e4! 25. Фd3—b3 d4—d3! 26. Сe2:d3 (и при отступлении слона на d1 удар на f3 смертелен) 26... Лf4:f3 27. Лe1—e3 Фh5:h3+. Белые сдались, они получают мат.

Новогодний конкурс

В новогоднем конкурсе — две необычные задачи. Обе любимые задачи Пешкина. И понятно, почему: главные действующие лица в этих задачах — пешки.

Белые пешки устремились к восьмой горизонтали. Как надо играть белым, чтобы дать мат в три хода? Когда решите эту задачу, переставьте белую пешку d7 на f7. Получится новая задача с прежним заданием — мат в три хода.



В этой любопытной задаче-двухходовке пять решений. Все зависит от положения пешки. Найдите, как решается задача в позиции диаграммы. Впрочем, одно решение мы вам подскажем. 1. a2—a4 Крd5:c6 2. Сd3—e4, мат.

А теперь двигайте пешку a4 на одно поле вперед по маршруту a5, a6, a7, a8. При любом из этих продвижений возникает новая задача. Задание то же — мат в два хода.

Нелегко пришлось Алеше Дрееву в борьбе за звание чемпиона. Но тем радостнее победа. Да и как не улыбаться, если тебе четырнадцать и впереди еще так много ожидает.

«Я пишу стихи с четвертого класса. Недавно увидел новогоднюю открытку и сочинил стихи про снеговика». Саша БАРЫШЕВ, 7-й класс, город Ногинск.

Снеговик

В большущем цилиндре,
Собой невелик,
В глубоком сугробе
Стоит снеговик.
Веселые глазки,
Морковкою нос.
Его на салазках
Мальчишка привез.
Стоит человечек
С метлой на посту.
И видно на горке
Его за версту.

*

Маританне СУДИК из Новосибирска 10 лет. Эти стихи она сочинила, когда ей было 8 лет и она училась во 2-м классе.

Сны

Я снеговика слепила во сне,
Потому что было много лета.

Я ромашку сорвала во сне,
Потому что было много снега.

А потом снеговику из снега
Я искала ведро для шляпы.

А потом ромашку из лета
Подарила бездомной собаке.

«Легко или трудно мне писать стихи? Они сами появляются у меня в голове, иногда я их записываю. Правда, потом приходится над ними поработать. Читаю я много, но больше прозу. Из поэтов, кроме Пушкина, мне нравятся Есенин и Никитин». Оля СТАНКЕВИЧ. Живет Оля в Воронеже, ей 12 лет.

Догоняйте!

Снег кружится, серебрится,
И сверкает лед реки.
Доставайте-ка, ребята,
Ваши лыжи и коньки!

Словно зеркало, искрится
Под ногами гладкий лед.
Мы скользим легко, как птицы...
Догоняйте! Кто вперед?

А на лыжную прогулку
Отправляйтесь в зимний лес.
Он хранит для вас (услышьте!)
Много сказок и чудес.

*

Лиза ВОЛОКИТИНА живет в Обнинске. Ей 11 лет. Она с удовольствием читает наш «Кораблик» и сама с девяти лет пишет стихи.

Лыжня

Блестящею лентой мелькнула лыжня.
Она так и манит и манит меня.
Надену-ка лыжи и в лес побегу
Узнать, как деревья ночуют в снегу.

Володя КУЗНЕЦОВ из Ярославля — пятиклассник. У него много хороших стихов. Вот два из них.

Зима

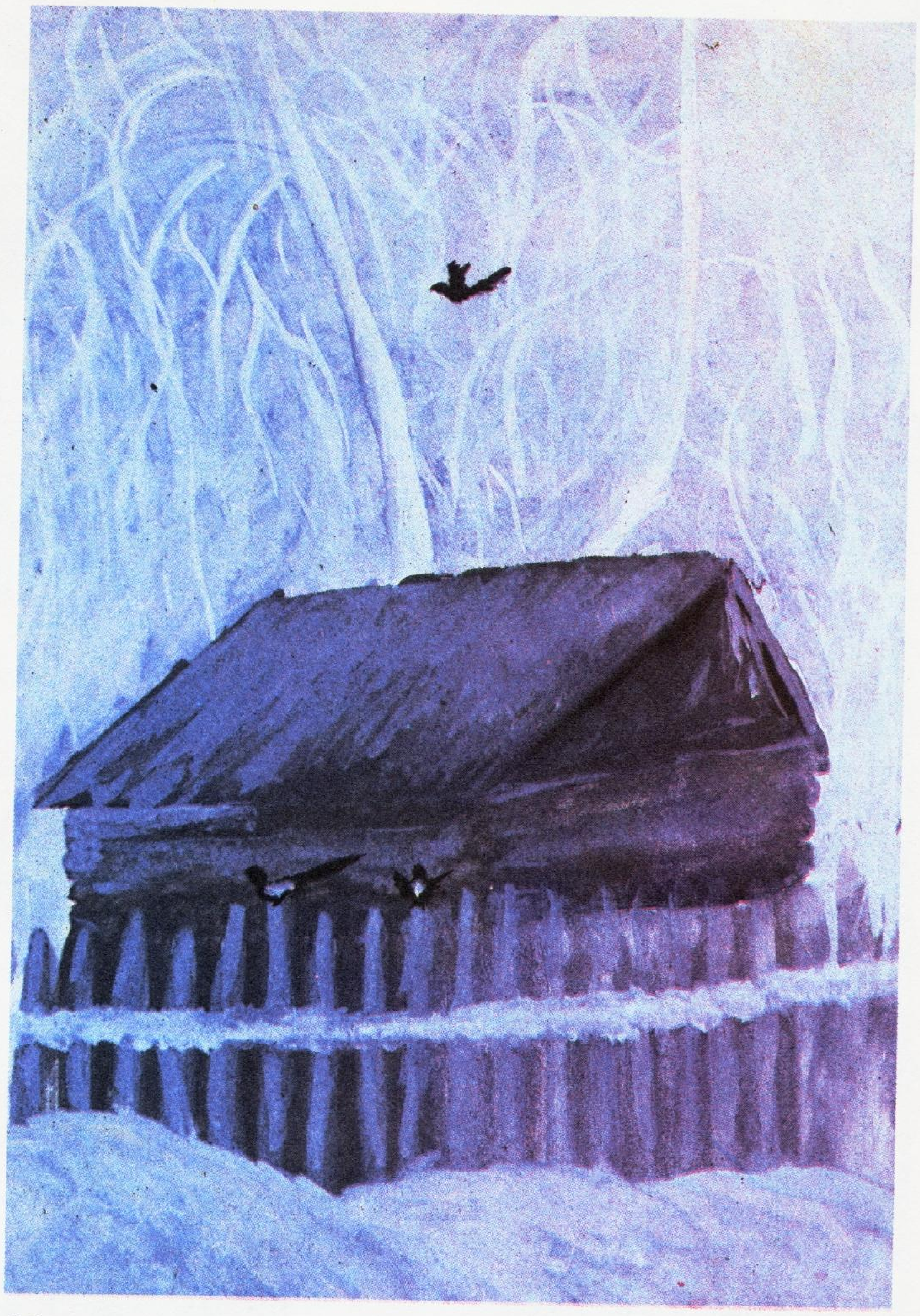
Настали зимние деньки,
Я наточил свои коньки,
По свежему ледочку
Я прочертил кружочки.

В каникулы

Вот книг знакомых переплеты
Из шкафа смотрят на меня.
В одной — спартанские илоты
Идут войною на царя.

В другой — захваты Карфагена,
Там — полководец Сципион.
Боев ужасная арена,
А посреди — центурион.

Воюют Рима легионы,
Наступит их победный час!
Я восхищаюсь Сципионом,
Читаю про него сейчас.



Обе эти картинки называются одинаково: «ЗИМА». Вверху — работа Веры РАЗОРЕНОВОЙ, внизу — рисунок Люды ЕДИМЕНТ.

❋

«Недавно я сочинила стихотворение «Вселенная», потому что мне никак не верится, что Вселенная беспредельна». Вера СЛОВИКОВСКАЯ, Свердловск.

Вселенная

Нет Вселенной измеренья
Нет конца ей, нету края.
Как же так? Не может быть!
Я сижу и размышляю:
Есть окружности у круга,
Можем мы измерить угол,
Есть предел всему, везде —
Горю, жизни и беде;
Есть концы дорог, селений,
Есть границы городов...
Нет предела лишь Вселенной!
Как же так, в конце концов?
Что за этой массой звезд,
Что дают нам столько света?
Как же труден тот вопрос,
На который нет ответа...

❋

Инга САНОЧКИНА — член кружка юных корреспондентов Дома пионеров города Шелехова Иркутской области. Эти стихи она написала в 5-м классе, а сейчас она уже на класс старше.

Снег

Снег, снег, белый снег!
Тут и шутки, тут и смех.
Снеговик на бугорке
С хворостиною в руке!
А на санках очень ловко
С горки вниз скатился Вовка.
И за ним толпой вдогонку
И мальчишки, и девчонки.
Рады снегу, ветру рады,
Нет для них милей отрады.

Володе ВОЛКОВИЧУ 13 лет, он учится в 7-м классе, живет в городе Грозном.

Звезда

Ночная природа заснула,
Деревья стоят в тишине.
Звезда одиноко блеснула,
И грустно и радостно мне.

УМА ПАЛАТА

Рисунки А. Вовиковой.

Дельный совет

Две белки-сестрицы
Орехи собрали.
И дружно и складно
Все было вначале.
Но спор разгорелся:
А как поделить?!
Всё спорят и спорят —
Не могут решить.

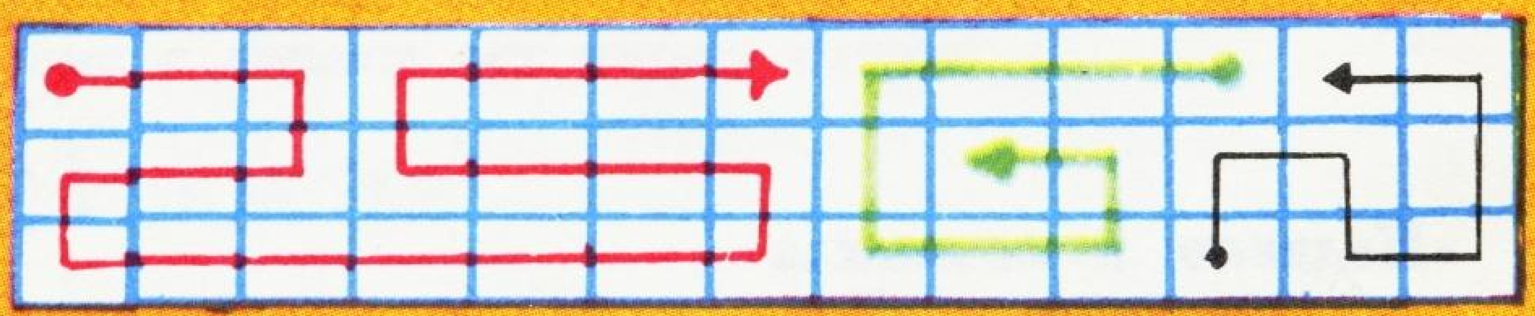
Тут в дело вмешался
Догадливый еж:
— Потише, голубушки!
Что за галдеж?
Вы криками скоро
Разбудите эхо!
Поменьше раздоров,
Побольше ума:
Пусть старшая сядет,
Разделит орехи,
Пусть младшая
Выберет кучку сама!

И миром закончился шумный дележ!
Без лишнего жара, без лишнего пыла.
Довольны сестрицы, доволен и еж.
...Как старшая белка орехи делила?

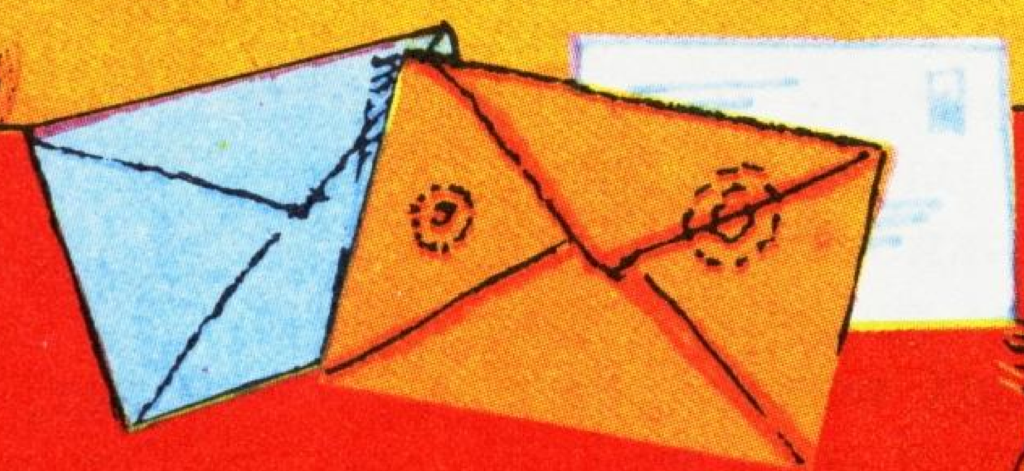
Живживка

Колючая депеша

П	У	С	Г	Л	А	З	Р	Т	С	О	!	Ы
Б	Ь	Т	И	М	У	Й	Ы	К	А	О	И	Л
У	Д	У	Т	Т	В	О	М	И	К	М	И	Г



Проследи за стрелками три раза,
Собирая буквы по одной,
И тогда депеша дикобраза
Явится сама перед тобой!



ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 12

Капитан Перо ищет помощника

По незримым следам: в каждой части сумма 26; числа первой части — 11, 12, 1, 2; второй — 10, 9, 3, 4, третьей — 8, 7, 6, 5.

Почему смеется осел: слова торговца противоречат друг другу.

Игры Лупы и Пинцета

Ответы: Бурунди, Ангола.

Игры Лупы и Пинцета

КОНКУРС!

Созвездье Пса за полчаса!

Созвездье Пса за полчаса
Обследует не каждый!
Детальный план продумай сам!
Проверь по карте дважды!

Друзья! Перед вами контур собаки, составленный из пятнадцати квадратов. В каждом квадрате — звездочка. Мы назвали эту фигуру Созведием Пса. Ваша задача состоит в том, чтобы закрыть все звездочки марками пятнадцати стран: Австрии, Болгарии, Венгрии, Греции, Испании, Италии, Румынии, СССР, Турции, ФРГ, Финляндии, Франции, Швейцарии, Чехословакии, Югославии. В двух рядом расположенных квадратах могут быть марки только граничащих между собой государств. Границами считаются только вертикальные и горизонтальные линии клеток (углы не считаются).

Подсказываем вам, что нос собаки — Турция. За правильно и хорошо оформленные ответы будут присуждены премии — кляссеры с марками.

Примечание: для того, чтобы легче было решать задачу, можно вырезать из картона пятнадцать квадратов и на них написать названия стран.

Капитан Перо ищет помощника

Ракета на старте

Ты хочешь пролететь сквозь тучи
К далеким звездам?! Славный путь!
Но обеспечь себя горючим.
Задачи в этом соль и суть.

Примечание: горючим для ракеты должны послужить числа, которые вы получите, если расшифруете примеры на всех трех ступенях. В каждом из этих правильно решенных примеров на сложение цифры затем были заменены буквами. Одна и та же буква в каждом примере заменяет одну и ту же цифру. Подумайте и найдите цифровые значения букв. Для этого присмотритесь повнимательнее прежде всего к тем буквам, которые стоят под чертой (в суммах). Например, на первой ступени в сумме две последние буквы одинаковы, хотя получены от сложения разных букв. Когда это случается с числами? Ну, скажем, 1+1=2, а 6+6=12... Такие наблюдения над свойствами чисел и должны помочь вам решить задачу. Числами из полученных трех сумм заполните кружочки в камере с горючим.

Сладок медок в зимнюю пору!

Простудилась я в каникулы и заболела. Мама стала лечить мое горло горячим молоком с медом. Ела я этот мед и вспоминала лето.

Лето я провела у дедушки в деревне. Как-то раз дедушка позвал меня и сказал: «Пойдем-ка, внучка, мед качать!»

У дедушки есть своя небольшая пасека, но я редко к ней подходила — пчел боялась. Дедушка дал мне сетку, чтобы пчелы не покусали лицо, дал и дымарь — прибор, которым пчел окуривают. Подходим к первому улью — ух, жутковато! Но дедушка не боится, привык. И я тоже перестала бояться. Подымила немного в леток — пчелы дыма как огня боятся,— и дедушка начал свою работу. Снял крышку с улья, перебирает рамки с медом. Которые потяжелее — те в одну сторону откладывает, их качать будет, а те, что полегче, на месте оставляет, пусть пчелки еще потрудятся.

Набрали мы целую сумку меда. Вот здесь-то самое лакомство. Подсолнечный мед прямо во рту тает. А запах какой!

После этого дедушка все говорил: «Дам тебе, внучка, с собой медку! Будешь зимой есть и деда вспоминать». А я дедушку и так вспоминаю. И вылечусь скоро дедушкиным медком.

Галя БЫКОВА,
р/п Алексеевка Саратовской обл.

С днем рождения, бабушка!

Скоро у моей бабушки день рождения. В этот день к ней придут гости, и наверняка она будет рассказывать нам какие-нибудь истории.

Когда бабушке было одиннадцать лет, ее отдали в няньки в соседнюю деревню. Хозяйка, в доме которой она стала работать, первым делом повела ее в магазин и купила недорогое новое платье. Как радовалась тогда бабушка: это была ее первая новая вещь. Целыми днями бабушка работала в этой семье — ходила за водой на речку, пекла хлеб, присматривала за детьми. А однажды, рассказывает бабушка, она везла на санках ведро с водой и решила прокатиться с горки. Оттолкнулась и поехала. А в это время по дороге мчались другие сани, и бабушка не успела притормозить. Она не разбилась, только коленку поранила. Пришла домой, прихрамывая, а хозяйка спрашивает: «Где ты была, София, неужели на горке каталась?» Но ругаться не стала, а отправила ее в больницу.

Так и жила бы бабушка в этой деревне, если бы однажды не пришла туда учительница записывать детей в школу. Она сказала хозяйке, что девочке надо учиться. И бабушка вернулась домой.

Я очень хочу, чтобы бабушка пришла к нам в школу на классный час, потому что слушать ее очень интересно.

Света ХАЛИТОВА,
Краснодарский край.

СОДЕРЖАНИЕ

Отряд говорит с отрядом 1
Тэдди из Гамбурга.— Рассказ Ю. Качаева, Э. Шарапова 3
60 лет с именем Ленина.— Литературная запись А. Мясниковой, Т. Шароновой 7, 19, 47
К 80-летию со дня рождения А. П. Гайдара
Пропавшее письмо.— Л. Симонова. Фотографии В. Крупского 8
Большие неприятности.— Роман А. Маркуши. Рисунки В. Мочалова 20
Я рисую на снегу.— Стихотворение В. Степанова 34
Малая пионерская энциклопедия 35
Самостоятельное решение
Мой первый друг — мой друг бесценный.— А. Перфильева. Рисунок М. Петрова 36
Шестой урок. Гимнастка. Мы красим парты.— Стихи М. Вейцмана. Рисунок Ю. Карповой 39
Международный пресс-центр «Пионера» 40
На рубежах пятилетки
На «железной» земле.— Г. Кублицкий. Рисунки А. Борисова 44
На научной волне 48
Гербы и флаги.— Рисунки А. Гришина 50
Бегучая сказка. Сунс Фунс.— Сказки И. Зиедониса. Рисунки Л. Хачатряна 51
К 150-летию В. Г. Перова
Будут образованы, очеловечены, счастливы.— Вл. Порудоминский 55
Что нам читать? 57
В стране шаха — владыки черных и белых полей.— Фотография В. Носова 59
«Кораблик» 60
Ума палата 62
Сами о себе 64
«Переменка» .... III обл.
Учителя, вы в нашем детстве остаетесь.— Музыка Ю. Чичкова. Слова М. Пляцковского. Рисунок П. Пророкова .... IV обл.

На обложке:
60 лет с именем Ленина.— Фотография Б. Задвиля.

Главный редактор С. А. ФУРИН.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

А. Л. АМПЕЛОНОВ, Т. А. ГАЙДАР, В. К. ЖЕЛЕЗНИКОВ, В. И. ИВАНОВ, В. П. КРАПИВИН, А. И. ЛЯШЕНКО, М. В. МАТВЕЕВА (редактор отдела коммунистического воспитания), **С. В. МИХАЛКОВ, А. С. НЕКРАСОВ, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, В. Л. РАЗУМНЕВИЧ, О. М. САВВАТЕЕВА, Е. В. СЕЛЕЗНЕВА** (ответственный секретарь), **Л. С. СИМОНОВА** (зам. главного редактора), **И. Н. ХРИСТОВАЯ** (редактор отдела литературы и искусства), **Ю. М. ЧИЧКОВ, Ю. Ф. ЯРМЫШ.**

Редактор отдела оформления **А. М. ГРИШИН.**
Технический редактор **Е. Г. ЕВДОКИМОВА.**
Макет **Ю. Л. РОДИНА.**

© Издательство «Правда». «Пионер», 1984.

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.

Сдано в набор 03.11.83.
Подписано к печати 21.11.83. А 02810. Формат $84 \times 60^1/_8$.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,46. Учетно-изд. л. 9,00.
Усл. кр.-отт. 31,25. Тираж 1 660 000 экз. Изд. № 5. Заказ № 1710.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

ПЕРЕМЕНКА

Невыдуманные диалоги

НА УРОКЕ ПРИРОДОВЕДЕНИЯ

Учительница. Откуда выпадают осадки в виде воды?
Ученица. Из колонки!

Дина Тохтиева,
Семипалатинская область.

НА УРОКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Учитель. Составь предложение со словом «лес».
Ученик. Я шел по лесу и вдруг увидел дерево.

Оля Ткачева,
г. Фрунзе.

НА УРОКЕ ИСТОРИИ

Учительница. Почему именно в южных странах появились первые люди?
Ученица. Потому что там было очень много обезьян!

Илона Патрушева,
г. Нижний Тагил,
Свердловская область.

НА УРОКЕ ЗООЛОГИИ

Учитель. К какому виду относятся комары?
Ученик. К виду кусающихся.

Сергей Ященко,
пос. Горный,
Донецкая область.

НА УРОКЕ ГЕОГРАФИИ

Учительница. Какие растения растут в смешанных лесах?
Ученица. Пушистые!

А. Шестаков,
г. Семипалатинск.

Из школьных сочинений

«В библиотеку вошли двое: мальчик и девочка. Они были братьями».
«И вот на краю опушки показался олень — стройный, как жирафа».
«Журавли летят на юг с гусиным криком».
«Аня, сидя на стуле, спала и мимоходом ела булку».
«Миша долго смотрел в зеркало, пока не узнал своего лица».
«Она жила напротив, на восьмом этаже пятиэтажного дома».
«Хочется сесть на вороного коня, белого, как снег».
«Далеко тянулась гладь реки и виляла хвостиком».
«Моего старшего брата зовут Петя, он младше меня на три года».

За серьезное и несерьезное поведение детей и взрослых на «Переменках» отвечает Н. РОСТОВЦЕВА.

Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.

87

Учителя, вы в нашем детстве остаетесь

Слова М. ПЛЯЦКОВСКОГО.

Музыка Ю. ЧИЧКОВА,
лауреата Государственной премии СССР
и премии Ленинского комсомола.

Ручьи звенят — и годы катятся, как талая вода,
А мы растем — и нам так хочется романтики...
Учителя, вы в нашем детстве остаетесь навсегда,
Для вас мы будем вечно девочки и мальчики.

Когда-нибудь наступит час — мы разлетимся кто куда,
И распахнет судьба для нас дороги дальние.
Учителя, вы в нашем детстве остаетесь навсегда,
Не зря, прощаясь, говорят вам: «До свидания!»

И пусть отметки в дневниках забыть мы сможем без труда,
И переменок школьных маленькие праздники,
Учителя, вы в нашем детстве остаетесь навсегда,
Мы любим вас, тихони ваши и проказники.

Нам снится снежная тайга и молодые города,
Вы с легкой грустью нас им все же уступаете...
Учителя, вы в нашем детстве остаетесь навсегда,
А это значит — остаетесь в нашей памяти!

ISSN 0130—8009
Цена 30 коп. Индекс 70694.